

Annotation

Мастер детективной интриги, король неожиданных сюжетных поворотов, потрясающий знаток человеческих душ, эксперт самых хитроумных полицейских уловок и даже тонкий ценитель экзотической кухни. Пожалуй, набора этих достоинств с лихвой хватило бы на добрый десяток авторов детективных историй. Но самое поразительное заключается в том, что все эти качества характеризуют одного замечательного писателя. Первые же страницы романа «Ева» послужат пропуском в мир, полный невероятных приключений и страшных тайн, - мир книг Джеймса Хедли Чейза, в котором никому еще не было скучно.

- [Джеймс Хэдли Чейз](#)
 - [Глава 1](#)
 -
 - [Глава 2](#)
 -
 - [Глава 3](#)
 -
 - [Глава 4](#)
 -
 - [Глава 5](#)
 -
 - [Глава 6](#)
 -
 - [Глава 7](#)
 -
 - [Глава 8](#)
 -
 - [Глава 9](#)
 -
 - [Глава 10](#)
 -
 - [Глава 11](#)
 -
 - [Глава 12](#)
 -

- [Глава 13](#)
 -
 - [Глава 14](#)
 -
 - [Глава 15](#)
 -
 - [Глава 16](#)
 -
 - [Глава 17](#)
 -
 - [Глава 18](#)
 -
 - [Глава 19](#)
 -
 - [Глава 20](#)
 -
-

Джеймс Хэдли Чейз

Ева

Глава 1

Прежде чем я приступлю к истории о моих отношениях с Евой, я должен вкратце рассказать кое-что о себе и обстоятельствах, при которых состоялась наша первая встреча. Если бы в то время не произошла коренная перемена в моей жизни и я продолжал бы работать незаметным клерком на рыбоконсервном заводе, я никогда не встретил бы Еву и не стал бы участником событий, которые испортили всю мою жизнь. С тех пор, как я последний раз видел Еву, прошло уже два года, но стоит мне только вспомнить о ней, как меня охватывают самые противоречивые чувства: желание, злоба от того, что мои надежды рухнули и что она, словно цепью, приковала меня к себе как раз в тот период моей жизни, когда вся моя энергия и силы должны были быть отданы труду. Неважно, чем я занимаюсь теперь. Никто никогда не слышал обо мне в городке, расположенном на берегу Тихого океана, куда я переехал около двух лет назад, осознав, какую никчемную и опустошавшую душу жизнь я вел до сих пор. Я убежден: важно не настоящее и не будущее. Значительно только прошлое. И мне поэтому не терпится поскорее начать повесть о Еве. Но прежде, как я уже пообещал, будет рассказ о себе.

Меня зовут Клив Фарстон. Возможно, вы слышали обо мне. Считают, что я – автор нашумевшей пьесы «Остановка во время дождя». Я не писал этой пьесы, но я автор трех романов, которые тоже пользуются известностью. До того как поставили эту пьесу, я был, как и теперь, ничем. Я жил в Лонг-Бич и снимал комнатушку в большом многоквартирном доме, расположенном недалеко от рыбоконсервного завода, на котором работал клерком. Пока в нашем доме не поселился Джон Коулсон, я вел тоскливо-бесцельное существование. Такую жизнь ведут сотни тысяч юношей, у которых нет никаких перспектив в будущем, которые и через двадцать лет будут влачить такую же унылую жизнь. Моя представлялась мне особенно однообразной и одинокой, но я принимал ее с равнодушной покорностью, так как не видел выхода из этой рутины: вставал, шел на работу, питался самой дешевой пищей и всякий раз вынужден был производить расчеты, могу ли я позволить себе купить какую-то вещь, которая мне понравилась, и хватит ли у меня денег, чтобы провести время с женщиной. Жизнь моя переменилась только тогда, когда я познакомился с Джоном Коулсоном, вернее, когда он умер, так как только после его смерти у меня появился шанс изменить бытие к лучшему. Я не упустил этого шанса.

Джон Коулсон знал, что он скоро умрет. Целых три года он боролся с туберкулезом, но настало время, когда у него уже не осталось сил для борьбы. Подобно умирающему животному, которое перед смертью забивается в нору, Коулсон порвал со всеми своими знакомыми и поселился в комнатухе старого дома в Лонг-Бич. Я симпатизировал этому человеку, да и он ничего не имел против нашего знакомства. Возможно, мы сблизились потому, что Джон был писателем, а я всегда мечтал стать им. Правда, стоило мне только задуматься о том, какой это тяжелый труд, как это желание у меня тут же пропадало. Я верил, что у меня есть талант и что если бы только я нашел в себе силу воли и заставил себя писать, то этот скрытый талант принес бы мне славу и богатство. На свете очень много людей, которые считают себя талантливыми, но, подобно большинству из них, я не мог заставить себя начать. Джон Коулсон сказал мне, что написал пьесу и считает ее лучшей из всех им созданных. Я с интересом слушал его, узнавая удивительно полезные сведения о технике писания пьес и о том, что достаточно одной хорошей пьесы, чтобы заработать огромные деньги. За два дня до смерти он попросил меня отослать эту пьесу в издательство: Коулсон был прикован к постели и не в состоянии был сделать это сам.

– Я уже не увижу ее на сцене, – в предчувствии близкого конца грустно говорил он, устремив невидящий взгляд в окно. – Бог знает, кто получит за меня гонорар. Этот вопрос решит мой издатель. Просто удивительно, Фарстон, но у меня нет ни одного наследника. Как бы я теперь хотел иметь детей. Если бы у меня они были, я знал бы, что трудился не напрасно.

Я ненароком спросил Джона, ожидают ли в издательстве пьесу, и он покачал головой.

– Кроме тебя, никто не знает, что я написал ее, – уточнил писатель.

На следующий день, в субботу, в Аламитос-Бей должен был состояться карнавал водного спорта. Я спустился на берег, чтобы вместе с тысячами других любопытных посмотреть соревнования яхт. Я терпеть не мог толпу и толкотню, но было ясно, что Коулсон умирает, и я не мог побороть стремления уйти из дома, желания вырваться из царящей там атмосферы ожидания смерти. Я приехал в порт как раз в тот момент, когда яхты готовили к самому важному соревнованию дня. Призом служил золотой кубок – и состязания обещали быть очень интересными. Мое внимание привлекла одна из яхт: великолепная яхта под красным парусом, форма которой должна была обеспечить ей хорошую скорость. На судне суетились два человека. На одного я посмотрел мельком, так как это был

простой рыбак из местных жителей. Другой был шикарно одет и, очевидно, являлся владельцем яхты. На нем был белый спортивный костюм, ботинки из оленьей кожи. На запястье красовался тяжелый золотой браслет. На толстом лице мужчины было надменное выражение, присущее только тем, кто обладает богатством и властью. Он стоял у румпеля с сигаретой в зубах, следя за последними приготовлениями своего помощника. «Интересно, кто он?» – подумал я и решил, что этот человек – директор кинофабрики или нефтяной король. Понаблюдав еще несколько минут за этим денди, я пошел прочь, но тут же повернул обратно, услышав звук тяжелого падения и встревоженные крики. Оказалось: рыбак упал с яхты в воду. Я увидел его уже лежащим на пристани, и у него была сломана нога. Именно этот несчастный случай был причиной того, что моя судьба в корне изменилась. Имея некоторый опыт в управлении яхтами, я добровольно вызвался занять место рыбака. Результат соревнования для меня был неожиданным и ошеломляющим: победителями стали я и владелец яхты с красным парусом. Мы завоевали золотой кубок. И только после того, как состязания были закончены, хозяин яхты представился мне. Когда он назвал свое имя, я сразу даже не понял, какое мне привалило счастье. Роберт Ровен был в то время одним из самых влиятельных людей театральной гильдии. Он был владельцем восьми или девяти театров и поставил целый ряд на шумевших спектаклей. Завоевав кубок в состязании яхт, он радовался, как ребенок, и горячо благодарил меня на прощание за помощь. Он дал мне свою визитную карточку и торжественно обещал сделать для меня все, что в его силах.

Судьба делала мне подарок, и оставалось только решить: принять его или отказаться. Она послала мне того, кто мог сделать меня счастливым и богатым. Ровен мог осуществить постановку пьесы Коулсона. Искушение присвоить труд умирающего Джона появилось после расставания с Ровеном и не отпускало меня до самого возвращения домой. А дома я нашел Коулсона в бессознательном состоянии. На следующий день он умер. Его пьеса, готовая к отправке издателю, лежала на моем столе. Я больше не колебался. Коулсон сам признался мне, что у него нет наследников, значит, не грех было ему подумать обо мне. Пал последний останавливающий меня аргумент – и с угрызениями совести было покончено. Я распечатал пакет и прочитал пьесу. Несмотря на то что я совсем не разбираюсь в пьесах, прочитав эту пьесу, я понял, что она просто великолепна. Это привело меня в некоторое замешательство, пришли раздумья над тем, не обвинят ли меня в плагиате, но в конце концов я решил, что это мне не угрожает. Перед тем как лечь спать, я отпечатал

новую титульную страницу и новую обложку. Вместо названия «Бумеранг» Джона Коулсона на титульной странице и обложке было отпечатано: «Остановка во время дождя» Клива Фарстона. На следующий день я отослал пьесу Ровену. Приблизительно через год пьеса была поставлена. За это время она претерпела множество изменений по сравнению с оригиналом. Ровен тоже ввел в нее свои поправки, чтобы фигурировало и его имя, производившее всегда нужный эффект. Роберт Ровен прибежал к этому в тех случаях, когда финансировал какую-нибудь театральную премьеру. Достаточно было одного его имени, чтобы постановке был обеспечен успех. К этому времени я уже привык к мысли о том, что пьеса написана мной, и, когда она с большим успехом прошла в театрах и стала сенсационным событием, я искренне гордился этим. Как было приятно входить в заполненную людьми комнату и видеть во время церемонии представления на всех лицах изумление и восторг. Для меня это было равносильно признанию. Еще больше я возгордился, когда стал получать крупные суммы, в то время как раньше я с трудом зарабатывал сорок долларов в неделю. Меня убедили, что пьеса не сойдет с театральных подмостков еще несколько лет, и я переехал из Нью-Йорка в Голливуд. Я чувствовал, что с моей теперешней репутацией на меня будет большой спрос и что теперь я могу стать во главе группы ведущих драматургов. Еженедельный гонорар в сумме две тысячи долларов позволил мне без всяких колебаний снять шикарную квартиру в ультрасовременном особняке на Сансет-стрит. Поселившись там, я решил основательно обдумать сюжет и начать работать над новой вещью – романом. В романе была описана история человека, который был ранен на войне и не мог жить с любимой девушкой. Мне был известен подобный случай в жизни, и я знал дальнейшую судьбу одной такой девушки. В свое время эта история произвела на меня большое впечатление. Каким-то чудом мне удалось очень живо отобразить переживания двоих в своей книге. Безусловно, помогло и то, что мое имя уже пользовалось достаточной популярностью. Но я склонен думать, что если бы даже оно не было известно, то книга все равно имела бы успех. Было распродано 97 тысяч экземпляров, и книга все еще находила спрос, когда на книжном рынке появился мой второй роман. Он не был таким удачным, как первый, но шел неплохо. В моем третьем романе рассказывалось об одной супружеской паре, о которой я знал в реальной жизни много подробностей. Эта семья окончила разводом из-за возмутительного и прямо-таки скандального поведения супруги. Мне не пришлось поэтому ломать голову над сюжетом. Я просто сидел за пишущей машинкой и мечтал. Книга написалась сама собой. И когда ее

опубликовали, она стала пользоваться большим успехом. После этого я уверовал в свой талант и сказал себе, что мог бы достичь признания и без пьесы Джона Коулсона. Я поражался своей глупости и ругал себя за то, что столько лет протирал штаны в заводской конторе, тогда как я должен был давным-давно начать писать и зарабатывать большие деньги. Через несколько месяцев я решил написать пьесу. Первую пьесу уже не ставили на Бродвее, и она совершала театральное турне за границей. Она все еще приносила мне большие доходы, но я знал, что пройдет немного времени и авторский гонорар уменьшится, а у меня не было ни малейшего желания снижать свой жизненный уровень. Кроме того, мои друзья беспрестанно спрашивали, когда же я наконец напишу новую пьесу, и эти вопросы действовали мне на нервы. Приступив к пьесе, я обнаружил, что не могу найти подходящего сюжета. В поисках его я разговаривал с людьми из театрального мира, но в Голливуде никто своими идеями не делится. Я ломал голову, нервничал, но все было напрасно. В конце концов я послал эту пьесу к черту и решил написать роман. Я сел за пишущую машинку и написал еще один роман. Я печатал его не отрываясь, пока не закончил последнюю страницу, и тут же отправил его издателю. Через две недели он пригласил меня на завтрак и откровенно и недвусмысленно сказал, что роман никуда не годится. Я и сам это знал, знал в тот самый момент, когда поставил в конце своего создания точку. Я попросил издателя забыть о существовании моего нового романа и объяснил свою неудачу тем, что не успел как следует обдумать сюжет, так как меня постоянно отвлекали. К концу месяца я обещал принести новый роман. Я стал искать место, где бы мог работать спокойно и не отвлекаться. И я убедил себя в том, что если бы я скрылся от своих многочисленных друзей, отнимающих у меня массу времени и внимания, поселился бы в каком-нибудь тихом и красивом местечке и привел бы в порядок свои нервы, то снова написал бы бестселлер или хорошую пьесу. Я был так уверен в себе, что не сомневался в том, что если осуществлю свой план, то напишу действительно хорошую книгу. Совершенно случайно я нашел место, которое мне показалось просто идеальным для работы над моим детищем.

Фри-Пойнт был одноэтажным домом, расположенным в нескольких ярдах от дороги в Биг-Биэ-Лейк. С широкой террасы открывался великолепный вид на горы. Дом был меблирован со всевозможной роскошью и имел все современные средства автоматизации, чтобы живущий в нем человек тратил на свое обслуживание минимум труда и времени. В доме даже имелась маленькая, но довольно мощная установка кондиционирования воздуха. Я с радостью снял дом на все лето. Я

надеялся, что Фри-Пойнт будет для меня спасением. Но этого не произошло. Я вставал около девяти часов и устраивался на террасе, поставив перед собой кофейник крепкого кофе и пишущую машинку. Любуясь открывающимся моему взору красивым видом, я предавался мечтам и созерцанию, но не сочинял. Необходимость писать мучила меня. Я беспрерывно курил, и, хотя мысли не шли и ворочались в голове с трудом, я заставлял себя напечатать несколько страниц, но, недовольный написанным, рвал готовые листы в клочья. Днем я имел обыкновение уезжать в Лос-Анджелес и разгуливать по аллеям парка, беседуя с авторами киносценариев и наблюдая за кинозвездами. К вечеру я возвращался во Фри-Пойнт, снова безуспешно пытался работать, злился и, так ничего и не сделав, ложился спать.

Именно во время кризиса в моей литературной карьере, когда на успех или провал влияет малейшее нервное расстройство, в мою жизнь вошла Ева. Она притягивала меня с такой силой, с какой гигантский магнит притягивает гвоздь. Она никогда не знала, что ее власть надо мной так велика, впрочем, даже если бы Еве стало это известно, на нее это не произвело бы ни малейшего впечатления. Высокомерное безразличие было самой тяжелой чертой ее характера, но мне приходилось мириться с ним. Когда я находился рядом с этой женщиной, у меня появилось огромное желание подчинить ее себе, заставить выдать тайну ее необъяснимой власти надо мной. Борьба между нами стала для меня навязчивой идеей.

На этом я заканчиваю разговор о себе. Все, что я хотел сказать, сказано, и теперь я могу начать рассказ о Еве. Я давно хотел написать о ней. Я даже пробовал доверить бумаге свою жизнь и в ней Еву, но мне это не удавалось. Возможно, мне повезет на этот раз. Если эта книга когда-нибудь будет опубликована, может, она попадет на глаза Еве. Я вижу, как она лежит на кровати, зажав в пальцах сигарету, и читает эту книгу. Я знаю, что через жизнь Евы Марлоу прошло такое множество мужчин, похожих друг на друга как две капли воды, что она забыла большинство из них, если не всех. Она с таким же успехом могла забыть и меня, и то, как мы проводили с ней время. А может быть, она вспомнит меня, и ей будет интересно снова пережить прошлое, и, может быть, она снова почувствует свою власть надо мной, и это скрасит ее одиночество. Прочитав книгу до конца, Ева узнает, что я до сих пор связан с ней всеми фибрами своей души, связан с ней гораздо глубже, чем она когда-либо предполагала, и поймет, что, срывая покровы с нее, я срываю их и с самого себя. Вот она дочитывает последнюю страницу, и лицо ее застывает в презрительной гримасе, которую мне так часто приходилось видеть. Потом книга

безразлично отбрасывается в сторону...

Глава 2

На заправочной станции в Сан-Бернардино мне сказали, что надвигается торнадо. Парень, обслуживающий станцию, одетый в белоснежную спецодежду с красным треугольником на груди, посоветовал мне переночевать в Сан-Бернардино. Но я не послушался его.

Когда я оказался в горах, поднялся сильный ветер. Я проехал еще милю. Внезапно звезды затянуло тучами и начался ливень, скрывавший сплошным черным занавесом, как стеной, все обозримое до этого пространство земли и неба. «Дворники» с трудом справлялись отбрасывать потоки воды с ветрового стекла. Я видел перед собой лишь несколько футов блестящей от дождя черной дороги, вырываемой из тьмы светом фар. Шум ветра и ливень, хлеставший по машине, вызывали у меня такое ощущение, словно меня засунули внутрь гигантского барабана, по которому какой-то сумасшедший изо всех сил колотит не предназначенными для этого палочками, а поленьями. Хрустели, ломаясь, ветки деревьев, и падали камни, но все это заглушалось шумом воды, ударяющей в колеса автомобиля. Потоки воды стекали с боковых стекол. В ближайшем от себя я увидел мое отраженное лицо. Освещенное желтоватым светом приборного щитка, оно было ужасным. Не различая дороги, я вел машину практически вслепую, результатом было то, что машина едва не сорвалась в пропасть, которая оказалась справа от меня. Слева нависали скалы, а далеко внизу виднелась долина. Сердце мое сжалось от страха. Я вцепился в рулевое колесо и дал газ, но ветер был таким свирепым, что машина не прибавила скорости. Стрелка спидометра колебалась между 10 и 15 мильми в час, и это была максимальная скорость, которую я мог выжать из машины. Притормозив на повороте, я увидел, что посередине дороги стоят два человека в черных макинтошах, блестящих от капель под светом фонарей, которые путники держали в руках. Машина почти остановилась. Один из путников подошел.

– Неужели это вы, мистер Фарстон?! – воскликнул он, приблизив лицо в проем опущенного мной бокового стекла. С полей его шляпы на мои руки потекли потоки воды. – Вы едете во Фри-Пойнт?

Я тоже узнал застигнутого ливнем в дороге мужчину.

– Привет, Том! – сказал я. – Смогу я прорваться?

– Думаю, что да. – Его лицо было от дождя и ветра цвета свежего мяса. – Дорога трудная. Будет лучше, если вы вернетесь.

Я включил зажигание.

– Я попробую прорваться. Дорогу не завалило?

– Два часа назад проехал большой «Паккард». Обрато он не возвращался. Может быть, с ним все в порядке. Будьте очень внимательны и осторожны. Ветер на вершине просто дьявольский!

– Если проехал «Паккард», я тоже проеду, – сказал я и, подняв ветровое стекло, тронулся.

Я сделал еще один крутой поворот, стараясь держаться как можно ближе к скале. Через несколько минут я очутился на узкой горной дороге, ведущей к Биг-Биз-Лейк. Внезапно лес отступил назад, и, если бы не несколько валунов, вся остальная дорога к Биг-Биз-Лейк была бы голой и открытой ветру. Как только я выехал из-под укрытия деревьев, на машину обрушился ветер. Я почувствовал, как ее встряхнуло. Задние колеса приподнялись на несколько дюймов над землей, потом снова опустились на дорогу. Я выругался. Если бы это произошло во время поворота, я наверняка сорвался бы в пропасть. Включив первую передачу, я снизил скорость. Дважды машина останавливалась под яростными порывами встречного ветра. И каждый раз глох мотор, и я должен был мгновенно принимать меры, чтобы не скатиться вниз. Нервы мои совершенно сдали. Дождь заливал ветровое стекло, и я должен был вплотную прижиматься к стеклу, чтобы разглядеть, где я нахожусь. Оказалось, что я подъехал к гребню горы. Ширина дороги была не более 20 футов, и следующий поворот мне удалось совершить каким-то чудом, потому что ветер бросал машину из стороны в сторону, встряхивал ее и отрывал колеса от земли. После того как я сделал поворот, появилось какое-то укрытие и ветер стал ощущаться меньше. И несмотря на то что по крыше машины продолжал колотить дождь, у меня отлегло от сердца: я знал, что теперь дорога пойдет вниз и ветер будет мне не страшен. До Фри-Пойнта оставалось уже несколько миль, и, хотя я знал, что самая тяжелая часть моего путешествия закончена, я продолжал ехать очень осторожно. И не зря. Неожиданно фары моей машины осветили какой-то автомобиль. Я едва успел вовремя нажать на тормоза. Машину занесло, и в какое-то мгновение появилось неприятное чувство тошноты от мысли и ощущения, что машина соскользнет с дороги. Но пронесло и на этот раз, я только врезался бампером в багажник второй машины, и меня с силой бросило на рулевое колесо. Проклинаю идиота, который оставил машину посередине дороги без сигнальных огней, я стоял на подножке своей машины, пытаюсь рукой нащупать фонарь. Сверху на мою голову лились потоки воды. Прежде чем ступить на землю, я направил луч фонаря вниз, чтобы посмотреть, куда

поставить ноги. Вода поднималась до колпаков колес, и, осветив стоящую на дороге машину лучом фонаря, я тут же понял, почему ее бросили здесь. Передние колеса были в воде, и скорее всего вода попала в карбюратор. Вместо дороги, которую я так хорошо знал, я увидел перед собой огромное озеро, протянувшееся на несколько миль. Я осторожно спустился с подножки машины – и мои ноги до колен погрузились в воду. Липкая грязь засосала ботинки, и я, разбрызгивая ее во все стороны, направился к брошенной машине. Дождь превратил мою шляпу в бесформенный гриб. Я с отвращением сорвал ее с головы и бросил в грязь. Добравшись до машины, я приник к ее стеклу. Машина была пуста, я влез на подножку, потом на капот, чтобы рассмотреть дорогу. При свете фонаря я увидел, что дороги больше не существует. Обломки деревьев, валуны и грязь совершенно скрыли ее из вида, образовав что-то вроде плотины. Машина оказалась «Паккардом», и я решил, что именно о ней мне говорил Том. И вот я тоже оказался в таком положении, когда должен был оставить машину, так как дальше ехать не было никакой возможности. Мне оставалось только одно: идти пешком. Я вернулся к своей машине и вытащил рюкзак. Заперев дверцы машины, я прошел мимо «Паккарда» и, шлепая по воде, потащился по джунглям из валунов и деревьев, которыми была завалена дорога. Как только я выбрался из воды, идти стало гораздо легче. Вскоре я поднялся на вершину горы и, посмотрев вниз на дорогу, обнаружил, что впереди препятствий больше нет. Спускаться вниз было гораздо труднее, и я едва не упал. Бросив рюкзак, я вцепился в корни деревьев, чтобы не скатиться вниз. Потом долго искал рюкзак. В конце концов я все-таки выбрался на дорогу. Теперь я неуклонно шел вперед и через десять минут стоял перед белыми воротами Фри-Пойнта. Идя по дорожке, ведущей к дому, я вдруг увидел, что в гостиной горит свет. Решив, что в доме у меня устроился водитель «Паккарда», я ужасно разозлился. Как он пробрался в чужой дом? Осторожно приблизившись к дому и стараясь посмотреть на незваного гостя прежде, чем он увидит меня, я взошел на крыльцо, поставил на пол рюкзак, стянул с себя насквозь промокший плащ и швырнул его на деревянную скамейку. Потом я бесшумно подошел к окну и заглянул в освещенную комнату. Незнакомец разжег камин, и отсветы пламени веселыми бликами отражались на стенах. Комната была пуста. Но пока я стоял, раздумывая, входить или нет, из кухни вышел мужчина, в руках у которого была моя собственная бутылка виски, два стакана и сифон. Я с интересом посмотрел на гостя. Он был маленького роста, но с мощными плечами и широкой грудью. У него были холодные голубые глаза и длинные руки, которые мне приходилось когда-

либо видеть у существа более цивилизованного, чем орангутанг. С первого же взгляда я возненавидел этого мужчину. Стоя перед камином, он наливал в стакан виски. Один стакан поставил на камин, другой поднес ко рту и с видом знатока, словно сомневаясь в его качестве, попробовал виски. Я наблюдал, как он полоскал напитком рот, задумчиво наклонив голову и прищурился глазами. Потом он кивнул головой, вероятно, удовлетворенный качеством виски, и залпом проглотил все, что осталось в стакане. Наполнив стакан снова, он сел в кресло, придвинул его поближе к камину и поставил бутылку с виски перед собой. На вид мужчине было лет сорок с лишним. Он не был похож на владельца «Паккарда». У него был немного поношенный костюм и безвкусный галстук и какого-то грязного цвета рубашка. Мне была смертельна сама мысль о том, что придется провести ночь под одной крышей с этим человеком. Стакан виски, стоящий на камине, навел меня на размышления. По-видимому, у незваного гостя был к тому же еще и компаньон! У меня появилось большое желание остаться на крыльце и посмотреть, кто же этот второй, но ветер и промокшая одежда заставили меня действовать решительнее. Нет, я не намерен был оставаться здесь больше ни минуты. Подняв рюкзак, я подошел к двери. Она была заперта. Вытащив из кармана ключи, я бесшумно открыл дверь и вошел в прихожую, бросил рюкзак на пол и остановился, раздумывая, куда мне идти: в гостиную, чтобы познакомиться с незванным гостем, или вначале пройти в ванную. В эту минуту мужчина показался на пороге, с удивлением уставился на меня и крикнул:

– Какого черта вам здесь нужно?!

Голос у него был грубый и неприятный. Я оглядел его с головы до ног.

– Добрый вечер. Надеюсь, я никому не помешал в своем собственном доме?

Я ожидал, что спесь выйдет из него, как воздух из лопнувшего мяча, но не тут-то было: он стал еще агрессивнее. Его маленькие глазки сверкали и сверлили меня, как буравчики, вены на висках вздулись.

– Уж не хотите ли вы сказать, что это жилище принадлежит вам?

Я кивнул.

– Именно так, но пусть это вас не смущает. Лучше выпейте виски. Оно на кухне, а я пойду приму ванну и скоро вернусь.

Он тупо посмотрел мне вслед. Я вошел в спальню, закрыл за собой дверь. Вид спальни окончательно меня взбесил. От двери до кровати, как камни, положенные, чтобы перейти речку в виде мостика, валялись различные предметы женского туалета: черное шелковое платье, белье, чулки. Перед дверью в ванную лежали черные замшевые туфли, густо

облепленные грязью. На кровати лежал открытый чемодан из свиной кожи, из которого высовывалось разноцветное женское белье. На стуле перед электрокамином валялся голубой халатик с короткими рукавами. Я стоял, уставясь на весь этот беспорядок, не находя слов от бешенства. Но прежде чем я успел что-либо предпринять – а я готов был уже ворваться в ванную и высказать свое мнение о такой наглости, – дверь открылась и в спальне появился мужчина. Я резко повернулся к нему.

– Что все это означает? – спросил я, махнув рукой в сторону разбросанных на полу вещей и чемодана. – Или вы приняли мой дом за отель?

Мужчина нервно поправил галстук.

– Не надо волноваться! Дом был пустой!..

– Хорошо, хорошо, – выпалил я, стараясь сдержать раздражение. Скандальничать было бесполезно. Этой парочке не повезло, что я вернулся, когда они совсем не ожидали этого. – Вы, конечно, сумеете устроиться здесь не хуже, чем дома, – продолжал я. – Не обращайтесь на меня внимания. Я промок и поэтому раздражен. Дьявольская погода, не правда ли? Извините меня, я воспользуюсь второй ванной.

Я проскочил мимо него и спустился вниз по коридору в комнату для гостей.

– Я приготовлю вам что-нибудь выпить, – крикнул мужчина мне вслед.

«Неплохо, – подумал я. – Незваный гость угощает меня моим же собственным виски». Захлопнув за собой дверь спальни, я снял промокшую одежду. После того как я принял горячую ванну, мне стало немного лучше. Побрившись, я почувствовал себя достаточно мужчиной, чтобы подумать о том, какова женщина, которая расположилась в моей спальне. Но, вспомнив о ее спутнике, я снова почувствовал неприязнь к нему. Если она похожа на него, мне предстоит провести кошмарную ночь. Я натянул на голову сетку, пригладил волосы и посмотрел на себя в зеркало. Я казался значительно моложе своих сорока лет. Большинство людей давали мне тридцать с небольшим. Это мне льстило... В конце концов, я такой же человек, как и все другие: все мы любим, когда нам говорят приятные вещи. Я посмотрел на свое скуластое лицо, квадратную челюсть и ямочку на подбородке. То, что я увидел, меня вполне удовлетворило. Я высокий и худощавый. Костюмы всегда сидят на мне великолепно. Даже не зная газетного ярлыка, пришпиленного ко мне, внешне меня вполне можно принять за известного драматурга или автора нашумевшего романа. Перед тем как войти в гостиную, я остановился и прислушался. До меня доносился голос мужчины, но слов я разобрать не

мог. Расправив плечи и придав лицу безразличное выражение, которое у меня было отработано для встреч с представителями прессы, я повернул ручку и вошел в комнату.

Глава 3

И тогда я впервые увидел эту женщину. Худенькая и темноволосая, она сидела на корточках перед камином. На ней был голубой халат с короткими рукавами, который до этого валялся у меня в спальне на стуле. Несмотря на то что она слышала, как я вошел, она не обернулась. Когда она протянула руки к огню, на ее пальце сверкнуло обручальное кольцо. Кроме того, я успел заметить, что ее плечи были немного шире бедер. Мне всегда нравились женщины с такими фигурами. Я не возражал против того, что гостья не обернулась на мое появление, и против ее обручального кольца. Меня возмутило только то, что она в халате. Халат – самая невыигрышная одежда для женщины. Даже если незнакомке невдомек, кто я такой, она все равно могла бы попримечательнее одеться. Мне и в голову тогда не пришло, что ей абсолютно безразлично, как она выглядит. Я подходил к ней с теми же стандартами, что и ко всем остальным моим знакомым женщинам. Все они предпочли бы, чтобы я скорее увидел их обнаженными, чем в халате. С моей репутацией, деньгами и внешностью я привык к тому, что женщины баловали меня. Вначале их внимание льстило мне, потом я понял, что большинство из них относятся ко мне как к любому другому холостяку в Голливуде: ты холост, значит, тебя можно заполучить. Им нужны были мои деньги, мое имя, вечеринки, которые я устраивал, – все что угодно, только не я. Большинство женщин, если в них была какая-то изюминка, интересовали меня. Хорошенькие, со вкусом одетые женщины были неотделимой частью моего существования, стимулом жизни и средством оставаться молодым. Я любил, чтобы меня окружали женщины, как некоторые люди любят, чтобы их окружали хорошие картины. Но в последнее время женщины стали мне надоедать. Я обнаружил, что мои отношения с ними сводятся к серии стратегических маневров, при которых дамы стараются получить максимальное удовольствие, подарки, знаки внимания, а я получаю только несколько часов восторга, лишеного всяких иллюзий.

Кэрл была исключением. Только к ней я относился иначе, чем к другим. Мы познакомились с ней в Нью-Йорке, когда я ожидал постановку пьесы «Остановка во время дождя». В это время девушка была личной секретаршей Роберта Ровена. Я понравился ей, и – что действительно странно – мне понравилась она. Именно она посоветовала мне переехать в Голливуд, где работала в фирме «Интернэшнл Пикчез» в должности

секретарши и надеялась получить еще должность сценаристки. Я не способен долго любить одну и ту же женщину. Мне кажется, что в этом отношении меня можно даже пожалеть. У тех мужчин, которые, придерживаясь старомодных традиций, до конца своих дней живут с одной и той же женщиной, вероятно, есть много преимуществ перед такими, как я. Ведь если бы в этом не было преимуществ, то вряд ли большинство мужчин стремились бы к тому, чтобы обзавестись женами. Когда я задумываюсь на этот счет, у меня появляется чувство, что судьба в чем-то обошла меня, и мне становится жаль себя оттого, что я не похож на всех мужчин, с которыми мне доводилось встречаться. До приезда в Голливуд было время, когда я серьезно подумывал о женитьбе на Кэрол. Я с удовольствием проводил с ней время и считал, что она гораздо умнее всех моих приятельниц. Но Кэрол была слишком занята на киностудии, и виделись мы урывками. У меня было множество других женщин, которые отнимали время не только днем, но и ночью. Кэрол часто подшучивала надо мной из-за них, и я стал считать, что ей безразличны мои похождения с другими. И только однажды вечером, когда я выпил и сказал ей, что люблю ее, девушка выдала свои истинные чувства ко мне. Возможно, она это сделала потому, что тоже была пьяна. Недели две все во мне переворачивалось, когда я встречался с другими женщинами. Потом угрызения совести стали тревожить меня все меньше и меньше, я привык к мысли, что Кэрол любит меня так же легко, как и я ее. Так я относился ко всему, что длилось достаточно долго. Даже если мои приятельницы надоедали мне, я никогда не давал им это почувствовать, придерживаясь в этом отношении самых высоких моральных правил. Я считал себя обязанным радушно принять каждую из навещавших меня и окружить ее всевозможной роскошью и знаками внимания. Я никогда не скупился на приемы и подарки. Все мои приятельницы одевались по последней моде и со вкусом. Явившись передо мной в халате, Ева как бы нанесла мне личное оскорбление.

Пока я разглядывал ее, мужчина, который смешивал виски с содовой, стоя у буфета, подошел ко мне и подал полный стакан. Гость был немного пьян, и теперь, когда я посмотрел на него при ярком электрическом свете, я заметил, что мужчина не брит.

– Я – Бероу, – сказал он, выдыхая пары виски мне прямо в лицо, – Херви Бероу. Я неловко себя чувствую и приношу извинения, что ворвался к вам в дом, но иного выхода у меня не было.

Он стоял вплотную ко мне, втиснув свое толстое тело между мной и женщиной у камина. Этот Херви несколько не интересовал меня. Даже

если бы он замертво свалился у моих ног, я не заметил бы этого. Я сделал несколько шагов назад, чтобы видеть женщину. Она продолжала неподвижно сидеть у камина, словно не зная, что я нахожусь в комнате, и, как ни странно, ее полное и намеренное безразличие вызвало у меня какое-то приятное волнение. Бероу постучал пальцами по моему рукаву. Я отвернулся от женщины и внимательно посмотрел на мужчину. Он снова начал извиняться, что ворвался ко мне самым бесцеремонным образом, но я оборвал извинения Херви, сказав, что он поступил совершенно правильно и что, будь я на его месте, я поступил бы точно так же. Затем, словно невзначай, я шепотом представился ему, стараясь, чтобы женщина не расслышала моих слов. Если она все же захочет произвести на меня впечатление, я буду скрывать свое имя до самого последнего момента, а назвав его, я буду полностью удовлетворен, увидев в ее глазах замешательство и испуг, который она наверняка почувствует, осознав, кем она пренебрегла. Я повторил свое имя дважды, прежде чем мужчина разобрал его, но и расслышанное, оно было для него пустым звуком. Фактически я даже помог ему понять, кто я, добавив слово «писатель». Но я обнаружил, что мое имя ему неизвестно. Он был самым обыкновенным невеждой, который не разбирается ни в литературе, ни в искусстве. С той же минуты, как я это понял, гость перестал для меня существовать.

– Рад познакомиться с вами, – торжественно сказал Бероу, пожимая мою руку. – Хорошо, что вы не сердитесь на меня. Другой бы дал мне пинок в мягкое место и вышвырнул меня вон.

Я поступил бы так с величайшим удовольствием, но я солгал, сказав:

– Все в порядке! – И оглянулся на женщину. – А что с вашей женой? Она приросла к полу? Она глухонемая или просто стесняется?

Херви проследил за моим взглядом, его грубое, красное лицо вытянулось.

– Я влип, словно муха в варенье, старик, – прошептал мне доверительно на ухо мужчина. – Во-первых, она мне не жена, а во-вторых, она просто сумасшедшая. Она промокла, а дамочки, подобные ей, не любят мокнуть под дождем. От этого у них портится настроение, и они капризничают.

– Понятно, – сказал я и внезапно почувствовал отвращение. – Не обращайтесь внимания на капризы. Я хочу познакомиться с ней.

Я подошел к камину и остановился рядом с гостьей. Она повернула голову, посмотрела на мои ноги и тут же взглянула мне прямо в лицо. Я улыбнулся и сказал:

– Привет!

– Привет, – ответила она и, отвернувшись, снова уставилась на огонь.

Я бросил только один мимолетный взгляд на ее лицо, отметил тонкие, плотно сжатые губы, острый, упрямый подбородок, беспокойные глаза, но этого было достаточно. Внезапно у меня перехватило дух. Такое чувство появляется, когда, добравшись до вершины горы, внезапно посмотришь вниз, в пропасть под ногами. Я хорошо знал, что обозначает это чувство. Незнакомку нельзя было назвать хорошенькой. Лицо ее было довольно простым, но присутствовал в нем какой-то магнетизм, который вызывал во мне необъяснимое волнение. Может быть, магнетизм не то слово. Инстинкт говорил мне, что за ее маской было что-то примитивное, порочное, животное, и вместе с тем достаточно было одного взгляда на нее, чтобы по телу прошел электрический ток. Я решил, что вечер может неожиданно оказаться удачным. Скорее всего он будет чрезвычайно интересным.

– Не хотите ли вы выпить? – спросил я, надеясь, что женщина снова посмотрит на меня. Но этого не случилось. Она нагнулась к ковру и села, поджав под себя ноги.

– Спасибо, мне уже налили, – она махнула рукой в сторону стоящего на камине стакана.

Подошел Бероу.

– Это – Ева. Ева... – Он смутился, лицо его покраснело.

– Марлоу, – подсказала женщина, опустив на колени сжатые в кулаки руки.

– Именно так, – проговорил Бероу. – Я совсем не запоминаю фамилий.

Он посмотрел на меня, и я понял, что и мое имя он уже успел позабыть. У меня не было ни малейшего желания вторично представляться ему. Если этот подонок не помнит имени своей любовницы, пусть он идет ко всем чертям.

– Значит, вы промокли? – обратился я к гостье и рассмеялся.

Она посмотрела на меня. Я не верю первым впечатлениям, но на этот раз я не сомневался в их правильности. Я определил, что по натуре Ева – мятежница и что у нее отвратительный характер: вспыльчивый, бешеный, своенравный. Несмотря на то что она была изящной и хрупкой, выражение ее глаз, манера держать себя создавали впечатление силы. На переносице у женщины были две глубокие морщинки. Они-то и придавали характерное выражение ее лицу, свидетельствуя о том, что их появление – результат перенесенных жизненных невзгод и неприятностей. У меня появилось огромное желание разузнать о ней как можно больше.

– Я действительно промокла, – сказала она и тоже засмеялась.

Ее смех поразил меня. Он был мелодичным и заразительным. Когда

она засмеялась и посмотрела на меня, выражение ее лица совершенно переменилось. Женщина сразу помолодела. Жесткие линии ее лица смягчились. Трудно было определить ее возраст: около тридцати, возможно, двадцать восемь, возможно, тридцать три. Но, когда она смеялась, ей можно было дать двадцать пять лет.

Бероу занервничал и подозрительно посмотрел на нас. У него была причина на это. Если бы он слушал внимательно и имел способность наблюдать, то понял бы, что Ева волнует меня.

– Я тоже промок, – сказал я и, придвинув к ней кресло, сел. – Если бы я знал, что разразится торнадо, я бы провел ночь в Сан-Бернардино. Теперь я рад, что вернулся сюда.

Они оба посмотрели на меня: мужчина с нарастающей тревогой, женщина, как мне показалось, – оценивающе.

– Вы издалека приехали? – спросил я на правах хозяина и с целью втянуть в разговор гостью.

Наступило молчание. Ева смотрела на огонь. Бероу вертел стакан толстыми пальцами, и я почувствовал, что у Херви нет желания отвечать на мой вопрос.

– Из Лос-Анджелеса, – наконец выдавил он.

– Я довольно часто бываю в Лос-Анджелесе, – сказал я Еве. – Почему же я никогда не встречал вас раньше?

Она холодно и безучастно посмотрела на меня и тут же отвернулась, ответив с недовольством:

– Не знаю.

Обычно, когда я имею дело с женщинами, я нахожу в их глазах немедленный отклик. На этот раз все было иначе. Но это меня не остановило. Я решил продолжать расспросы, отметив про себя, что, если бы женщина узнала, кто я такой, она, наверное, отнеслась бы ко мне с большим интересом. Я подумал, что следует назвать себя, что настало время представиться, чтоб увеличить свои шансы в начавшемся поединке по завоеванию расположения женщины. Но на этот раз меня совсем непредвиденно опередил Бероу. Он, видно, почувствовал или разгадал мои намерения, потому что в следующий момент Херви уже осушал свой стакан и очень решительно и откровенно заявлял свои права на Еву, похлопывая ее по плечу.

– Ложись спать, – повелительным тоном сказал он женщине.

«Если я правильно разгадал ее характер, – подумал я, – она пошлет его к черту». Но Ева против ожидания этого не сделала.

– Хорошо, – ответила она безразлично и встала на колени.

– Не уходите, – попросил я. – Вы, наверное, оба проголодались. У меня кое-что есть в холодильнике. Может быть, поужинаем?

– Мы пообедали в Глендоре, по пути сюда. Пусть идет спать, она устала.

Я посмотрел на Херви и рассмеялся, но он промолчал, тупо уставясь на свой пустой стакан. Только на лбу у него вздулись вены, что выдавало сдерживаемое напряжение Бероу. Ева встала. Она была меньше ростом и изящнее, чем я предположил вначале. Ее голова не доставала мне до плеча.

– Где я буду спать? – спросила женщина, глядя куда-то поверх моего плеча.

– Вы можете занять спальню, а я устроюсь в комнате для гостей. Но если все же не хотите спать, буду рад продолжить с вами разговор.

– Я хочу спать, – сказала Ева, направляясь к двери.

Когда женщина ушла, я сказал:

– Пойду взгляну, есть ли у нее все необходимое. – Я вышел вслед за ней, прежде чем Бероу сделал хотя бы шаг.

Ева стояла в спальне у камина, заложив руки за голову. Потянулась, зевнула, не замечая меня, но, когда увидела стоящего в дверях, ее губы сжались и в глазах появилось уже однажды отмеченное мною оценивающее выражение.

– Есть ли у вас все необходимое? – улыбнувшись, спросил я. – Вы уверены, что не хотите есть?

Она рассмеялась. Я решил, что она издевается надо мной, так как прекрасно понимает, чем продиктована моя забота о ее комфорте. Такое понимание женщины меня устраивало: не надо было тратить лишнее время на предварительное ухаживание.

– Мне ничего не нужно... Благодарю вас.

– Если вы так уверены... Я хочу, чтобы вы чувствовали себя как дома. У меня сегодня праздник: впервые в мой дом вошла женщина.

Как только я произнес эти слова, я сразу понял, что совершил ошибку. Улыбка в глазах женщины тут же сменилась холодным недоверием.

– Да? – спросила она и, подойдя к кровати, вынула из сумки розовый шелковый пеньюар и небрежно бросила его на стул.

Ева знала, что я соврал, и изменившееся выражение ее лица не скрывало того, что она считает меня лжецом. Я разозлился.

– Этому трудно поверить? – спросил я, делая шаг вперед.

Она собрала разбросанное по кровати белье, засунула его в сумку и поставила ее на пол.

– Чему трудно поверить? – спросила Ева, подойдя к трюмо.

– А тому, что у меня не бывает женщин.

– А мне-то какое дело до того, бывают они здесь или нет?

Она, безусловно, была права, но меня задело ее безразличие.

– Да, безусловно, это должно быть вам безразлично, – сказал я, чувствуя себя униженным.

Женщина сосредоточенно занялась собой: она стала причесывать волосы, внимательно глядя на себя в зеркало. Уход в себя произошел у Евы мгновенно. Я почувствовал, что она забыла о моем присутствии в комнате.

– Дайте мне вашу промокшую одежду, – предложил я, напомнив о себе, – ее следует повесить в кухне просушить.

– Я сама могу позаботиться об этом, – слова прозвучали резко и даже надменно. При этом Ева повернулась ко мне и плотнее запахнула халат. Две морщинки на переносице обозначились отчетливее и придали лицу хмурое выражение, которое совершенно опростило женщину. Но, несмотря на такое невыгодное для нее преобразование – а женщина выглядела совсем простушкой, когда на ее лице появлялась зачастую странная, делающая лицо деревянным маска, – гостя по-прежнему продолжала меня интересоваться. Ева посмотрела на дверь, потом на меня, еще раз повторила это движение глаз, и я понял, что мне отдается приказ уходить. Для меня это было в новинку и пришлось мне не по вкусу.

– Я хочу лечь спать... если вы не возражаете, – сказала женщина и отвернулась от меня.

Ни благодарности, ни единого доброго слова, ни извинения, что она выгнала меня из моей собственной комнаты, только холодность и упрямое желание остаться одной.

– Доброй ночи! – сказал я, удивляясь тому, что чувствую себя как-то смущенно и неуверенно. Я колебался, не зная, уходить мне или подождать, но Ева снова ушла в себя и забыла обо мне, как и прежде. Ее больше волновало, как уложить волосы для сна, чем я. Мне оставалось только одно: выйти из комнаты.

Когда я вернулся в гостиную, Бероу приготавливал себе виски с содовой. Он, шатаясь, подошел к креслу, сел и уставился на меня тяжелым взглядом. Словно для того, чтобы лучше разглядеть, протер глаза, не спуская их с меня. А начатый им разговор выдал те мысли, что не давали мужчине покоя в мое отсутствие.

– Выбросьте все мыслишки на этот счет, – сказал Херви, ударяя кулаком по ручке кресла, – держитесь от нее подальше. Ясно?

Я в упор посмотрел на порядком надоевшего мне гостя.

– Как вы смеете так со мной разговаривать? – спросил я, взбешенный

его наглостью.

Красное лицо Херви вытянулось.

– Оставьте ее в покое, – пробормотал он. – Сегодня она моя. Я знаю, что вы затеяли, но хочу сказать вам пару слов. – Он наклонился вперед и наставил толстый палец в мою сторону. Его рот кривился. – Я купил ее. Она стоила мне сотню баксов! Вы слышите? Я купил ее! Она моя! Прочь руки.

Я не поверил ему.

– Вы не могли купить ее. Кто угодно, но только не такая трухлявая гнилушка, как вы.

Он расплескал виски на ковер.

– Что вы сказали? – Слезящиеся злые глаза Херви уперлись мне в переносицу.

– Я сказал, что вы не могли купить эту женщину, потому что вы – трухлявая гнилушка.

– Вы еще пожалеете, что оскорбили меня, – заявил мужчина, не скрывая кипевшей в нем злости. – Как только я увидел вас, я сразу понял, что вы заварите кашу. Вы хотите отнять ее у меня.

Я усмехнулся:

– А почему бы и нет? Чем вы можете мне помешать, хотел бы я знать?

– Но я же купил ее, черт вас побери! – воскликнул он, колотя кулаком по ручке кресла. – Вы что, не понимаете, что это значит? Сегодня она моя! Неужели вы не можете вести себя как джентльмен?!

Я все еще не верил пьяному бреду Херви.

– Позовите ее сюда, – смеясь ему в лицо, сказал я. – В конце концов, сотня долларов не такая уж большая сумма. Я готов предложить больше.

Бероу пытался встать с кресла. Он был пьян, но у него были мощные плечи. Если он набросится на меня и застанет врасплох, он сможет изувечить меня. Я отскочил назад.

– Не волнуйтесь, – сказал я, продолжая отступать. Он надвигался на меня. – Можно решить этот вопрос без драки. Позовите ее.

– Она получила от меня сотню баксов, – прохрипел он яростным голосом. – Восемь недель я ждал этого дня. Я просил Еву уехать со мной, и она соглашалась. Но, когда я приезжал за ней, проклятая служанка заявляла, что хозяйки нет дома. Четыре раза сыграли со мной такую шутку, и каждый раз я знал, что Ева дома, что она смотрит на меня из окна и смеется надо мной. Но я хотел ее, я, простачок, понимаете? Я набавлял цену всякий раз, как приходил. И женщина поехала со мной, когда я сказал, что дам ей сотню баксов. Все было хорошо, пока не появились вы. Теперь

ни вы, ни какая-нибудь человекообразная обезьяна не остановит меня.

Меня тошнило от этого типа. Я не вполне еще поверил ему, но определенно знал, что не потерплю его больше в своем доме. Он должен уйти. Я вытащил бумажник и бросил к ногам Бероу стодолларовый билет. Туда же полетело еще десять долларов.

– Убирайся! – сказал я. – Вот твои деньги с процентами. Убирайся из моего дома.

Бероу уставился на деньги. Кровь отлила от его лица. Из горла у него вырывались какие-то странные, квакающие звуки. Потом он поднял голову, и я понял, что придется применить силу. Я не хотел драться, но, если он предпочитает пустить в ход кулаки, пусть пеняет на себя. Херви бросился на меня, вытянув свои длинные руки, словно собирался самым решительным образом разделаться со мной, и схватил меня за лацканы пиджака. Я не отстранился, я даже шагнул навстречу и, опередив его, с размаху ударил своего гостя кулаком по лицу. Большое кольцо-печатка, которое я носил на мизинце, врезалось ему в щеку, оставив глубокую кровоточащую царапину. И тут же второй рукой я нанес Херви сильнейший удар по голове. Бероу качнулся, хватая воздух ртом. Мой следующий удар пришелся мужчине в переносицу, от него Херви упал на четвереньки. Тогда я подошел к нему и, тщательно прицелясь, стукнул его ногой в подбородок. От удара голова Бероу запрокинулась, и он растянулся на ковре. С Бероу было покончено, причем он даже пальцем не прикоснулся ко мне. Ева стояла в дверях и наблюдала за дракой. Ее глаза были широко открыты от удивления. Я улыбнулся ей.

– Все в порядке, – сказал я и подул на кулаки. – Ложитесь в кровать. Он сейчас уйдет.

– Вы не имели права бить его ногами, – холодно сказала женщина.

– Правильно. – Мне понравилось, что глаза ее горели гневом. – Я не должен был делать этого. Я, наверное, сошел с ума. А теперь я хочу, чтобы вы ушли.

Ева ушла, и я услышал, как закрылась дверь спальни. Бероу, сломленный и неприятно дрожащий, приподнялся и приложил руки к лицу. Кровь стекала между пальцами и заливала манжеты рубашки. Он удивленно посмотрел на кровь и дотронулся до горла. Присев на край стола, я наблюдал за Херви.

– До Биг-Биз-Лейка две мили хода. С дороги вы не собьетесь. Идите прямо по направлению к горе. Недалеко от озера имеется отель. Они пустят вас. А теперь убирайтесь!

Внезапно Херви закрыл лицо руками и заплакал. Да, с ним

действительно было покончено.

– Вставайте и уходите, – с отвращением сказал я. – Меня тошнит от одного вашего вида.

Бероу встал, подошел к двери, закрыл глаза ладонью и снова заплакал, как обиженный ребенок. Я поднял деньги и сунул их в карман его пиджака. При этом он даже поблагодарил меня. Этот тип оказался еще и трусом. Я подвел его к двери, подал ему чемодан, который стоял в прихожей, и выпихнул его за дверь, в непогоду, из которой Бероу и появился у меня в доме.

– Я не люблю таких слюнтяев, как вы, – сказал я. – Держитесь от меня подальше.

Он спустился по ступенькам – и тут же ветер, дождь и темнота поглотили его. Я запер дверь и постоял в прихожей. Мне ужасно хотелось выпить, но прежде всего следовало кое-что выяснить. Выпивка подождет. Я подошел к спальне и открыл дверь. Ева стояла у трюмо, сложив руки на груди. Мой приход не удивил женщину. Она спокойно смотрела на меня.

– Он ушел, – сказал я, останавливаясь в дверях, – я отдал ему сто долларов, которые вы от него получили, и он горячо поблагодарил меня.

Выражение ее лица не изменилось. Ева молчала и была похожа на опасное, готовое наброситься на свою жертву животное. Я посмотрел на нее и спросил:

– Вам не жаль его?

Ее губы презрительно сжались.

– С какой стати я буду жалеть мужчину? – прозвучало в ответ.

Когда были произнесены эти слова, я понял, кто она. Сомнений не осталось. Значит, Бероу не лгал. Слишком гладко он рассказал, как купил ее, и слишком точно назвал цену. Если раньше я и надеялся, что Херви наговаривает на Еву, чтоб быть с ней и обезопасить таким образом меня как соперника, то теперь знал, что он говорил правду. Да, Ева была одной из тех, кто принадлежит всем, кому это захочется. Никто не подумал бы этого при взгляде на нее. И она, эта женщина, на которую в обществе смотрели как на отброс, смела игнорировать меня, она имела наглость пренебрегать мною. Внезапно у меня появилось желание унижить ее, причинить ей боль. Раньше я никогда не испытывал такого желания ни к одной из женщин.

– Он сказал мне, что купил вас, – сказал я, закрыв за собой дверь и пройдя в глубь комнаты. – Ваша внешность обманчива. Знаете, а мне и в голову не приходило, что вы – продажная женщина. Ваша такса сто долларов, не так ли? Я перекупил вас у изгнанного мной из дома Бероу. Только не воображайте, что я заплачу больше. Я не добавлю ни цента. На

мой взгляд, ваша красная цена – сто долларов.

Ева не сделала ни единого движения. Лицо ее хранило знакомое уже мне деревянное выражение, только потемнели глаза и побелели ноздри. Она наклонилась над трюмо. Ее маленькая, белая рука поглаживала тяжелую медную пепельницу. Я подошел к Еве.

– Незачем бросать на меня такие свирепые взгляды. Я не из трусливого десятка. Пойдем, покажи мне, на что ты способна.

Когда я протянул к ней руку, женщина внезапно схватила пепельницу и ударила меня по голове.

Глава 4

Большинство мужчин ведут двойную жизнь: явную и тайную. Люди судят о нас, о наших характерах только по фактам явной жизни. Однако, если мужчина допускает ошибку и скрываемые им пороки становятся достоянием многих или всех, его осуждают, хотя никаких перемен в мужчине ни в лучшую, ни в худшую сторону не произошло, он остался тем же самым человеком, который совсем недавно пользовался благосклонностью общества. Но теперь вторая, тайная суть мужчины раскрыта, и отношение к нему резко меняется. Большинству мужчин, по крайней мере многим, удастся дурачить общество, и оно принимает их за людей достойных и приятных только потому, что никто не знает их постыдных тайн, которые держатся в секрете. Я абсолютно откровенен с вами. Возможно, из-за этого вы пришли к заключению, что я чрезвычайно неприятный человек: бесчестный, тщеславный и недостойный любви. Такой вывод вам удалось сделать благодаря тому, что я сам разоблачил себя, изобразив себя без всяких прикрас. Но, если бы вы встретили меня в обществе и мы стали бы друзьями, вы сказали бы, что я милейший человек: ведь я был бы с вами не до конца откровенным; осторожничал в словах и поступках и старался бы казаться лучше, чем я есть на самом деле. И теперь, когда я откровенно написал о невыгодных для меня, а в общем-то, о понятных, известных и элементарных вещах, у вас может возникнуть вопрос, за что же меня полюбила такая хорошая девушка, как Кэрол. Прошло много лет, но я до сих пор вспоминаю ее с чувством глубокой привязанности. Какой она была сердечной, терпеливой и доброй!

Кэрол знала обо мне только то, что я открывал ей сам о себе. Когда настало время разрыва, обстановка настолько обострилась, что я был уже не в состоянии скрыть свои недостатки. Но до этого я обманывал ее так же успешно, как некоторые из вас обманывают тех, кто любит вас. Кэрол всегда понимала меня, всегда была очень дружелюбной, именно поэтому на четвертый день после того, как я встретил Еву, я отправился в Голливуд повидаться с Кэрол.

Работники станции обслуживания в Сан-Бернардино позаботились о моей машине и «Паккарде». Когда я спустился по горной дороге из Биг-Биз-Лейка, я увидел группу мужчин, занятых расчисткой дороги. Несмотря на то что их работа близилась к концу, проехать все равно было трудно. Руководитель работ был моим знакомым, поэтому он приказал положить на

размытую дождем землю доски. Несколько человек практически перенесли машину на руках и опустили ее на сухом месте. Я приехал к Кэрол на Сансет-стрит около семи часов вечера. Франческа, горничная Кэрол, сказала, что мисс только что вернулась со студии и переодевается.

– Входите, мистер Фарстон, – улыбаясь, проговорила горничная, – подождите немного.

Я последовал за пышными формами Франчески в гостиную. Это была красивая, современная и уютная комната со скрытым освещением. Пока горничная готовила мне виски с содовой, я ходил взад и вперед по комнате. Когда я бывал в этом доме, Франческа всегда начинала суетиться, стараясь услужить мне, и Кэрол как-то, смеясь, сказала мне, что служанка считает меня самым почетным ее, мисс Рай, гостем. Я сел и с восхищением осмотрелся. Обстановка была предельно простой. Кресла и большая кушетка были обиты серой замшей и прекрасно гармонировали с винно-красными портьерами.

– Каждый раз, когда я прихожу в эту комнату, – сказал я, взяв из рук девушки виски с содовой, – она нравится мне все больше. Мне нужно проконсультироваться с мисс Рай, как обставить свой дом, чтоб в нем было так же уютно и мило, как здесь.

В это время в гостиную вошла Кэрол в прозрачном пеньюаре, перехваченном в талии широким красным поясом. Волосы ее были распущены и лежали на плечах. Выглядела она прекрасно, хотя ее нельзя было назвать красавицей согласно штампованным стандартам Голливуда. Когда она вошла, я подумал, что она очень похожа на Одри Хепберн: такая же изящная фигурка, бледное, без единой морщинки лицо и очень яркие губы. Но самым красивым у Кэрол были глаза: большие, живые и умные.

– Здравствуй, Клив! – весело сказала она. В руках у нее была сигарета в восемнадцатидюймовом мундштуке. Он был единственной манерной чертой в ее облике, так как этот длинный мундштук выгодно подчеркивал изящество рук и запястий его обладательницы.

– Где это ты пропадаешь три последних дня? – спросила она и замолчала, вопросительно поглядывая на мой поцарапанный лоб.

Я взял красивые руки Кэрол в свои.

– Боролся с дикаркой, – улыбнулся я ей.

– Я так и подумала, – продолжала хозяйка дома, взглянув на костяшки моих пальцев, с которых была содрана кожа при расправе над Бероу. – Судя по твоему виду, она действительно дикарка.

– Да, – подтвердил я, подводя Кэрол к кушетке. – Это самая дикая женщина во всей Калифорнии. Я специально приехал сюда из Фри-Пойнта,

чтобы рассказать тебе о ней.

Кэрол устроилась в углу кушетки, поджав под себя ноги.

– Пожалуй, я тоже выпью виски с содовой, – обратилась мисс Рай к Франческе. А затем, устремив на меня погрузневшие глаза, продолжала: – У меня предчувствие, что рассказ мистера Фарстона расстроит меня.

– Вздор! – сказал я. – Мне хочется, Кэрол, развеселить тебя. – Я сел рядом с ней и взял ее руку. – Судя по синякам под глазами, у тебя сегодня был трудный день. Синяки, конечно, идут тебе, но откуда они? Ты плакала? Устала? А может быть, ты наконец стала вести распутный образ жизни?

Кэрол вздохнула.

– Я работала. У меня нет времени на распутство. И вообще я на это не способна. Я никогда не занимаюсь тем, что меня не интересует. – Она взяла у Франчески виски с содовой и взглядом поблагодарила ее. – А теперь, – продолжала Кэрол, – расскажи мне об этой дикарке. Ты влюбился в нее?

Я мельком посмотрел на Кэрол.

– С какой стати я должен влюбляться в первую попавшуюся женщину? Ты же знаешь, что я влюблен в тебя.

– Да, это мне известно. – Она погладила меня по руке. – Мне следовало помнить об этом, но после того, как я не видела тебя три дня подряд, я уже было решила, что ты меня бросил. Значит, ты не влюблен в нее?

– Не будь такой скучной, Кэрол, – сказал я. Мне не нравилось ее сегодняшнее настроение. – Могу сказать абсолютно точно: я не влюблен в нее. – И, откинувшись на подушку, я рассказал Кэрол о шторме, о Бероу и о Еве. Конечно, о некоторых деталях я благоразумно умолчал.

– Почему ты замолчал? Продолжай, – поторопила меня Кэрол, когда я остановился, чтобы потереть пальцем ссадину на лбу. – Что предприняла женщина после того, как ты упал на пол? Облила тебя водой? Убежала с твоим бумажником?

– Она убежала без бумажника и не взяла ни одной вещи. Поведение ее было отличным от тех шаблонов, которыми привыкли мерить поступки женщин подобного сорта. Нужно отдать должное, Кэрол, – и ты в этом со мной можешь согласиться, – что Ева не обычная потаскушка.

– Потаскушки редко бывают обычными, – пробормотала Кэрол и улыбнулась.

Замечание мисс Рай я принял без возражений. Немного помолчав, я продолжал:

– Пока я был без сознания, Ева, вероятно, собрала свои вещи и ушла в шторм. Можно предположить, что она храбрая женщина. Ведь ветер

завывал неистово, и дождь лил как из ведра.

Кэрол внимательно смотрела на меня и сказала то, что могла сказать именно она:

– И у проституток есть своя гордость, Клив. Ты отвратительно вел себя с ней. Она правильно сделала, что ударила тебя. Нельзя быть таким самодовольным. А тебе известно, кто был тот мужчина – Бероу?

– Понятия не имею. Он похож на коммивояжера. Такие, как он, не пользуются успехом у женщин и поэтому вынуждены покупать их.

– Не у всех же такое громкое имя, великолепная внешность и обаяние, как у тебя, Клив, – сказала Кэрол, и в глазах у нее промелькнула досада. – Возможно, ни одна девушка не захотела утешить этого беднягу. А твоя дикарка решила быть доброй и сжалась над ним.

– Не думаю, чтобы она была доброй, – пробормотал я, – нет, она не добрая.

– А может быть, ты сам не был добрым в тот вечер?

– Ты имеешь в виду Бероу? Он смертельно надоел мне. Я хотел избавиться от него, а он напился и полез в драку.

Я скрыл от Кэрол, что дал ему сто десять долларов. Этот поступок был бы ей непонятен.

– Надеюсь, ты избавился от него не для того, чтобы поговорить со своей гостьей о сердечных делах?

Внезапно я почувствовал раздражение: моя пронизательная собеседница слишком быстро добралась до истины.

– Послушай, Кэрол! – резко сказал я. – Я не люблю женщин такого типа. Тебе не кажется, что ты просто смешна со своими подозрениями?

– Извини, – сказала хозяйка дома и подошла к окну. – Питер Теннет обещал зайти ко мне. Может быть, ты поужинаешь с нами?

Услышав о Питере, я пожалел, что пооткровенничал с мисс Рай и рассказал ей о Еве.

– Нет, сегодня я занят. Он заедет за тобой?

Я не был занят, но у меня появилась одна идея, и я решил развязать себе руки.

– Да, но ты же знаешь Питера... Он, как всегда, запаздывает.

Я хорошо знал Питера Теннета. Он был единственным из друзей Кэрол, в присутствии которого у меня возникало чувство неполноценности. Вместе с тем это был великолепный парень. У нас с ним были очень хорошие отношения, но я завидовал ему: он был разносторонне талантливым человеком, режиссером, сценаристом и техническим консультантом по съемкам. Все, что он предпринимал до настоящего

времени, было удивительно удачным. Можно было подумать, что он обладатель волшебной палочки: во всем ему сопутствовал успех. На киностудии Питера считали человеком номер один. Я с завистью думал о том, как много он достиг за один год.

– Ты действительно не сможешь поехать? – погрузнев, спросила Кэрол. – Тебе надо почаще встречаться с Питером. Он может быть тебе полезен.

В последнее время Кэрол постоянно предлагала мне поддерживать дружбу с различными людьми, которые могли бы быть мне полезными. Ее опека и тревога, что я нуждаюсь в помощи, раздражали меня.

– Он может оказаться мне полезным? – удивился я, пытаюсь улыбнуться. – Интересно, что же он может сделать для меня? Послушай, Кэрол, мои дела идут прекрасно... Я не нуждаюсь в чьей-либо помощи.

– Извини меня еще раз и не сердись, – попросила Кэрол, отвернувшись к окну. – Кажется, я сегодня говорю невпопад.

– Дело не в тебе, – сказал я, подходя к ней. – У меня чертовски болит голова, и я очень раздражен сегодня.

Она обернулась.

– А чем ты занят, Клив?

– Чем занят? Я приглашен на обед. Моими... издателями...

– Я не об этом. Над чем ты работаешь? Уже два месяца ты живешь во Фри-Пойнте. Что происходит?

Именно об этом я не хотел говорить с Кэрол.

– Пишу роман, – беспечно сказал я. – Разрабатываю сюжет. На следующей неделе я возьмусь за работу. Не тревожься. – Я попытался улыбнуться.

Обмануть Кэрол было очень трудно: она чувствовала фальшь. Чтобы не попасть впросак, мне следовало быть осторожным.

– Я рада, что ты пишешь роман, но было бы лучше, если бы ты написал пьесу. Ведь за роман ты получишь несравненно меньше, не правда ли, Клив?

Я вопросительно посмотрел на нее.

– Я не знаю... Получу за право издания. За право издания серии... Может быть, роман возьмет Колинер. Его фирма заплатила Ингрему пятьдесят тысяч долларов за право издания серии.

– Ингрэм написал отличную пьесу.

– А я напишу великолепную книгу, – заверил я. Но мои слова прозвучали как-то неубедительно. – А после романа я напишу пьесу. Сейчас у меня есть хорошая фабула для романа, значит, надо ковать железо,

пока оно горячо.

Я подумал, что Кэрол начнет расспрашивать о содержании романа, и мне стало не по себе. Если бы это произошло, я попал бы в глупейшее положение. Но в эту минуту вошел Питер, и я почувствовал облегчение оттого, что опасный для меня разговор был прерван.

Питер был одним из самых удачливых англичан в Голливуде. Все его костюмы были сшиты в Лондоне на Секвилл-стрит, и их покроем удивительно шел к чисто английской фигуре Теннета, широкой в плечах и узкой в бедрах. Его загорелое, умное лицо просияло при виде Кэрол.

– Ты не успела одеться? – спросил он, поздоровавшись с ней за руку. – Ты очаровательна, Кэрол. Надеюсь, ты не очень устала и мы поедем куда-нибудь поужинать?

– Конечно, поедем, – улыбаясь, ответила Кэрол и посмотрела на меня.

– Как ты поживаешь, дорогой? – Мы пожали друг другу руки. – Кэрол все хорошеет. Правда?

Я кивнул головой. Теннет вопросительно посмотрел на мой исцарапанный лоб.

– Приготовь Питеру виски, Клив, пока я оденусь, – сказала Кэрол. – Я мигом. – И, посмотрев на режиссера, добавила: – Клив сегодня такой обидчивый... Не хочет ужинать с нами...

– Ты обязательно должен поехать... Такое событие надо отпраздновать, не правда ли, Кэрол?

Кэрол беспомощно покачала головой.

– Клив обедает со своими издателями... Я не верю этому, но мне ничего не остается, как быть тактичной и делать вид, что так оно и есть. Ты только посмотри на его лоб. Он боролся с дикаркой. – Мисс Рай, смеясь, обернулась ко мне. – Расскажи о ней Питеру, Клив...

Питер проводил даму до двери и напутствовал словами:

– Не торопись. У меня сегодня много свободного времени.

– Но я голодна, – запротестовала Кэрол и выбежала из комнаты.

Питер подошел к маленькому бару, где я приготавливал ему виски.

– Так, значит, ты боролся? – спросил он. – Какие глубокие царапины!

– Пустяки! – сказал я. – Что будешь пить?

– Выпью немного виски. – Теннет наклонился к бару и вынул сигарету из тяжелого золотого портсигара. – Кэрол рассказала тебе последние новости?

Я протянул молодому режиссеру сифон с минеральной водой.

– Нет... Что за новости?

Питер с недоумением посмотрел на меня.

– Странный ребенок... Почему она скрыла это от тебя? – Он закурил сигарету.

Внезапно мне стало не по себе.

– Какие новости? – повторил я, не отрывая от Питера глаза.

– Ей поручили написать сценарий по лучшему роману года. Это решено сегодня утром... сценарий по роману Ингрема.

Я поставил стакан с виски на полированный бар. Меня охватило чувство горечи. Я не смог бы отработать этот роман. Для меня он был слишком объемным, и все же то, что его передали такому ребенку, как Кэрол, было для меня настоящим ударом.

– Это просто замечательно! – сказал я, стараясь казаться обрадованным. – Я читал этот роман. Он действительно великолепен. А кто будет ставить фильм? Ты?

Питер ответил с большой неохотой:

– Да. Этот фильм должен быть многоплановым. Я всегда мечтал поставить такой фильм и всегда настаивал на том, чтобы работу над сценарием поручили Кэрол. Правда, я сомневался, что Голд согласится на это. Пока я раздумывал, с какой стороны подойти к нему и как уговорить его, Голд Рекс вызвал меня сам и объявил, что писать сценарий будет Кэрол.

Взяв стакан, я подошел к кушетке, обрадовавшись возможности сесть.

– Что она выиграет от этого? – спросил я заинтересованно.

Питер помедлил с ответом и, как бы еще раздумывая, сказал:

– Пока судить трудно. Будет заключен контракт. Она станет больше получать... Кинофирма предоставит ей кредит... И, если она оправдает надежды и сценарий получится хорошим, будет обеспечено ее будущее. – Теннет отпил глоток виски. – А сценарий обязательно получится хорошим! Кэрол талантлива!

Я подумал о том, что все замешанные в этой игре люди, за исключением меня, наделены талантом. Питер подошел и сел в кресло рядом с кушеткой. Кажется, он понял, что сообщенная им новость расстроила меня.

– Над чем работаешь сейчас ты, Клив?

Мне стало надоедать это: все, буквально все интересуются моей работой.

– Я думаю, что мои сюжеты тебя не смогут привлечь.

– Жаль. Я хотел бы поставить фильм по твоему роману. – Режиссер вытянул длинные ноги. – Я уже давно хотел поговорить с тобой. Ты когда-нибудь думал о том, чтобы работать на Голда? Я мог бы представить тебя

ему.

У меня появилось подозрение, что за меня хлопотала Кэрол.

– К чему, Питер? Ты же знаешь меня. Я не могу работать на заказчика. Кэрол часто говорила мне, что работа на студии – сущий ад.

– Да. Но и большие деньги, – сказал Питер, взяв протянутый мной стакан с виски. – Подумай об этом, но не слишком затягивай с ответом. Память у публики очень короткая, а у голливудской тем более. – Теннет не смотрел на меня, но у меня появилось ощущение, что это не просто случайный разговор. Это было предупреждением.

Я закурил сигарету и глубоко задумался. Есть такие вещи, о которых невозможно признаться тем, кто пишет или ставит фильмы для Голливуда. Им не признаешься, что у тебя нет творческих планов, что ты исписался. Они и сами очень скоро поймут это. Я знал, что, если я снова вернусь во Фри-Пойнт, случится то, что происходило со мной последние два дня. Я снова начну неотступно думать о Еве. Она вошла в мои мысли с того самого момента, как, придя в себя, я обнаружил, что лежу на полу в полном одиночестве и что сквозь портьеру в комнату проникает солнечный луч. Я старался выбросить из головы эту оказавшуюся случайно в моем доме женщину, но ничего не получалось. Она преследовала меня: приходила в мою спальню, садилась рядом со мной на крыльцо, мешая мне сосредоточиться над сюжетом книги, смотрела на меня с чистого листа бумаги, заправленного в пишущую машинку. В конце концов мысли о падшей женщине так измучили меня, что появилось желание поговорить с кем-нибудь о ней. Именно поэтому я приехал в Голливуд к Кэрол. Но, когда я стал рассказывать ей о Еве, я обнаружил, что не могу раскрыть ей того, что больше всего беспокоит меня. Питеру я тоже не мог поведать об этом. Они решили бы, что я сошел с ума. Может быть, все так: я действительно сошел с ума. Я мог выбрать любую из двадцати самых шикарных и привлекательных актрис Голливуда. У меня была Кэрол, которая любила меня и очень много значила для меня. Но мне этого было недостаточно. Меня свела с ума проститутка. Пожалуй, слова «свела с ума» выбраны неудачно. Прошлую ночь я провел, сидя на террасе перед бутылкой шотландского виски и пытаюсь понять, почему это произошло, почему я не могу выбросить из головы падшую женщину. Ева затронула мою гордость. Ее холодное безразличие прозвучало как вызов. Я почувствовал, что эта продажная женщина живет в своем особом мире, который является для нее каменной крепостью, куда нет хода любовникам. Сделав такое заключение, я поставил себе целью предпринять атаку и разбить стены этой крепости. К тому времени, когда я пришел к этому решению, я был изрядно пьян и

твердо решил, что завоюю Еву. Все женщины, с которыми я флиртовал в прошлом, были слишком легкой добычей. Я хотел встретить такую женщину, которую нужно было бы отнимать не только руками, но вырывать зубами, за которую стоило бы драться всеми доступными, известными и немислимыми способами. Ева была именно такой женщиной. Она легко не сдастся! Даже сами мысли о предстоящей схватке будоражили меня. Я предвидел, что будет борьба не на жизнь, а на смерть. Ведь эта проститутка не маленькая глупышка, которую можно без труда обвести вокруг пальца. Она, сама того не зная, бросила мне вызов, и я готов принять его. У меня не было сомнений в том, каков будет финал. Только я старался не думать о том, что произойдет, когда я одержу победу над Евой, завладев ею всецело. Об этом можно будет позаботиться в свое время.

Вошла Кэрол, и я тут же отключился от мыслей о Еве. Мисс Рай выглядела великолепно. На ней было серебристо-голубое вечернее платье и накидка из горностая.

– Почему ты не рассказала мне? – вскочив с кресла, спросил я. – Я ужасно рад и горд за тебя, Кэрол.

Она испытующе посмотрела на меня.

– Приятно, не правда ли? Клив, может быть, теперь ты пойдешь с нами... нужно отпраздновать...

Я хотел пойти, но у меня было более важное дело. Если бы мы отправлялись с ней вдвоем, то я бы пошел, но с Питером мне идти не хотелось.

– Если я смогу вырваться, я присоединюсь к вам, – заверил я. – Где состоится торжественный ужин?

– На Вейн-стрит в «Браун-Дерби», – ответил Питер. – Когда приблизительно ждать тебя?

– Все зависит от обстоятельств, – сказал я. – Если мне не удастся открутиться, то после ужина встретимся здесь... не возражаете?

Кэрол подала мне руку.

– Ты должен прийти. Клив, ты сделаешь все возможное, чтобы быть с нами, правда?

Питер встал.

– Идем. Тебе по пути с нами?

– Я обещал быть у издателя в восемь, – объяснил я. На часах было 7.30. – Кэрол, ты не будешь возражать, если я на несколько минут задержусь здесь? Я допью свое виски и позвоню по телефону.

– Не буду заставлять тебя, мистер Фарстон, искать телефон где-то в другом месте. Пойдем, Питер, мы не должны мешать деловым

разговорам. – Кэрол помахала мне рукой. – Значит, мы увидимся? Ты намерен сегодня возвратиться во Фри-Пойнт?

– Да, если, конечно, не задержусь здесь слишком долго. Я хотел бы начать работу завтра утром.

Когда они ушли, я снова налил себе виски и взял телефонный справочник. В нем я нашел целый список людей по фамилии Марлоу. Потом я увидел ее имя, и меня охватило волнение. Она жила на Лаурел-Каньон-Драйв. Я не имел ни малейшего представления о том, где находится эта улица. Немного поколебавшись, я поднял телефонную трубку и набрал нужный мне номер. Я прислушался к гудкам. Когда трубку на том конце сняли, кровь бросилась мне в голову. Какая-то женщина, не Ева, спросила:

– Кто говорит?

– Мисс Марлоу?

– Кто говорит? – снова послышался осторожный голос.

Я усмехнулся и ответил:

– Мое имя ей ничего не скажет. Оно ей неизвестно.

Воцарилось молчание, потом женщина сказала:

– Мисс Марлоу просила узнать, что вам нужно.

– Попросите мисс Марлоу подойти к телефону, – сказал я. – Мне посоветовали позвонить ей.

Снова длительная пауза, а потом прозвучал голос Евы:

– Слушаю!

– Могу ли я повидаться с вами? – Я изменил голос, чтобы она не узнала меня.

– Когда?

– Через полчаса.

– Полагаю, что да. – В голосе ее была какая-то нерешительность. – Я знаю вас?

– Скоро узнаете, – сказал я и рассмеялся. Она тоже рассмеялась, и ее смех прозвучал как музыка.

– Тогда приезжайте, – разрешила Ева и повесила трубку.

Как же все оказалось легко и просто!

Глава 5

Я остановился на углу улиц Санта-Моника и Мелроз и спросил полицейского, как проехать на Лаурел-Каньон-Драйв. Поставив ногу на подножку машины и сдвинув шляпу на затылок, полисмен сказал, что это не улица, а переулок, находившийся между Голливудской улицей и Сансет-стрит. И самым подробным образом объяснил мне дорогу. Проехав мимо бесчисленных магазинов, таверн, бунгало и многоэтажных домов, я наконец-то нашел то, что искал. Лаурел-Каньон-Драйв оказался узеньким переулком с типовыми домиками, спрятанными за живыми изгородями и пышными клумбами. Я ехал медленно, чтобы заметить и не пропустить нужный мне дом. Увидев написанный на калитке номер, я остановился и вылез из машины. Ева жила в этом доме. Улица была пустынная, дом казался необитаемым. Как только я вошел в калитку, высокий забор скрыл меня от взоров тех, кто мог бы в это время находиться в переулке. Кругом царил тишина, и у меня появилось ощущение, что я попал в сонное царство. Тропинка вывела меня к двери, которая была скрыта встроенным крыльцом. С обеих сторон от двери были окна, прикрытые кремовыми муслиновыми шторами. Поднявшись на крыльцо, я остановился. Прежде чем постучать, я внимательно рассмотрел дверной молоток в виде железного кольца, насаженного на обнаженную женскую фигуру. Эта незначительная деталь дома Евы хоть и казалась остроумной, напомнила мне снова, к кому я пришел. Однако назад дороги не было. Я постучал и стал ждать какого-нибудь признака жизни в этом доме. Ожидание привело меня в волнение, с которым я справлялся с трудом. Наконец я услышал, как щелкнул выключатель, и вскоре после этого дверь открылась. Загородив своим телом весь проход, на пороге стояла высокая, почти такого же роста, как я, угловатая женщина. Я почувствовал, что ее глаза впились в меня, потом, словно удовлетворенная моим видом, она посторонилась и пропустила меня.

– Добрый вечер, сэр! Вас ожидают?

– Добрый вечер, – ответил я. – Мисс Марлоу дома? – Обойдя женщину, я вошел в прихожую. Чувствовал я себя неловко, и это злило меня. Мне было мерзко оттого, что эта женщина с худым, красным лицом, остреньким носиком и маленькими, горящими глазами оценивающе разглядывает меня, и оттого, что она великолепно знает, для чего я явился в этот убогий, скрытый от любопытного взгляда домик.

– Не пройдете ли вы за мной, сэр? – Женщина прошла по коридору и открыла дверь.

Во рту у меня пересохло, в висках от волнения пульсировала кровь. Я вошел в комнату. Она была небольшой. Прямо напротив двери я увидел трюмо, перед ним лежал белый толстый ковер, на котором стояли изящные стеклянные фигурки животных. В глубине комнаты справа стоял дешевый платяной шкаф. Широкий диван-кровать, покрытый розовым покрывалом, занимал все остальное пространство. Ева стояла перед потухшим камином, рядом находились уютное кресло и прикроватный столик с настольной лампой. На столике лежало несколько книг. На Еве – знакомый мне голубой халат с короткими рукавами. Ее грубо заgrimированное лицо хранило застывшее деревянное выражение. Мы посмотрели друг на друга.

– Хэлло, – широко улыбаясь, проговорил я.

– Хэлло. – Выражение ее лица не изменилось, она не сделала ни единого движения. В ее приветствии были подозрительность и безразличие.

Я стоял и смотрел на Еву, немного обескураженный тем, что она не выказала ни малейшего удивления при виде меня, и раздраженный, что она предстала передо мной в халате. Но, несмотря на мое раздражение, кровь горячей волной разлилась по моим жилам при первом же взгляде на эту маленькую женщину.

– Вот мы и встретились, – слегка заикаясь, проговорил я. – Вы не удивились моему появлению?

Она, наклонив голову, ответила слишком уверенно и буднично:

– Нет... я узнала ваш голос.

– Бьюсь об заклад, что это не так, – сказал я. – Вы шутите.

Ева поджала губы, недовольная высказанным мной сомнением.

– Я узнала вас... Кроме того, я ожидала, что вы придете.

Увидев выражение крайнего изумления на моем лице, она внезапно рассмеялась. Напряжение тут же спало.

– Вы ждали меня? – спросил я. – Почему?

Женщина сделала такое движение, словно хотела отмахнуться от прозвучавшего вопроса, и без особого желания, как будто через силу, промолвила:

– Это не имеет значения.

– Для меня имеет, – настаивал я. Без приглашения я прошел к креслу и расположился в нем. Вынул портсигар, открыл его и протянул женщине. Она немного помедлила, но сигарету все же взяла.

– Благодарю вас, – промолвила Ева и, постояв в нерешительности, села

на кровать, стоящую рядом с креслом. Я тоже взял сигарету, вынул зажигалку и, когда Ева наклонилась, чтобы прикурить, спросил опять:

– Ответьте, почему вы ждали меня?

Она заявила, покачивая головой:

– И не подумую.

По тому, как Ева нервничала, я понял, что она чувствует себя неуверенно и скрывает свое истинное состояние за маской холодности и равнодушия. Но я решил, что сорву эту маску и загляну в душу Евы. Я изучающе смотрел на нее и видел, что она внутренне приготовилась к любой неожиданности с моей стороны. Как только Ева ощутила на себе мой взгляд, она подняла глаза и глянула мне прямо в лицо.

– Ну? – резко спросила она.

– Зря вы так грубо наложили грим. Это вам не идет.

Ева встала и посмотрела в зеркало, висящее над камином.

– Почему? – спросила она, внимательно разглядывая свое лицо. – Разве я плохо выгляжу?

– Хорошо, но вы выглядели бы гораздо лучше без этой маски на лице. Вам это ни к чему.

Женщина продолжала изучать себя в зеркале.

– Я была бы просто ужасной без грима, – сказала она, словно разговаривая сама с собой, потом обернулась и, нахмурившись, взглянула на меня.

– Вам кто-нибудь говорил, что вы интересная женщина? – спросил я, не давая ей возможности заговорить. – В вас чувствуется характер, а этим может похвастаться далеко не каждая женщина.

Заметно было, что Ева не знает, как отнестись к моим словам. Поэтому ответ последовал не сразу. Женщина молча вернулась к кровати, села, раздумывая над услышанным. Вид хозяйки дома можно было назвать озадаченным. Но только на одну минуту мне удалось сбить Еву с толку, на лице ее тут же появилось знакомое мне деревянное выражение.

– Неужели вы пришли сюда только затем, чтобы сказать мне, что я интересная женщина?

Я улыбнулся и спокойно заверил:

– Почему бы и нет? Если никто до меня не говорил вам этого, то я рад быть первым: женщинам надо отдавать должное!

Она помешала угли в камине. Движения у нее были нервными и порывистыми, и я видел, что Ева не знает, как вести себя со мной. Пока я могу держать ее в таком состоянии, инициатива всегда будет в моих руках.

– Нет ли у вас желания извиниться передо мной за это? – спросил я,

дотрагиваясь до ссадины на лбу.

Последовал именно такой ответ, как я и ожидал:

– А почему я должна извиняться? Вы это заслужили.

– Вы правы, – сказал я и рассмеялся. – В следующий раз придется быть осторожнее. Я люблю женщин с характером. Поверьте, сожалею о своем плохом поведении, но мне ужасно хотелось проверить, какова будет ваша реакция. – И со смехом закончил лестным для женщины признанием: – Затеяв вам испытание, не ожидал, что мне так крепко повезет: я не только увидел, но и почувствовал вашу реакцию.

Ева недоверчиво посмотрела на меня, улыбнулась и ответила:

– Иногда я действительно превращаюсь в дикого зверя... но вы заслужили то, что получили.

– Вы всегда так обращаетесь с мужчинами?

Она старалась увильнуть от ответа:

– Как?

– Бьете их по голове, если они вас раздражают?

С каким-то довольным смешком проговорила:

– Иногда случается.

– А вам их не жалко?

– Нет, ничуть.

Я наблюдал за ней. Женщина сидела наклонившись, и ее опущенные, худенькие плечи округлились. Почувствовав, что я не спускаю с нее глаз, Ева снова резко подняла голову и посмотрела на меня.

– Незачем вам сидеть здесь и разглядывать меня, – раздраженно сказала она. – Зачем вы пришли сюда?

– Мне нравится смотреть на вас, – возразил я, откидываясь в кресле и устраиваясь с полным комфортом. – Неужели я не могу поговорить с вами? Это кажется вам странным?

Женщина нахмурилась. Она не знала, что делать, и спрашивала себя, пришел ли я к ней без всякой цели или пришел из-за ее профессии. Она тщетно пыталась скрыть свое нетерпение разгадать причину моего прихода.

– Вы пришли сюда только затем, чтобы поговорить со мной? – спросила она и, бросив на меня мимолетный взгляд, отвернулась. – И вам не жаль напрасно терять время?

– Я не считаю это время потерянным. Вы интересуете меня, и, кроме всего прочего, я очень люблю беседовать с интересными женщинами.

Она подчеркнуто вызывающе метнула в меня злобную молнию и тут же отвела глаза в сторону.

– Все так говорят, – нетерпеливо бросила она.

Эти слова рассердили меня больше всего.

– Если вы не против, я предпочел бы, чтобы вы не смешивали меня с другими и не применяли этого анонимного слова «все», – ледяным голосом проговорил я.

Она удивилась:

– Вы отличного мнения о самом себе, не правда ли?

– А почему бы и нет? – спросил я, в свою очередь проявляя нетерпение. – В конце концов, кто же поверит в меня, если я сам в себя не верю?

Ее лицо помрачнело.

– Я не люблю самоуверенных людей.

– Вы ведь тоже неплохого мнения о себе?

Она покачала головой:

– С чего бы это?

– Надеюсь, что вы не относитесь к женщинам, страдающим комплексом неполноценности?

– Вы знаете многих таких женщин?

– Многих. Так страдаете вы от этого или нет?

Она уставилась в холодный камин, лицо ее внезапно стало угрюмым.

– Полагаю, что да. – Подозрительно посмотрев на меня, она спросила: – Вам это кажется смешным?

– Нет, почему же? Я даже нахожу это трогательным, тем более что у вас нет причины испытывать чувство неполноценности.

Она вопросительно посмотрела на меня.

– Почему?

И тогда я вполне реально ощутил, что Ева действительно не уверена в себе и что ее интересует мое мнение о ней.

– Вы сами должны ответить на этот вопрос, если не боитесь смотреть правде в глаза. Мое первое впечатление о вас... Впрочем, это не имеет значения, и я лучше умолчу об этом.

– Нет, я хочу знать, – сказала она. – Каково же ваше первое впечатление обо мне?

Я принялся изучать ее лицо, словно оценивая его достоинства. Она, не отрываясь, смотрела на меня и, нахмурившись и смущаясь, ждала ответа. Я так много передумал о ней за последние два дня, что давным-давно забыл о своем первом впечатлении.

– Если вам это действительно интересно, – начал я с видимой неохотой, – то я скажу, но боюсь, что вы не поверите мне.

– Говорите же! – нетерпеливо воскликнула она.

– Хорошо. Вы женщина с сильным характером, независимая, темпераментная и обладающая огромной волей, вы чрезвычайно привлекательны для мужчин и, как ни странно, очень чувствительны.

Ева с недовольным и недоверчивым видом вглядывалась в мое лицо.

– Интересно, скольким женщинам вы говорили эти слова? – спросила она, но я заметил, что, услышав о себе такое мнение, она пытается скрыть удовольствие, которое ей доставила моя похвала.

– Не многим... вообще. Никому, если хотите знать. Я до сих пор не встретил ни одной женщины, которая обладала бы такими качествами, как вы. Но вообще-то я ведь совсем вас не знаю, разве не так? Я могу и ошибиться... ведь это только первое впечатление.

– И вы считаете меня привлекательной? – Она поинтересовалась моим мнением совершенно серьезно.

– Я не пришел бы сюда, если бы не находил вас именно такой. Вы очень привлекательны.

– Почему? Я же некрасивая! – Ева встала и снова подошла к зеркалу. – Я ужасно выгляжу.

– Ничего подобного. У вас есть характер и индивидуальность. Это гораздо ценнее обычной, пресной привлекательности. В вас есть что-то необычное. Какой-то магнетизм.

Женщина скрестила руки на худенькой, плоской груди.

– Какой же вы врун! – вскрикнула она, и глаза ее вспыхнули гневом. – Неужели вы думаете, что я поверю всей этой чепухе? Что вам нужно? Зачем вы пришли сюда? Сюда приходят не для разговоров.

Я рассмеялся ей в лицо.

– Не сердитесь. Вы же знаете, что мне жаль вас: налицо, безусловно, большой комплекс неполноценности. Сейчас вы этого не замечаете, но наступит день, и вы убедитесь, что я прав.

Я наклонился вперед и посмотрел на книги, лежащие на ночном столике: «Детективные рассказы», роман Хемингуэя «Иметь и не иметь» и роман Торна Смифа «Ночная жизнь богов». Я нашел этот ассортимент довольно странным.

– Вы много читаете? – поинтересовался я, намеренно перейдя к другой теме.

– Я читаю, когда мне попадается хорошая книга, – ответила Ева.

– Читали ли вы «Ангелы в трауре»? – спросил я, назвав свою первую книгу.

Женщина встала и подошла к трюмо.

– Да... Мне не понравился этот роман. – Она взяла пуховку и напудрила нос.

– Не понравился? – Я был разочарован. – Почему?

Сначала мне ответом было небрежное движение плечом, а затем прозвучали сухо и безапелляционно слова:

– Не понравился – и все.

Ева положила пуховку в пудреницу, посмотрела на себя в зеркало и снова подошла к камину. Наш разговор вызывал у нее скуку и раздражение.

– Почему же все-таки эта книга вам не понравилась? Она вам показалась скучной?

– Не помню. Я быстро читаю и тут же забываю все, что прочла.

– Понятно... И все-таки у вас сохранилось впечатление, что книга вам не понравилась.

Меня раздражало, что женщина не помнит моей книги, не выделила ее из ряда других прочитанных, а мне хотелось поговорить с Евой и узнать мнение даже в том случае, если книга ей не понравилась. Я начал понимать, что нормально разговаривать с этой женщиной невозможно. Пока мы не узнаем друг друга – а я намерен продолжать наше знакомство, – темы разговоров будут очень ограничены. И в настоящее время нам говорить было не о чем. У нас не было ничего общего. Ева вопросительно посмотрела на меня и снова села на кровать.

– Ну? – спросила она. – Что еще?

– Расскажите мне о себе.

Она пожала плечами, лицо ее исказилось гримасой.

– Нечего рассказывать.

– Найдется что рассказать, – сказал я и, наклонившись вперед, взял Еву за руку. – Вы замужем или носите кольцо для вида? – Я покрутил обручальное кольцо на ее пальце.

– Я замужем.

Я был немного удивлен.

– Он симпатичный парень?

Она отвернулась и промямлила что-то неразборчивое.

– Очень симпатичный? – переспросил я.

Она вырвала руку.

– Да... Очень симпатичный.

– И где же он?

Ева резко отвернулась и выпалила, словно выстрелила:

– Это вас не касается.

Я засмеялся.

– Ну, ладно, хватит злиться. Правда, должен признаться, что, когда вы злитесь, вы выглядите очень впечатляюще. Откуда у вас появились эти две морщинки на переносице?

Женщина тут же встала и посмотрела на себя в зеркало.

– Они портят меня, да? – спросила она, стараясь кончиком пальцев разгладить их.

Я посмотрел на часы, стоящие на камине. Я провел здесь уже пятнадцать минут.

– Не надо так часто хмуриться. Будьте повеселее, – посоветовал я, вставая, чтобы попрощаться и уйти.

Я сделал шаг по направлению к Еве и увидел, что ее озабоченный и беспокойный взгляд стал доверчивым и полным удовлетворения, которое она пыталась скрыть. Она развязала тесемку халата, и ее тоненькие пальчики передвинулись к шелковой петле, накинутой на единственную пуговицу, удерживающую полы халата запахнутыми.

– Мне пора уходить, – посмотрев на часы, заявил я.

Доверчивого взгляда как не бывало. Руки женщины опустились. Я был доволен, что решил действовать так, как мне хочется, не принимая в расчет ее намерений. Пока инициатива будет в моих руках, пока я буду вести себя иначе, чем ее обычные клиенты, Ева будет заинтригована и будет обращать на меня внимание хотя бы из любопытства.

– Когда у вас будет время, я хотел бы поговорить с вами, – попросил я разрешения, не ожидая на него ответа. – Возможно, я смогу излечить вас от комплекса неполноценности, – бросил я обещание и, проходя мимо комода, сунул двадцать долларов между стеклянными фигурками животных. Одна из фигурок, изображавшая диснеевского Бемби, упав, разбилась.

Ева мельком взглянула на деньги, тут же отвернулась. Лицо ее оживилось.

– Как вы думаете, удастся мне увидеть вас в чем-нибудь приличнее этого халата? – спросил я, подходя к двери.

– Удастся, – ответила хозяйка дома, который я оставлял ненадолго. – Я ношу не только халат.

– Как-нибудь на днях вы должны принять меня. И не забудьте, когда я приду в следующий раз, снять грим. Вам он не идет. До свидания. – Я открыл дверь.

Ева подошла ко мне.

– Благодарю вас за подарок, – тихо прозвучало из уст женщины, и она улыбнулась. Как разительно менялось ее лицо, когда она улыбалась!

– Не за что. Между прочим, меня зовут Клив. Могу ли я снова

позвонить вам?

– Клив? У меня уже есть два знакомых Клива.

В последние пятнадцать минут я совершенно забыл о том, что она проститутка, и ее замечание покорило меня.

– Очень жаль. Но ничего не поделаешь: мое имя Клив. Какое имя предпочли бы вы?

Ева почувствовала мое раздражение, и лицо ее стало замкнутым.

– Должна же я знать, кто из Кливов звонит мне.

– Ну, еще бы! – язвительно сказал я. – А что, если я назовусь Кларсеном, Ланселотом или, например, Арчибальдом?

Она пожала плечами и внимательно посмотрела на меня.

– Имя не имеет значения, я узнаю вас по голосу. До свидания, Клив.

– Желаю всего наилучшего. Скоро мы снова увидимся.

– Марти... – позвала она.

Из соседней комнаты вышла угловатая, высокая женщина. Она выжидающе остановилась, сложив руки на животе с едва заметной усмешкой в глазах.

– Я скоро позвоню, – напомнил я и вслед за Марти вышел в коридор.

– До свидания, сэр, – вежливо попрощалась со мной служанка.

Я кивнул и спустился по тропинке к белой деревянной калитке. Подойдя к машине, я остановился и оглянулся на дом. Света в окнах не было. В сумерках этот домик ничем не отличался от любого другого, расположенного в узких переулках Голливуда. Я завел мотор и подъехал к бару на Вайя-стрит, расположенному напротив ресторана «Браун-Дерби». Внезапно я почувствовал себя так, словно из меня выпустили воздух, я захотел выпить. Негр-бармен весело улыбнулся мне, зубы его сверкали, как клавиши пианино при свете электрических ламп.

– Добрый вечер, сэр, – сказал он, положив на стойку бара свои огромные руки. – Что вам подать сегодня?

Я заказал неразбавленное шотландское виски и отнес его в сторону. Посетителей в баре было мало, и я никого из них не знал. Я откинулся на спинку удобного кресла, отпил немного виски и закурил сигарету. Обдумав все, я решил, что пятнадцать минут, которые я провел у Евы, прошли неплохо, хотя и обошлись мне довольно дорого. Первый и, полагаю, результативный ход в этой игре. Ева, естественно, озадачена и наверняка заинтересована. Весьма занимательно было бы послушать, что она сказала обо мне Марти после моего ухода. Ева достаточно умна, чтобы понять, что я веду какую-то игру, но я ни малейшим намеком не раскрыл ей своих карт. Ее терзает любопытство: я говорил о ней, а не о себе, это ей в новинку. Те

мужчины, с которыми проводила время падшая Ева Марлоу, говорили только о себе. Меня занимал ее комплекс неполноценности. Может быть, он продиктован страхом за будущее? Ева ждала, что я успокою ее. Она зарабатывала деньги тем, что продавала себя, поэтому больше всего другого ее тревожила мысль о том, как она выглядит. Ева была уже не молода. Ее, конечно, нельзя было назвать и старой, но даже если ей тридцать три – а я полагал, что она старше, – все равно в этом возрасте, особенно учитывая ее профессию, женщина, естественно, испытывает тревогу за будущее. Я допил виски и снова закурил сигарету. Цепь моих мыслей прервалась, и я почти против воли стал вести примиренческий разговор с собственной совестью. По-видимому, во мне произошел какой-то перелом. Несколько дней назад сама мысль о связи с проституткой была бы для меня неприемлемой. Я всегда презирал мужчин, которые ходили к подобным женщинам. Мне это было противно. И все же я провел пятнадцать минут с проституткой и обращался с ней так, как привык вести себя со своими приятельницами. Я оставил у ее дома свою машину, которую в округе знали очень хорошо и которую мог легко узнать любой из тех, кому я известен. Я заплатил за привилегию поговорить с продажной женщиной о ничего не значащих пустяках двадцать долларов. Теперь, когда я находился вдалеке от Евы, моя поездка к ней казалась мне настолько бессмысленной, что я был вынужден защищать свое чувство самоуважения. Я говорил себе, что эта женщина совершенно не похожа на тех проститутки, которых я видел. Внешний вид ее был совершенно иным: она не была крикливой, грубой, жадной и лживой, как большинство проститутки. Правда, она не шла ни в какое сравнение ни по внешнему виду, ни по культуре с моими приятельницами. Я старался найти оправдание своим поступкам. Я убеждал себя, что Ева заинтересовала меня только потому, что принадлежала к отверженному слою общества. Но мое любопытство не было достаточно убедительной причиной для того, чтобы ради одного него рисковать своим положением. Нет, все было гораздо сложнее. Причиной того, что меня повлекло к Еве, было сознание собственной неполноценности. Несмотря на то что мне везло в жизни, я знал, что в конце концов меня ожидает крах. Я исписался. Я никому бы не признался в этом, я с трудом признавался в этом даже самому себе. Гнетущее чувство неминуемого провала действовало на мое воображение все сильнее и сильнее, пока не наступил такой момент, когда чувство собственной неполноценности охватило меня с такой силой, что я наконец признался себе в том, что я ничего не стою. Мое несчастье усугублялось еще тем, что по роду работы я имел дело с самыми блестящими и

талантливыми людьми Голливуда. По сравнению с ними я был ничтожеством. Еве было неизвестно, что такое успех. Она была бесталанной, была отбросом общества и единственной из встреченных мной женщин, кого я мог бы опекать, к которой мог бы относиться свысока, которой мог бы покровительствовать. Несмотря на ее власть над мужчинами, ее силу воли и холодное безразличие, Ева продавала себя. Пока у меня есть деньги, я ее господин. Мне необходимо, чтобы она была рядом, именно она, потому что она морально унижена и находится на еще более низкой ступени в глазах общества, чем я. Вот по какой причине меня влекло к Еве Марлоу. Именно такая женщина, как Ева, даст мне возможность поверить в себя. Чем больше я об этом думал, тем яснее понимал, что мне придется уехать из Фри-Пойнта. Уехав оттуда, я смогу чаще встречаться с Евой. Если я буду жить вдали от нее, то это исключено. Я твердо решил уехать из Фри-Пойнта.

Загасив сигарету, я подошел к телефону и позвонил домой.

– Резиденция мистера Фарстона, – услышал я голос Рассела.

Я сказал ему, что неожиданно уснул и поэтому задержусь. Это не удивило его. Несмотря на то что до прихода ко мне он никогда не работал слугой, Рассел освоился со своими обязанностями довольно скоро. Кэрл как-то заметила, что это произошло в результате того, что Рассел обожает кино и что, вдоволь насмотревшись на экране на образцовых слуг, он приспособился и стал типичной моделью дворецкого. Возможно, в этом была доля правды. Как бы там ни было, мои друзья завидовали мне в отношении Рассела и многие из них пытались даже переманить его.

– Я приеду завтра, – сказал я ему. – Но я хочу, чтобы вы нашли мою книгу «Цветы для дамы» и немедленно отослали ее мисс Еве Марлоу нарочным, без визитной карточки или какого-либо уведомления. Ей незачем знать, кто послал книгу. – Я продиктовал слуге адрес. – Вы это сделаете?

Он ответил утвердительно, но мне почему-то почудилось, что в голосе Рассела послышались нотки неодобрения. Он любил Кэрл и всегда настороженно относился к моим прочим приятельницам. Я тут же повесил трубку, не желая выслушивать его мнения на этот счет, так как я знал, что он способен на это. Выйдя из бара, я направился в «Браун-Дерби».

Глава 6

Кэрол и Питер сидели в противоположном от оркестра углу. Кроме них, за столом сидел толстый, обмякший мужчина в безупречно сшитом смокинге. У него была копна черных с проседью волос, длинное лицо с желтоватым оттенком, толстая отвисшая нижняя губа и широкий, плоский нос. Его дедушка вполне мог бы быть львом.

Когда я пробирался мимо переполненных столиков, Питер увидел меня и приподнялся.

– Идите сюда! – позвал он. Лицо его было удивленным и обрадованным. – Значит, вам все-таки удалось вырваться? Посмотрите, кто пришел, Кэрол! Вы уже обедали?

Я взял Кэрол за руку и улыбнулся ей.

– Нет, – ответил я. – Могу ли я присоединиться к вам?

– Конечно! – разрешила она. – Я очень рада, что ты пришел.

Питер дотронулся до моей руки.

– Вы, вероятно, незнакомы с мистером Голдом? – спросил он и повернулся к похожему на льва человеку, который сосредоточил все свое внимание на супе. – Это – Клив Фарстон, писатель, – представил меня Питер.

Итак, это был Рекс Голд. Как и все в Голливуде, я много слышал о нем и знал, что он самый могущественный человек в мире кино.

– Рад познакомиться с вами, мистер Голд, – сказал я.

Он неохотно оторвался от супа, немного приподнялся и подал мне пухлую безжизненную руку.

– Садитесь, мистер Фарстон, – предложил он. Его глубоко посаженные глаза были устремлены мимо меня. – Суп из омаров просто великолепен. Вы сами убедитесь в этом. Официант! – Голд нетерпеливо щелкнул пальцами. – Суп из омаров мистеру Фарстону!

Я подмигнул Кэрол и, когда официант пододвинул мне стул, наклонился к ней и тихо произнес:

– Видишь, я не могу быть долго в разлуке с тобой.

– Твои издатели не захотели видеть тебя? – прошептала она.

Я покачал головой.

– Нет, я позвонил им сам. – Под столом я нашел руку Кэрол и пожал ее. – Как выяснилось, разговор несерьезный, и я отложил его до завтра. Я хотел быть рядом с тобой в такой торжественный день.

Пока мы разговаривали, Голд продолжал есть суп, устремив застывший взгляд в пространство. Было очевидно, что он не из тех, кто смешивает еду с разговором.

– А я уже решила, что ты пошел к своей дикарке, – шаловливо продолжала Кэрол, – и что именно из-за нее ты бросил меня.

– Нет такой женщины на свете, из-за которой я мог бы бросить тебя, – отпарировал я с улыбкой, стараясь, чтобы Кэрол не заметила фальши ни в моих глазах, ни в моем голосе. Ее интуиция была просто поразительной, это тонкое создание всегда чувствовало, когда я лгу.

– О чем это вы все время шепчетесь? – спросил Питер.

– Тайна, – бросила Кэрол. – Не будь любопытным, Питер.

Голд закончил с супом, со стуком положил ложку на стол, тяжело откинулся на спинку стула и подозвал официанта.

– Где суп мистера Фарстона? Что вы подадите на второе?

Удостоверившись, что ни он сам, ни я не забыты, он повернулся к Кэрол:

– Вы вечером приедете в клуб?

– Ненадолго. Я хочу пораньше вернуться домой. Завтра у меня много работы.

Официант принес мне суп.

– Сегодня вы должны думать только о сегодняшнем дне. Не думайте о завтрашнем дне и не торопите время, – сказал Голд, не отрывая взгляда от моей тарелки с супом. Я почувствовал, что он с удовольствием съел бы и мой суп. Достаточно было бы только намекнуть, что я не голоден.

Голд снова обратился к Кэрол:

– Вы должны научиться отдыхать так же хорошо, как вы и работаете.

Кэрол покачала головой:

– Я должна спать не меньше семи часов, а теперь в особенности.

– Я кое-что вспомнил, – сказал Голд, облизывая толстые губы. – Завтра утром ко мне придет Ингрэм. И я хотел бы, чтобы вы с ним встретились. – Толстяк посмотрел на Питера.

– Хорошо, – отозвался тот. – Будет ли Ингрэм ломать сценарий?

– Нет. Если же он будет несговорчив, дайте мне знать. – Голд внезапно посмотрел на меня. – Вы когда-нибудь писали киносценарии, мистер Фарстон?

– Нет... Пока нет... – ответил я. – У меня очень много идей, которые я хотел бы осуществить, но я никак не могу выбрать время.

– Идей? Каких идей? – Голд резко подался вперед – и его длинное лицо повисло над столом. – Могу ли я использовать ваши идеи?

Я стал лихорадочно соображать, что бы мне предложить, но так ничего и не придумал. Видно, придется блефовать.

– Этот вопрос надо обдумать. Если вас это интересует, я подготовлю вам нужный материал.

Глаза Голда вонзились в меня как буравчики.

– Материал? Мне это непонятно.

– Нужно обработать бумаги, – сказал я, внезапно почувствовав злобу и раздражение. – Как только найдется время для обработки, я дам вам материал для просмотра.

Толстяк, не мигая, уставился на Кэрол. Она не подняла головы.

– Нет, меня это не устраивает, – настаивал киномагнат. – Расскажите мне о ваших замыслах. Ведь вы же писатель, не так ли? Вы сказали, что у вас есть какие-то идеи. Вот и изложите мне их.

И зачем я только сел за этот стол! Я чувствовал, что Питер с любопытством ожидает развязки диалога. Кэрол мяла в руках кусочек хлеба, ее лицо горело. Голд продолжал упорно смотреть на меня, поглаживая толстой рукой челюсть.

– Я не могу говорить на эту тему здесь, – сказал я. – Если вы действительно заинтересованы, я могу прийти в ваш офис и поговорить с вами.

К столу подошли несколько официантов. Они начали сервировать стол перед тем, как подать второе. Голд немедленно потерял всякий интерес ко мне и начал травить официантов. Он придирался ко всему, даже к температуре посуды, в которой подавали еду. В течение нескольких минут вокруг стола были беготня и суматоха. В конце концов Голд уgomонился и начал с волчьей жадностью пожирать еду, словно выдерживал голодовку по крайней мере несколько дней. Питер, поймав мой устремленный в пространство взгляд, попытался улыбнуться. Пока Голд ел, нельзя было помышлять ни о каких разговорах. Кэрол и Питер молчали, и я решил последовать их примеру. Мы ели в полнейшей тишине. «Интересно, – подумал я, – будет ли Голд пытаться выудить у меня мои замыслы после того, как покончит с едой? Наверное, он уже не станет говорить на эту тему». Я был зол на себя за то, что упустил хорошую возможность. Но мне нечего было сказать ему. Я должен быть благодарен официантам, которые так своевременно отвлекли его от расспросов. Голд нетерпеливо оттолкнул от себя пустую тарелку и вынул из кармана жилетки зубочистку. Ковыряя в зубах, он оглядывал переполненный зал.

– Вы читали книгу Клива «Ангелы в трауре»? – внезапно спросила Кэрол.

Голд нахмурился.

– Нет, – резко ответил он, – и вам это известно.

– Тогда я думаю, вам следует прочитать ее. Содержание непригодно для фильма, но можно написать интересный сценарий. В книге есть одна хорошая идея.

Ее слова поразили меня. Я посмотрел на Кэрол, но она не обращала на меня внимания.

– Какая идея? – На желтом лице Голда появился интерес.

– Идея в том, что мужчины всегда предпочитают распутных женщин, заставляя порядочных женщин страдать.

Я был поражен. В моей книге не было ничего подобного.

– Неужели мужчины действительно предпочитают распутных?

– Конечно, – ответил Голд, сжимая пальцами зубочистку. – Мисс Рай права, и я объясню почему. Мужчины предпочитают распутных потому, что приличные женщины слишком скучны.

Кэрол покачала головой.

– Не думаю. А ты, Клив?

Я не знал, что ответить. Я никогда не думал об этом раньше. Мне вспомнилась Ева. Я подумал о ней и Кэрол. Ева была распутницей, Кэрол была приличной женщиной, откровенной, честной, надежной. Она жила, соблюдая все правила этики. Ева вообще не представляет, что такое этика. Я бросил Кэрол и солгал ей для того, чтобы провести несколько минут с Евой. Зачем я это сделал? Если бы я знал это, я мог бы ответить на вопрос Кэрол.

– У распутниц, – начал я, – есть такие достоинства, которых нет у приличных женщин. Вернее, это скорее недостатки, а не достоинства. Эти женщины возбуждают в мужчинах примитивные инстинкты. Мужчинам тяжелее сдерживать свои инстинкты, чем женщинам, поэтому мужчины и бегут к распутницам. Но вместе с тем распутницы нужны им на очень короткий срок. Сегодня мужчина с ней, а завтра уходит и бросает ее.

Кэрол резко оборвала меня:

– Ты говоришь чепуху, Клив, и сам прекрасно это знаешь.

Я в упор посмотрел на нее и увидел на ее лице такое выражение, которого не видел никогда раньше. В ее взгляде были боль, злоба и вызов.

– А я согласен с мистером Фарстоном, – сказал Голд. Он вытащил из портсигара большую сигару и принялся разглядывать ее. – Мужчины не в состоянии сдерживать свои инстинкты.

– Дело не в инстинктах, – выпалила Кэрол. – Я скажу вам, почему мужчины предпочитают распутниц. – Она посмотрела на Питера, словно

желая исключить его из числа своих слушателей. – Я говорю о большинстве мужчин. Если они сбились с правильного пути, они, как неразборчивые щенки, бегут за первой встречной. А меньшинство придерживаются стандартных моральных принципов и не отступают от них ни на шаг.

– Дорогая Кэрол, – сказал я, понимая, что это выпад против меня, – для твоих речей не хватает только трибуны.

– Она была бы очаровательным оратором, – констатировал Голд. – Пусть она продолжит свою речь.

– Мужчины предпочитают распутных женщин, чтобы удовлетворить свое тщеславие. Эти женщины весьма декоративны. Они испорчены и привлекательны одновременно. Мужчины любят, когда их встречают в обществе таких женщин. Друзья начинают завидовать этим смельчакам... Бедные идиоты! Распутницы, как правило, глупы. Мозги им ни к чему. Достаточно хорошенького лица, красивых ног, шикарных туалетов и готовности отдаться.

– Значит, ты считаешь, что мужчины хорошо себя чувствуют только в обществе дур?

– Тебе это хорошо известно, – бросила Кэрол. – Не думай, что тебе удастся обмануть меня. Ты как раз и принадлежишь к большинству.

Голд улыбнулся.

– Продолжайте, – попросил он. – Ведь вы еще не кончили.

– Мне больно смотреть, когда шлюхи обводят вашего брата вокруг пальца. Мужчин интересует только внешний вид, наряды и тело. Если у женщины нет хорошенькой мордашки, ей не пробиться в Голливуде. Это просто отвратительно.

– Не надо об этом. Лучше давайте о распутницах, – вмешался Питер. В глазах его был живой интерес.

– Мужчина не терпит, когда женщина знает больше, чем он. Это еще один шанс для распутниц. Они ленивы по натуре, и у них нет времени ни на что, кроме распутства. Единственная тема их разговоров – они сами, их туалеты, их неприятности и их внешний вид. Мужчинам это нравится: в обществе таких женщин они чувствуют себя на высоте. Мужчины кажутся себе богами, в то время как шлюхам они кажутся до смерти надоедливymi. Им эти мужчины нужны только для того, чтобы весело провести время и вытянуть из них как можно больше денег.

– Очень интересно, – заметил Голд. – Но как вы увязываете эти рассуждения с фильмом, понять не могу.

– Этот фильм – сатира на мужчин, – подытожила Кэрол. – «Ангелы в

трауре» – прекрасное название. Мы не будем касаться содержания романа. Возьмем только название и напишем великолепную сатиру на мужчин. Представьте себе, как женщины заинтересуются подобным фильмом. В конце концов, большинство наших зрителей – женщины.

Голд обратился ко мне:

– Что вы на это скажете?

Я во все глаза смотрел на Кэрол. Она подала прекрасную идею. Более того, она оживила мое воображение, которое иссякло после того, как я написал последнюю книгу. Теперь я знал, что мне надо делать. Это было как озарение. Надо создать историю Евы. Я напишу сценарий об этой противоречивой, странной женщине.

– Прекрасная мысль! – возбужденно ответил я. – Я готов приняться за сценарий.

Кэрол отчужденно посмотрела на меня и закусила губу. Когда же наши глаза встретились, я понял, что мои намерения разгаданы этой пронизательной женщиной. Я отвернулся от нее и продолжал:

– Кэрол правильно сказала: это великолепная идея и интересная тема.

– Вы не будете сердиться, если я уйду? У меня ужасно разболелась голова. – С этими словами Кэрол неожиданно поднялась и оттолкнула от себя стул.

Прежде чем я успел сообразить, Питер подошел к мисс Рай.

– Ты слишком много работала, Кэрол, – сказал он. – Мистер Голд, вы извините ее, правда?

В карих глазах Голда появилось сонное выражение.

– Идите и ложитесь спать, – сказал он, адресуя слова мисс Рай. – А вы, Питер, проводите ее домой. Мы же с мистером Фарстоном посидим здесь еще немного.

Я проигнорировал относящееся ко мне предложение и встал.

– Я провожу ее, – вызвался я, чувствуя одновременно зlobу и тревогу за нее. – Пойдем, Кэрол...

Она покачала головой.

– Останься с мистером Голдом, – распорядилась она, не глядя на меня. – Питер, я хочу домой.

Когда она повернулась, чтобы уйти, я взял ее за руку.

– Что случилось? – спросил я, стараясь говорить спокойно. – Я чем-нибудь обидел тебя?

Кэрол Рай посмотрела на меня долгим взглядом, обиженным и сердитым.

– Я ухожу, Клив, спокойной ночи. Неужели ты не понимаешь?

«Она все знает, – подумал я. – Ей все известно. Я ничего не могу скрыть от нее. Она видит то, что творится у меня внутри, словно я стеклянный».

Наступило неловкое молчание. Голд, не отрываясь, смотрел на свои толстые руки, нахмурив сонное лицо. Питер поднял горностаевую накидку и стоял, ожидая Кэрол.

– Мы встретимся в клубе, – сказал Теннет на прощание.

И они ушли. Я снова сел за стол. Голд задумчиво смотрел на белый пепел своей сигареты.

– Женщины – странные существа, не правда ли? – спросил он. – Между вами что-то есть?

Я не хотел обсуждать свои с Кэрол взаимоотношения с человеком, которого я едва знал.

– Мы просто давние друзья.

– Она подала хорошую мысль. Сатира о мужчинах. И название удачное «Ангелы в трауре». Что вы об этом думаете?

– Я хочу написать сценарий о проститутке, – ответил я Голду, и мысли мои при этом были заняты Кэрол и Евой. – Описать мужчин, которые прошли через ее руки, ее влияние на них, ее отношения с ними и то, как она становится другим человеком.

– Кто же делает ее другим человеком?

– Мужчина... Кто-то, кто сильнее ее.

Голд покачал головой.

– Психологически это неверно. Кэрол согласилась бы со мной. Другим человеком ее могла бы сделать только женщина.

– Я с вами не согласен, – упрямо настаивал я. – Если бы проститутка полюбила какого-нибудь мужчину, она переродилась бы и жила бы только для него одного.

Голд стряхнул пепел с сигары в тарелку.

– У нас с вами разные мнения на этот счет. Как вы представляете себе эту женщину?

– Я знаю одну такую женщину. Она абсолютно реальна, и я хочу изучить ее.

– Продолжайте. – Дым кольцами поднимался от сигары Голда, частично скрывая от меня его лицо.

– Женщина, которую я хочу описать в сценарии, зарабатывает себе на жизнь проституцией. Распутница безжалостна, эгоистична и очень опытна. Она отброс общества, аморальна и интересуется только своей собственной персоной. Мужчины не имеют для нее никакого значения. Единственное,

что интересует ее в них, – это их деньги. – Я стряхнул пепел сигареты в пепельницу. – Такова моя героиня.

– Интересно, – согласился Голд, – но слишком сложно. Вы сами не знаете, о чем вы говорите. Такая женщина никогда никого не полюбит. Для нее чувство любви потеряно. – Он поднял голову и в упор посмотрел на меня. – Вы сказали, что знаете такую женщину?

– Я встретил такую женщину. Я еще не могу утверждать, что знаю ее, но сделаю все возможное, чтобы изучить глубже.

– Вы решили провести с ней эксперимент?

Я не хотел раскрывать свои карты. Толстяк мог обо всем рассказать Кэрл.

– Только для того, чтобы написать о ней, – беспечно ответил я. – Чтобы создавать живые образы, писатель ведь должен встречаться с разными людьми.

– Понятно. – Мокрые губы Голда Рекса сжали сигару. – Вы хотите заставить эту женщину полюбить вас?

Я посмотрел на своего собеседника более пристально, чем делал это раньше.

– Нет, у меня есть дела поинтересней, – резко ответил я.

– Я хочу, чтобы вы правильно меня поняли, – сказал он. – Вы сообщили, что выбрали эту женщину в качестве героини вашего сценария. Вы также предположили, что, если бы она полюбила, она переродилась бы и жила только своей любовью. Так? – Я кивнул. – Тогда как же вы можете быть уверены в том, что психологически правы, если не проведете с ней эксперимента? Я, например, считаю, что с психологической точки зрения это совершенно невозможно: такая женщина вообще не способна любить. Это подсказывает мне мой жизненный опыт, а вы разводите какие-то странные теории.

Я выпрямился, внезапно почувствовав в этих словах ловушку. Мне оставалось или признаться в том, что хочу провести эксперимент, или отказаться от своих слов.

– Хорошо, не отвечайте мне, – сказал Голд. – Сейчас я выскажу вам свое мнение на этот счет. Прежде чем приниматься за какие-то дела, всегда полезно уточнить детали. – Он сделал знак официанту. – Давайте выпьем немного бренди. Бренди как раз то, что нужно для подобного разговора. Вы заинтересовали меня, мне нравится название «Ангелы в трауре», импонирует, что фильм будет сатирой. Я уже давно не ставил психологических фильмов, а они всегда приносят хорошие доходы. Женщины просто обожают такие ленты. Тут Кэрл абсолютно права:

основная часть посетителей кино – женщины. – Он сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил портсигар. – Не хотите ли закурить, мистер Фарстон?

Я взял длинную сигару, несмотря на то, что мне не хотелось курить. По-видимому, Голд предлагает свои сигары как знак особой милости только тем людям, которые пришились ему по душе.

– Такая сигара обходится мне в пять долларов, – сказал он. – Их специально изготавливают для меня. Надеюсь, она доставит вам удовольствие.

Официант принес бренди. Голд поднес к носу бокал в форме шара и вдохнул аромат.

– Великолепно! – пробормотал он и обхватил бокал обеими руками.

Торопиться мне было некуда. Я аккуратно отрезал кончик сигары и прикурил. Сигара действительно была прекрасной.

– Меня интересует сценарий, основанный на фактическом материале, – продолжал Голд, – и занимает ваша мысль создать героиню, взяв ее с живого прототипа. В таком случае сценарий должен быть правдоподобным. Вам остается только одно: приглядеться к вашей знакомой и как можно точнее описать ее на бумаге. Изучайте ее! Поставьте себя на место героя вашего сценария. Но прежде чем начать воплощение замысла пером, пройдите через все это сами.

– Послушайте, мистер Голд... – начал я, но он сделал мне знак молчать.

– Вначале выслушайте меня. Возможно, ваши надежды не оправдаются, и все произойдет совсем не так, как вы предполагаете. Но это несущественно. Важно только одно: все должно быть оправдано с психологической точки зрения. Вы – человек светский. Вы, вероятно, пользовались в прошлом большим успехом у прекрасного пола. Женщина, которую вы выбрали в качестве героини своего сценария, будет вам достойным противником. Почему бы вам не попробовать влюбить ее в себя? Это будет необычайно интересный эксперимент.

Я промолчал. Он предложил мне как раз то, что я и сам задумал. И все же на душе у меня было беспокойно: я слишком часто возвращался в мыслях к Кэрол.

– Я куплю у вас такой сценарий, мистер Фарстон, – продолжал Голд. – Как бы все это ни обернулось, он обещает быть весьма интересным. Разумеется, тайна этого эксперимента останется между нами. Кроме нас двоих, другим знать об этом незачем.

Мы посмотрели друг на друга, и я понял, что он почувствовал, что я колеблюсь только из-за Кэрол.

– Такая мысль приходила мне в голову, – сказал я, – но иметь интимные отношения с женщиной, у которой подобная репутация, дело рискованное.

В глазах Голда промелькнула улыбка. У меня появилось такое ощущение, что он видит меня насквозь, и мне стало не по себе.

– Значит, вы все-таки пойдете на это? – спросил толстяк.

– Если этого требует дело, то да, – ответил я. – Но я не хочу тратить напрасно время, не получив соответствующей компенсации.

– Расскажите мне в нескольких словах канву вашего сценария.

Я на минуту задумался.

– Это будет история удачливой потаскушки, которая обирает мужчин, которых влечет к ней, получает от них деньги и подарки. Надо подчеркнуть, что мужчины при виде ее теряют голову. Потом моя героиня встречает человека, который является полной противоположностью всем ее любовникам. Вот тут-то и начинается драма. Сначала ее новую жертву, как и всех мужчин, влечет к ней, но когда он узнает ее ближе, то разочаровывается, в нем пробуждается злоба к ней. Он начинает вести свою собственную игру и побеждает. Распутница влюбляется в него. Когда же она надоедает ему, он бросает ее и начинает ухаживать за другими женщинами. Эта линия похожа на линию Скарлетт О`Хара и Ретта Батлера в фильме «Унесенные ветром».

– И вы думаете, что вам это удастся? – недоверчиво спросил Голд.

– Да. Весь вопрос в том, у кого сильнее воля.

Голд покачал головой.

– Если ваша героиня такова, какой вы ее описали, у вас ничего не выйдет. Я уверен в этом.

– Давайтеждемся конца эксперимента, и вы убедитесь, что я прав, тем более что вас устраивает любой результат. Ведь вы считаете, что фильм все равно будет интересным.

– Думаю, что да, – задумчиво сказал Голд. – Хорошо, приступайте. В качестве задатка я дам вам две тысячи долларов. Если ваш сценарий будет то, что мне нужно и что я уже успел представить, я заплачу вам за него, когда он будет окончен, еще пятьдесят тысяч. Можете рассчитывать на помощь работников киностудии, если она вам потребуется.

– Можем ли мы составить письменный контракт на сценарий?

– Конечно. Я прикажу, кому следует, связаться с вами.

– Даете ли вы мне три месяца? Если мне в этот период ничего не удастся, значит, я напрасно потратил время.

Голд Рекс кивнул.

– Встретимся через три месяца. Это будет любопытный, жизненный эксперимент. Желаю вам весело провести время. – Он сделал знак официанту. – Я должен ехать в клуб. Не хотите ли вы поехать вместе со мной, мистер Фарстон?

Я покачал головой.

– Нет, благодарю вас. Мне надо все хорошенько обдумать, составить план.

Голд подписал чек, расплатился с официантом и встал.

– Доброй ночи, – сказал он. – Через день-два к вам придут со студии.

Он пошел к выходу, опустив голову, сунув руки в карманы. Когда он проходил мимо столиков, некоторые посетители здоровались с ним, но он вышел, не обратив на них ни малейшего внимания. Я взял бокал с бренди. «За тебя, Ева, – подумал я. – И за пятьдесят тысяч долларов».

Глава 7

Последующие две недели я не видел Кэрол. Ежедневно утром и вечером я звонил ей, но мне отвечали, что она или на студии, или в квартире мистера Голда. Не знаю, была ли она занята своим сценарием или избегала меня. Если бы не наша последняя размолвка, я вообще не задумывался бы об этом. Когда у нее было много работы, Кэрол часто исчезала на неделю или две, и я не обращал на это внимания. Теперь я волновался. Я вспомнил, как она в ресторане смотрела на меня, я знал, что впервые за два года нашего знакомства она обиделась и рассердилась. Я считал, что имеется единственная возможность примириться с женщиной, с которой ты поссорился, – это оставить ее в покое. Но Кэрол не была похожа на остальных женщин, и с ней нельзя было поступать по трафарету. Она была искренна в своей обиде. Я хотел убедить ее, что причины для ссоры не существовало, что она зря сердится на меня, но боялся, что мне это не удастся. Конечно, можно было поехать на студию, но я считал более разумным поговорить вначале по телефону. Она тогда не видела бы моего лица. Я уже говорил, что солгать Кэрол просто невозможно. Следовало действовать очень осторожно и внушить ей, что между мной и Евой ничего не произошло. Я ежедневно звонил мисс Рай по телефону, передавал приветы, но поехать на студию не решался. К этому времени я уже покинул свой загородный дом. Невзирая на раздражение моего слуги Рассела, я поселился снова на своей голливудской квартире. Он думал, что я еще по крайней мере месяц проживу во Фри-Пойнте. На мой же поспешный переезд повлияло то, что у меня из головы не выходила Ева, которую я желал видеть. Через три дня после нашей встречи, вечером, я подъехал к ее дому на Лаурел-Каньон-Драйв. В окнах не было света. Не останавливая машину, я проехал мимо, испытывая странное чувство удовлетворения оттого, что снова вижу этот дом.

На четвертый день после завтрака я позвонил Еве. К телефону подошла ее горничная, Марти. Когда я попросил позвать мисс Марлоу, служанка поинтересовалась, кто звонит. Немного поколебавшись, я ответил:

- Мистер Клив.
- Очень жаль, но мисс Марлоу сейчас занята. Что ей передать? – спросила Марти.
- Я позвоню позже.

– Она скоро освободится. Я передам, что вы звонили.

Я поблагодарил и повесил трубку. Несколько минут я неподвижно сидел перед телефоном. «Почему у меня испортилось настроение? – спрашивал я себя. – Разве я не знаю, кто она?» В тот день я больше не звонил ей и не мог работать. Вспомнив о Голде, я попытался набросать план сценария, но не выжал из себя ни строчки. Пока я не узнаю Еву поближе, я не могу написать о ней.

Мое присутствие было очень обременительно для Рассела. Он привык к одиночеству и к тому, что я редко бываю дома. А тут пришлось слуге смириться с тем, что я весь день ходил взад и вперед по коридору, спальне и библиотеке. И только вечером я назначил свидание Клер Якоби, певице, хотя у меня не было ни малейшего желания слушать ее бессвязную, нескончаемую болтовню. После полуночи я вернулся домой, пьяный и злой. Рассел ждал меня. Он принес мне виски, я отослал слугу спать и позвонил Еве. В трубке раздавались монотонные гудки, но ответа не было. Положив трубку, я пошел в спальню, разделся, облачился в пижаму, вернулся в комнату и снова позвонил. Часы показывали без двадцати минут час. На этот раз мой звонок достиг цели.

– Хэлло, – сказала Ева.

– Привет. – Как только я услышал ее голос, мой рот пересох от волнения.

– Как поздно вы звоните, Клив.

В прошлый раз она сказала, что узнает меня по голосу, но я не поверил ей. Один-ноль в ее пользу: она действительно узнала меня.

– Как вы поживаете? – Я уселся в кресло.

– Хорошо.

Я подождал, полагая, что она добавит что-нибудь, но телефон молчал. Это был мой первый опыт неудачного телефонного разговора с ней. Потом последуют многие телефонные беседы с Евой, такие же односложные и сдержанные.

– Вы слушаете? – выждав немного, спросил я. – Вы еще не повесили трубку?

– Нет, – голосом ровным и далеким отозвалась Ева.

– А я решил, что вы повесили трубку. – И я откинулся в кресле. – Вы прочли книгу, которую я послал вам? Она вам понравилась?

Воцарилась пауза. Потом я услышал какое-то бормотание.

– Что? – спросил я.

– Я не могу сейчас разговаривать, – сказала Ева. – Я занята.

Меня охватила дикая, неудержимая ярость.

– Господи! – крикнул я. – Неужели вы работаете не только весь день, но и всю ночь?

Но это был зов в пустоту, которая ответила отрывистыми гудками, так как на той стороне меня больше не пожелали слушать и повесили трубку. Ровное тиканье часов оглушило меня. Я сидел, вцепившись в телефонную трубку, до тех пор, пока мне не позвонили со службы связи и не попросили положить трубку на рычаг. Я бросил трубку, допил виски и выключил свет. Оставив гореть настольную лампу, я снова уселся в кресло и закурил сигарету. Битый час я думал о той, с которой так неудачно пытался завязать разговор. Мне стало казаться, что мне не справиться с Евой, что с ней будет гораздо тяжелее, чем я решил вначале. Вспомнив предложение Голда, я впал в панику. Прошло четыре дня с тех пор, как я навещил эту женщину, и никакого шага вперед. Повесив трубку, она доказала, что не проявляет ни малейшего интереса к моей особе. Она даже не сочла нужным извиниться. «Я не могу разговаривать. Я занята». Она бросила трубку. Сжав кулаки, я подумал, что бываю более вежлив со слугой, чем эта потаскушка со мной. Но, несмотря на мое бешенство, ее безразличие, я почувствовал огромное желание увидеть ее. И оно одержало верх надо мной: за те две недели, что я не встречался с Кэрол, я трижды навещал Еву. Нет смысла пересказывать, что это были за визиты. Они ничем не отличались от нашей первой встречи. Мы болтали о всякой чепухе, и через пятнадцать минут я уходил, не забывая оставить на комоду двадцать долларов. Каждый раз я приносил с собой какую-нибудь книгу, и за это Ева действительно была благодарна мне. Никакие старания, никакие ухищрения не помогли мне разбить ее сдержанность, она была равнодушна и подозрительна. Я понимал, что если я намерен продвинуться вперед, то должен перейти к более решительным мерам. В конце концов я решил, что иного выхода нет.

Спустившись на следующее утро в столовую, я увидел Рассела, который ждал меня, чтобы накормить завтраком. Прошло уже десять дней, как мы не виделись с Кэрол, и я знал, что Рассела беспокоило, не поссорились ли мы. Он время от времени неодобрительно поглядывал на меня.

– Позвоните мисс Кэрол, – сказал я, просматривая письма, лежащие на подносе, – и узнайте, что она делает. Если она дома, я поговорю с ней.

Пока слуга набирал номер телефона, я просматривал заголовки в газете. Ничего интересного не было. Я бросил газету на пол. Пробормотав что-то неразборчивое, Рассел повесил трубку и покачал головой.

– Ее нет дома, сэр, – сообщил он, и его круглое лицо помрачнело. – Почему бы вам не поехать на студию и не повидаться с мисс?

– Я слишком занят, чтобы мотаться по киностудиям, – резко ответил я. – И какое тебе до всего этого дело?

– Мисс Кэрол – очень молодая леди, – отозвался слуга, – и жаль, что вы так плохо относитесь к ней, мистер Клив.

Я сверху вниз разглядывал этого коротенького, толстого человечка. Вот уже два года, как он служит у меня. Я встретил его в одном из баров Лос-Анджелеса, когда впервые приехал в этот город. Я подыскивал квартиру в шикарном районе, и почему-то Рассел показался мне идеальным слугой, несмотря на его неказистую внешность. Ему было лет пятьдесят, у него были совершенно седые волосы, толстые, розовые щеки и полная достоинства важная осанка. Он чем-то напоминал английского епископа. Я угостил Рассела виски, и он рассказал мне историю своей неудавшейся жизни. Он работал в Нью-Йорке клерком. Потом без всякого предупреждения служащие были распущены, а фирма ликвидирована. Он остался без работы. Рассел, по его словам, обожал кино и уехал в Голливуд, надеясь, что сможет заработать на жизнь, снимаясь в массовых съемках. Он знал, что в его возрасте работу найти трудно, но надеялся, что ему повезет получить эпизодическую роль дворецкого. Он потратил много месяцев, обходя агентства в поисках работы. Но везение обходило стороной беднягу, в кармане у него не осталось ни одного доллара. И меня словно что-то подтолкнуло. Я предложил большому любителю кино лишь место слуги. Он был счастлив. Рассел оказался великолепным слугой и, когда он был подобающим образом одет, казался самым внушительным слугой во всем Голливуде. Единственным его недостатком было то, что он проявлял живой интерес к моим делам. Были случаи, когда я следовал советам своего дворецкого, но я никогда не признавался ему в этом. Я подозревал, что он знает всю мою подноготную и одинаково хорошо осведомлен как о моих делах, так и о моих отношениях с женщинами.

– Значит, ты считаешь, что я плохо отношусь к мисс Кэрол? Да? – спросил я, намазывая на тост масло и избегая неодобрительного взгляда слуги.

– Да, сэр. Вам надо повидаться с ней. Она замечательная молодая леди и заслуживает лучшего отношения, чем все остальные леди, которых вы знаете.

– Ты, как всегда, суешь нос не в свои дела. Мисс Кэрол очень занята, ей сейчас некогда бегать по свиданиям. Я достаточно внимателен к ней. Если ты помнишь, в течение двух последних недель я звоню ей постоянно по два раза в день.

– В таком случае она избегает вас, сэр, – упрямо отпарировал мой

толстый слуга. – Вы не должны допустить этого.

– Лучше приведи в порядок спальню, Рассел, – холодно произнес я. – Я сам знаю, что мне нужно делать.

– А эта мисс Марлоу, сэр, – спросил он совершенно неожиданно, – она профессионалка, да?

Я с удивлением уставился на него.

– Откуда ты это разнюхал?

В лице слуги промелькнуло что-то похожее на жалость.

– Я слуга джентльмена, сэр, – немного напыщенно произнес он, – и считаю своей обязанностью знать о том, как это воспримут в обществе. Даже имя этой женщины вульгарно.

– Вот как? – произнес я, стараясь сдержать улыбку. – Ну и что же из того, что она профессиональная проститутка?

Кустистые брови Рассела поползли вверх от услышанных им слов.

– Я только хотел предупредить вас, мистер Клив. Такие женщины до добра не доводят. Любая попытка установить с ними какие-то отношения будет чревата последствиями.

– Хватит болтать, иди наверх, – сказал я, чувствуя, что разговор зашел слишком далеко. – Я встречаюсь с мисс Марлоу, чтобы написать киносценарий. Сам Голд поручил мне написать его.

– Очень странно, сэр. Я всегда считал мистера Голда умным мужчиной. Ни одному здравомыслящему человеку не пришло бы в голову снять фильм на эту тему. Извините меня, сэр, я уж лучше пойду уберу комнату.

Я наблюдал, как Рассел с серьезным выражением лица и с достоинством удалился. Пожалуй, он был прав, и все же Голд совершенно определенно сказал, что поставит фильм с подобным сюжетом. Я снова принялся за письма, вскрыл их, надеясь получить письмо с киностудии. Письма не было, и я решил, что оно еще в дороге. Подойдя к столу, я проверил свой счет в банке. Я был поражен тем, как мало у меня осталось денег. После минутного колебания я собрал все присланные мне счета. Оплачивать их мне было нечем. Пусть отлежатся. Потом я позвонил своей поверенной в делах Мерль Венсингер.

– Послушайте, Мерль, – начал я, как только она подошла к телефону, – что происходит? На этой неделе я не получил ни единого цента за свою пьесу «Остановка во время дождя».

– Я писала вам об этом, Клив, – ответила мисс Венсингер своим сильным, металлическим голосом, от которого всегда звенело в ушах. – На этой неделе пьесу не ставили. До этого она шла без перерыва пять месяцев.

– Значит, я теперь должен умереть от голода? – зло спросил я и добавил: – А больше я ниоткуда не получу? Как обстоят дела с моими книгами?

– До сентября вам ничего не причитается, Клив. Вы же знаете, что издательство Селекса оплачивает счета только в сентябре.

– Знаю, знаю, – резко подтвердил я, но, спохватившись, продолжал более спокойным тоном: – Ничего не можете сделать для меня, Мерль, выслушайте по крайней мере мои новости. Голд предложил мне подписать контракт. Я должен был бы сообщить вам об этом раньше. Я подал ему пару недель назад одну идею, за которую он предложил мне пятьдесят тысяч долларов.

– Это просто чудесно! – Радостный голос поверенной оглушил меня. – Вы хотите, чтобы я занялась этим?

– Полагаю, что да, – испытывая некоторые сомнения, ответил я. Отдать ей пять тысяч долларов, десять процентов? Правда, Мерль великолепно знает свое дело и, если Голд решится надуть меня, сумеет управиться с ним. – Да, считайте, что это дело за вами. Когда я получу контракт, я перешлю его вам.

– А как ваша новая книга?

– К черту книгу. Сейчас у меня в голове только Голд.

– Но, Клив. – В голосе поверенной послышалась тревога. – Издательство Селекса ждет книгу в конце месяца.

– Пусть подождут, – ответил я. – Говорю вам: я занят.

Помолчав, Мерль спросила несколько нерешительно:

– Неужели вы даже не начали ее?

– Нет, не начал. К черту издательство! Я хочу получить пятьдесят тысяч Голда.

– Придется уведомить об этом мистера Селекса. Он будет очень разочарован. Они уже сообщили читателям, что вы пишете новую книгу, Клив.

– Сообщайте кому угодно. Мне это совершенно безразлично. Если вам от этого станет легче, можете известить самого президента. Но, ради Бога, Мерль, не морочьте мне голову с издательством Селекса. Стоит вам заговорить об этом, как у меня тут же появляется головная боль, – выпалил я, внезапно почувствовав раздражение. – Разве предложение Голда хуже?

– В отношении денег, безусловно, лучше, – медленно сказала Мерль. – Но с тех пор, как вы написали свою последнюю книгу, прошло довольно много времени, и читатели могут забыть ваше имя.

– Пусть вас это не тревожит, – уверил я мисс Венсингер. – Читатели не

забудут моего имени.

Она что-то вспомнила и воскликнула:

– Клив, у меня есть для вас одно предложение. Требуется тематическая статья для журнала «Дигест» о женщинах Голливуда. Оплата – три тысячи долларов. Объем – 1500 слов. Вы возьметесь написать ее?

Мерль нечасто предлагала мне работу. Я почувствовал себя польщенным.

– Да, – ответил я. – Когда вам нужна статья?

– Не можете ли вы написать ее сегодня? Я совсем забыла о ней, а теперь ее нужно срочно сдавать в редакцию.

Этими словами Мерль все испортила. Я понял, что она хотела поручить кому-то другому написать эту статью, но ей это не удалось.

– Хорошо! Рассел привезет вам ее завтра утром. – Я попрощался и повесил трубку.

Вошел мой дворецкий и начал убирать со стола.

– Я должен написать одну статью, – сказал я. – Что у меня намечено на сегодня?

Рассел очень любил, когда я обсуждал с ним свои дела.

– Вы хотели встретиться в три часа с мисс Сэлби, сэр, – сказал он, – а вечером вы обедаете с мистером и миссис Вилбург.

– Встреча с мисс Сэлби отменяется. Не люблю болтушек. Скажите ей, что я должен был срочно уехать за город. Таким образом, день у меня будет свободным, и я успею написать статью. Потом я пообедаю у Вилбургов.

Я поднялся наверх, чтобы переодеться. Было уже без двадцати двенадцать. Настало время позвонить Еве. Я долго ждал, прежде чем она подошла к телефону. Голос ее был сонным.

– Я поднял вас с кровати?

– Да, Клив. Я спала крепким сном.

– Очень жаль, что разбудил вас, но взгляните на часы. Вам не стыдно?

– Я всегда встаю в двенадцать. Пора бы вам знать это.

Хорошо еще, что она сегодня связывает слова в предложения, а не отвечает односложно, как обычно.

– Ева, не хотите ли вы провести со мной уик-энд?

Наступило долгое молчание, потом она сказала однотонно и безразлично:

– Если вы этого хотите, пожалуйста.

– Мы могли бы сходить в театр. Вы свободны на этой неделе?

– Да.

«Нет чтобы в голосе ее прозвучало что-то, хоть отдаленно похожее на

волнение!» – сердито подумал я.

– Прекрасно, – сказал я, скрывая разочарование. – В каком ресторане вы хотите пообедать?

– Выбирайте сами. – Наступила пауза. Потом Ева добавила: – Но только не в... – Она перечислила огромное количество ресторанов и отелей.

Я раскрыл рот от изумления.

– Но после вашего заявления мне, собственно, выбирать не из чего, – запротестовал я. – Ну, например, почему бы нам не посетить «Браун-Дерби»?

– Я не могу пойти туда, – сказала Ева (мне представилось, как при этом две морщинки перерезали ее переносицу), – так же, как не могу пойти в другие места, которые назвала вам.

– Хорошо, – сказал я, чувствуя, что, если буду настаивать, она вообще откажется быть со мной.

– Я предварительно позвоню вам. Значит, точно в субботу, как условились?

– Да. – И Ева повесила трубку, прежде чем я успел произнести слова благодарности.

Глава 8

Подъехав к углу улиц Фейрфакс и Беверли, я увидел большую толпу. Улица была запружена автомобилями и людьми. У меня создалось впечатление, что произошел несчастный случай. Я подрулил к тротуару и остановился. Толпа все увеличивалась.

– Черт возьми! – воскликнул я и, выскочив из машины, пошел посмотреть, что произошло.

Маленький двухместный открытый автомобиль стоял поперек улицы. Переднее крыло его было смято. Четыре человека толкали большой черный «Паккард» к обочине. У него была разбита передняя фара и сильно поцарапан сверкающий корпус. В центре группы спорящих о чем-то мужчин стоял Питер Теннет с расстроенным видом. Он ожесточенно что-то доказывал пожилому мужчине.

– Здравствуй, Питер! – крикнул я, пробираясь сквозь толпу. – Не могу ли я чем-нибудь помочь тебе?

Когда он меня увидел, лицо его оживилось.

– Ты на машине, Клив? – с надеждой спросил Теннет.

– Конечно, – ответил я. – Вон она! Что произошло?

Он махнул рукой в сторону «Паккарда».

– Только я отъехал от тротуара, как вот этот друг перерезал мне дорогу и врезался в мою машину.

Мужчина пробормотал что-то о тормозах. Он был бледен и испуган. В это время послышался звук сирены и подъехала полицейская машина с радиопередатчиком. Из нее выскочил высоченный краснолицый полицейский и, растолкав всех, подошел к нам. Он узнал Питера.

– В чем дело, мистер Теннет?

– Я попал в переплет, – ответил Питер. – Дорожных неприятностей мне только и не хватало. Если у этого джентльмена нет претензий ко мне, то и я не имею никаких притязаний к нему. В таком случае я хотел бы считать инцидент исчерпанным.

Полицейский холодно посмотрел на пожилого человека.

– Если мистер Теннет готов оставить дело без последствий, то и я со своей стороны не имею ничего против. Вас это устраивает?

– Да-да, устраивает, – поспешно подтвердил пожилой мужчина.

Питер посмотрел на часы.

– Вы присмотрите за моей машиной? – спросил он полицейского. – Я

опаздываю на киностудию.

Полицейский кивнул.

– Конечно, мистер Теннет. Я сообщу в гараж киностудии.

Питер поблагодарил полисмена и обратился ко мне:

– Ты можешь подбросить меня на киностудию или тебе это не по пути?

– С удовольствием, – сказал я, проталкиваясь через толпу. – Ты себя чувствуешь нормально?

Питер засмеялся.

– Я-то да, а вот старику не повезло. Надеюсь, что они позаботятся о нем.

Проходя к своей машине мимо группки девушек, среди которых я заметил блондинку с велосипедом, я услышал голос:

– Это Питер Теннет, режиссер.

Я с усмешкой посмотрел на своего спутника, но он ничего не услышал, шел с видом делового человека, который спешит. По дороге на киностудию Питер спросил:

– Куда это ты пропал, Клив? Я так давно не видел тебя.

– Вертелся как белка в колесе. А как твои дела? Как идут съемки?

– Первые недели всегда самые тяжелые. Сейчас все налаживается, но говорить, какой получится фильм, преждевременно. Может произойти все что угодно. – Режиссер помахал рукой кинозвезде Карине Марлен, которая проехала мимо на своем кремовом двухместном автомобиле. – Я собирался позвонить тебе, Клив, и поздравить с тем, что ты работаешь с Р.Г.

Я мельком взглянул на Питера.

– Он сказал тебе?

– Голд вскользь заметил, что заказал тебе сценарий на тему, которую предложила Кэрол, но о подробностях умолчал. Что вы задумали?

– Сатиру на мужчин. Ничего не могу больше сказать тебе, потому что замысел только витает в воздухе.

– Обычно Р.Г. очень откровенен со мной и рассказывает о всех своих планах, но на этот раз он что-то скрывает.

Я остановил машину перед воротами киностудии. Швейцар открыл ворота и, приподняв фуражку, поздоровался с Питером.

– Надеюсь, что я не слишком далеко завез тебя? – спросил молодой режиссер, когда мы въехали на обсаженную пальмами дорожку, ведущую к киностудии.

– Если не возражаешь, мы расстанемся здесь, – сказал я. – У меня много работы... – Я замолчал. Рядом с машиной стояла Кэрол. – Привет,

прекрасная незнакомка! – Я снял шляпу и улыбнулся даме. На ней были темно-коричневая блузка и ярко-красные брюки, ансамбль дополнялся ярко-красным тюрбаном. В этом наряде мисс Рай была шикарной и живописной.

– Здравствуй, Клив. – Ее широко открытые глаза были серьезны. – Ты приехал повидаться со мной?

– Давно пора, не так ли? – Я открыл дверцу машины и вылез. – Ты ведь извещена, что я звонил тебе по два раза в день?

– Оставляю вас наедине, – сказал Питер. – Спасибо, Клив, что выручил меня. – Теннет помахал рукой и исчез в огромном, из стекла и бетона, здании, где помещалась дирекция киностудии.

Внезапно Кэрол пожала мне руку.

– Очень жаль, Клив, что мы долго не виделись и что я не отвечала на твои звонки, – сказала она. – Я сердилась на тебя.

– Знаю, – ответил я, думая о том, что она очаровательна. – Я заслужил это. Давай поедem куда-нибудь и поговорим. Я скучал по тебе.

– Я тоже, – призналась Кэрол. Она взяла меня под руку. – Пойдем ко мне в кабинет. Там нам никто не помешает.

У двери киностудии к нам подбежал какой-то мальчик.

– Мисс Рай, – задыхаясь проговорил он, – мистер Хайамс требует, чтобы вы немедленно пришли к нему.

– О, Клив, как жаль! Впрочем, пойдem со мной. Я хочу свести тебя с мистером Ингремом и представлю Хайамсу.

– Я лучше поеду, Кэрол. Ты ведь занята, не так ли?

Она потянула меня за рукав.

– Пора тебе быть поближе к великим мира сего. Джерри Хайамс – человек весьма влиятельный. Он заведует всей продукцией нашей фирмы, и ты должен познакомиться с ним.

Я позволил Кэрол увести себя. Мы прошли бесчисленное множество широких коридоров и остановились перед полированной дверью из красного дерева, на которой четкими буквами было написано: «Джерри Хайамс». Кэрол без стука вошла в кабинет. Там находились двое. В кресле сидел Питер. На коленях у него лежала пухлая кожаная папка. А у окна стоял толстяк. Его белый с желтыми полосками свитер был обсыпан пеплом сигары, которую мужчина не выпускал изо рта даже во время разговора. Я отметил, что глаза у Хайамса были серые, насмешливо прищуренные, умные и пронцательные. И волосы цвета соломы дополняли весьма колоритный вид хозяина кабинета.

– Джерри, это Клив Фарстон, автор романа «Ангелы в трауре» и пьесы

«Остановка во время дождя», – представила меня Кэрол.

Хайамс внимательно посмотрел на меня, и его взгляд был таким острым, что мне показалось, что он, словно скальпелем, пронзил мой мозг. Джерри вытащил руки из карманов брюк и подошел ко мне и Кэрол.

– Я знаю о вас, – сказал он и пожал мне руку. – Р.Г. признался, что вы пишете для него сценарий.

Голд, видимо, задался целью рекламировать меня. Я даже не мог сообразить, как на это реагировать: радоваться или огорчаться?

– Присаживайтесь. Сигарету? – предложил Хайамс. – О чем этот сценарий? Р.Г. держит его в тайне.

– Она расскажет вам, – ответил я, взглянув на Кэрол. – Ведь это ее идея.

– Да? – Лицо Хайамса просветлело. – Правда, Кэрол?

– Да, я предложила, чтобы Клив написал киносатиру на мужчин под названием «Ангелы в трауре».

Хайамс бросил на меня взгляд, полный заинтересованности.

– И вы его пишете? – последовал вопрос хозяина.

Я кивнул.

– Неплохо. – Джерри смотрел на Питера, предоставляя и ему слово в этом разговоре. – Хорошая идея, бесспорно, и, если Кливу удастся написать такой же удачный сценарий, как «Небеса могут подождать», это будет то, что надо, – сказал Питер, положив папку на стол.

– Тогда почему же Р. Г. так таинствен? – осведомился Хайамс.

Кэрол рассмеялась.

– А может, у него есть предчувствие, что сценарий будет великолепным, и он хочет сделать тебе сюрприз?

Хайамс почесал подбородок.

– Возможно. Послушайте, дружище, – Джерри ткнул в меня пальцем, – я хочу, чтобы вы правильно поняли меня. Ваше творение будем ставить Питер и я... а не Голд. Прежде чем вы сдадите его Голду, я хотел бы посмотреть, что у вас вышло. Я с дорогой душой помогу вам. Я знаю, что мы можем поставить и что не в наших силах. Голду это неизвестно. И если ваш сценарий ему не понравится, он зарубит его. Покажите работу сначала мне, и я подготовлю соответствующим образом Голда. Ваша идея представляет интерес. Не испортите ее и не слушайте советов Р.Г. Договорились?

Я ответил, почти не раздумывая, так как все сказанное Хайамсом мне импонировало:

– Да, согласен и не возражаю.

Я чувствовал, что могу доверять ему. Он был откровенен со мной, и, если он обещал помочь, он сделает это совершенно бескорыстно. Кто-то постучал в дверь, и, когда Хайамс разрешил войти, я увидел скромно остановившегося возле двери худенького маленького человечка в поношенном костюме.

– Я опоздал? – с тревогой спросил вошедший у Хайамса.

– Нет-нет... Входите, – сказал Хайамс, приблизившись к нему. – Вам, кажется, незнаком один из моих гостей, хотя, видно, вы догадываетесь, кто это. Вы абсолютно правы. Это Клив Фарстон. Фарстон, познакомьтесь с мистером Френком Ингремом.

Я не мог поверить, что этот ничем не примечательный человек – автор книги «Земля бесплодна», за право экранизировать которую боролись самые крупные кинофирмы и которую Голд, по слухам, в конце концов приобрел за 250 тысяч долларов.

Я встал и протянул знаменитости руку.

– Рад познакомиться с вами, мистер Ингрем, – сказал я, с интересом разглядывая его бледное, подвижное лицо.

У него были большие, навывкате, голубые глаза, высокий лоб и редкие, мышинового цвета волосы. Он испытующе посмотрел на меня, нервно улыбнулся и снова повернулся к Хайамсу.

– Я уверен, что мистер Голд ошибается, – тревожно начал Ингрем. И когда продолжил, чувствовалось, что говорит о том, что его больше всего беспокоит: – Я все утро думал об этом: Элен не может любить Ленсинга. Это нелепо. Она не в состоянии полюбить такого сложного человека, как он. Счастливый конец совершенно нереален.

Хайамс покачал головой.

– Не волнуйтесь, – ласково сказал он Френку. – Я переговорю с Р.Г... – И, посмотрев на Кэрол, спросил: – У тебя, кажется, были какие-то соображения на этот счет, да?

Ингрем подскочил к мисс Рай.

– Я думаю, что вы согласны со мной, – сказал он утвердительно. – До сих пор мы всегда понимали друг друга. Счастливый конец невозможен, не правда ли?

– Конечно, – мягко промолвила Кэрол. – Тема очень интересная, может быть, нам еще удастся изменить финал. Как ты думаешь, Питер?

– Попытаемся. Но ты же знаешь, что Р.Г. устраивает благополучная развязка фильма. – Питер казался расстроенным.

Я почувствовал себя лишним.

– Мне пора ехать...

Ингрем тут же повернулся ко мне.

– Очень жаль, – сказал он. – У меня так мало опыта в кино, и меня это очень тревожит. Может быть, вы уходите из-за меня? Подождите, возможно, вы поможете нам. Понимаете...

У меня и своих дел было по горло. Я не намерен был наживать себе головную боль из-за Ингрема, поэтому я прервал его, не узнав того, что он хотел мне объяснить.

– Я только напрасно потеряю время, – заявил я, состроив любезную улыбку. – Я разбираюсь в этом еще меньше, чем вы. Кроме всего прочего, у меня много дел. – Я повернулся к Кэрол: – Когда мы увидимся?

– Ты действительно должен уехать? – разочарованно спросила она.

– Да. Вам надо решать свои вопросы, а я должен заниматься не менее важными, но своими делами, – сказал я. – Давай договоримся, когда встретимся.

Трое мужчин наблюдали за нами. Я чувствовал, что Кэрол хочет, чтобы я остался, но я был сыт по горло этим обществом, где все внимание было обращено на Ингрема, а мною никто не интересовался.

– Сегодня четверг. – Она нахмурилась и посмотрела на висящий на стене календарь. – Может быть, завтра? Ты можешь приехать ко мне завтра вечером? Сегодня я уже не освобожусь.

– Хорошо. Я завтра приеду. – Я кивнул Хайамсу, пожал руку Ингрему и помахал Питеру. – Не тревожьтесь, – подбодрил я напоследок Ингрема, – ваш сценарий находится в надежных руках.

Я старался, чтобы мой голос при этом не прозвучал покровительственно, но это мне не удалось. Может быть, здесь был виноват потрепанный костюм Ингрема. Из-за нереспектабельного внешнего вида Френка я чувствовал себя рядом с ним важной персоной. Я покинул кабинет Джерри вместе с Кэрол.

– Он такой честный и откровенный, – имея в виду Френка Ингрема, сказала мисс, когда я сел за руль. – Мне очень жаль его, Клив.

Я с изумлением посмотрел на ее грустное лицо.

– Тебе жаль Ингрема? Тебе – его? Да он же получит от Голда четверть миллиона!

Кэрол безнадежно махнула рукой.

– Р.Г. говорит, что у Френка нет идей, но это не так. У него великолепные идеи, идеи огромного значения, только Р.Г. они непонятны. Если бы мы дали Ингрему свободу действий, он создал бы замечательный фильм, пусть один, но такой, который был бы значительно лучше фильмов, поставленных Питером и Джерри. Но Голд не дает ему работать

самостоятельно, постоянно вмешивается во все начинания Френка.

– Странный человечек этот маленький Ингрэм, правда?

– Я люблю его. Он человек прямой, а эта экранизация имеет для него большое значение.

– Еще бы, ему надо подработать, чтобы приодеться, – холодно заметил я. – Ты видела, какой у него потрепанный костюм?

– Одежда не главное в человеке, Клив, – отпарировала на мой выпад Кэрол и покраснела.

– Пусть будет по-твоему. – Я наклонился и нажал на кнопку стартера. – Не переутомляйся, дорогая, не засиживайся на работе, а завтра в восемь я буду у тебя.

– Клив, – не давая мне уехать, Кэрол встала на подножку, – какой у тебя договор с Голдом?

– Он хочет, чтобы я написал сценарий, – спокойно ответил я. – Завтра я расскажу тебе подробнее.

– Сценарий об этой женщине?

– О какой женщине? – Я заерзал на сиденье.

– Когда я подала эту идею, я сразу поняла, что допустила ошибку, – быстро проговорила Кэрол. – Тебе нужен повод, чтобы видеться с ней, да? Клив, я прекрасно знаю тебя. Ты только делаешь вид, что хочешь написать о ней, но дело не в этом. Все гораздо сложнее. Будь осторожен. Я не могу помешать тебе, остановить тебя, но прошу тебя: будь осторожен.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь... – начал я, но Кэрол жестом остановила меня.

– Не надо, Клив, – сказала она и, рванувшись вперед, вбежала в дверь киностудии.

Я медленно поехал вперед. Когда я вернулся домой и поставил машину в гараж, стрелки часов на приборной доске показывали 3.30. Я подумал о Кэрол и решил, что причин для тревоги у нее нет. Но вместе с тем я прекрасно знал, что затеял очень опасную игру. Кэрол была нужна мне. Если бы она меньше перегружала себя работой и смогла бы уделять мне побольше времени, меня не прельстила бы ни одна женщина на свете. Но Кэрол была вечно занята, а я, наоборот, умудрялся иметь слишком много свободного времени, которое полагалось чем-то занять. «Может быть, лучше забыть Еву?» – подумал я. Но понимал, что обманываю себя, что, если даже попытаюсь сделать это, не смогу. Для меня одинаково мучительным являлось отказаться от Евы и искать с ней близости, добиваться ее любви. С собой бороться я был не в силах. Никакие разумные, трезвые мысли не могли заглушить желания овладеть

пренебрегшей мной проституткой. Я не хотел ее забывать. И в этом был весь ужас моего положения.

Бросив на стул шляпу, я вошел в библиотеку. На столе лежало письмо. Вот он, долгожданный контракт с Голдом! Я внимательно прочитал его. Мне показалось подозрительным, что Голд просил держать наши переговоры в тайне. Придавать большого значения этому условию я не стал: на это у него были свои собственные соображения. Главное, черным по белому было написано, что Голд заплатит мне пятьдесят тысяч за киносценарий под названием «Ангелы в трауре» согласно устной договоренности и при условии, если сценарий ему понравится. Я тут же написал записку Мерль Венсингер, подготовив для немедленной отправки. Потом принялся за статью для журнала. Тема «Женщины Голливуда» казалась мне легкой. Но у меня не было навыка в написании статей, и, когда я стал обдумывать ее, у меня появилось множество всяческих сомнений. Закурив сигарету, я глубоко задумался. Я не мог работать: не давали покоя мысли о личном. Я думал о Кэрол. Меня пугало, что она видит меня насквозь. Я знал, что, если не проявлю осторожности, именно так оно и будет: я потеряю ее. Но на этих соображениях я долго не задержался. Весь я снова был занят Евой. Куда мне пойти с ней в субботу? Как она будет держать себя? Что она наденет? Почему она боится появляться со мной на людях? Ведь скорее мне следовало опасаться этого, чем ей. Я взял газету и посмотрел, какие идут в театрах спектакли. После некоторого колебания я выбрал пьесу «Моя сестра Эйлин». На настольных часах было пять часов пятнадцать минут. Я поспешно бросил газету и вставил в машинку лист бумаги. Напечатав заголовок «„Женщины Голливуда“, автор Клив Фарстон», я уставился на клавиши машинки, не имея ни малейшего представления о том, как начать статью. Я хотел, чтобы она была содержательной и остроумной, но голова моя была пуста. Как оденется Ева? Не будет ли она одета так крикливо, что всем сразу станет ясно, кто она такая? Не хватает только, чтобы мы с Евой наткнулись на Кэрол. Я знал, что очень рискую. Я никогда еще не видел, как одевается Ева, и не представлял, есть ли у нее вкус. Я решил выбрать какой-нибудь маленький ресторан на окраине, где меня не знали и который мои знакомые не посещали. Там мне, возможно, удастся избежать нежелательных встреч. Я закурил сигарету и попытался сконцентрировать свои мысли на статье. На часах было уже шесть часов, а я еще не составил ни единой строчки. Меня охватила паника. Пододвинув к себе машинку, я начал печатать, надеясь, что фразы будут складываться сами собой. Я печатал до семи часов, потом собрал готовые листки и, даже не подумав прочитать, сколот

их скрепкой. Вошел Рассел и сказал, что ванна готова. Он одобрительно посмотрел на отпечатанные страницы.

– Все в порядке, сэр? – радостно спросил слуга.

– Да, – сказал я, подходя к двери. – Когда я вернусь, проверю их, и рано утром ты отвезешь их мисс Венсингер.

От Вильбургов я вернулся в час пятнадцать ночи. Вечер удался на славу, и голова была тяжелой от великолепного шампанского, которое я пил весь вечер. Я забыл, что должен проверить статью, и лег спать. На следующее утро ровно в девять часов Рассел разбудил меня.

– Извините, сэр, – сказал он. – Вы говорили, что я должен отнести статью мисс Венсингер.

Голова и после сна оставалась свинцовой.

– Черт возьми, – воскликнул я, вспоминая незаконченную работу, – я забыл просмотреть ее. Сейчас я быстренько сделаю это, принеси ее, Рассел.

Когда он вернулся, я уже выпил одну чашку кофе. Слуга дал мне статью и сказал:

– Я пойду почищу ваши ботинки, сэр, и вернусь.

Я махнул рукой и принялся читать статью. Через три минуты я выскочил из кровати и бегом бросился в кабинет. Я понял, что не смогу послать Мерль эту белиберду. Статья была ниже всякой критики. Написанное поразило бездарностью, я с трудом верил своим глазам, удивляясь, что это моя работа. Я снова принялся стучать на машинке. Голова ужасно болела, и я не мог составить двух связных предложений. Через полчаса бесплодных усилий меня охватила дикая ярость. В четвертый раз я выхватил бумагу из машинки и сердито бросил на пол. Рассел просунул голову в дверь.

– Уже одиннадцатый час, сэр, – робко напомнил он мне.

Я набросился на слугу, излив на него всю свою озлобленность.

– Убирайся! – заорал я. – Убирайся и не смей приставать ко мне!

Он попятился из комнаты, широко раскрыв глаза от удивления. Я заставил себя снова корпеть над машинкой. Прошел еще один час, моя голова продолжала раскалываться от боли, а ярость не проходила. Вокруг валялись скомканные листы бумаги. Я никак не мог начать статью. Один вариант был хуже другого. Паника, злость и разочарование терзали меня с такой силой, что я готов был схватить пишущую машинку и разбить ее об пол. Зазвонил телефон. Я рванул трубку, находясь прямо-таки в бешенстве, готовый любого и каждого послать ко всем чертям.

– В чем дело? – выпалил я.

– Я жду статью... – послышался голос Мерль.

– Можешь ждать сколько тебе заблагорассудится, – крикнул я, выливая с этими словами всю накопившуюся во мне ярость и горечь на свою поверенную. – Кто я, по-твоему?! Неужели ты считаешь, что мне нечего больше делать, как писать эту проклятую статью? Черт с ними со всеми! Если им так нужна эта статья, пусть сами ее и пишут, – закончил я с раздражением и бросил трубку на рычаг.

Глава 9

В тот вечер я не поехал к Кэрол. Я не хотел видеть ее. У меня опустились руки после того, как я нагрубил Мерль. Немного успокоившись, я понял, что вел себя как сумасшедший. Мерль была самым крупным специалистом по вопросам авторского права в Голливуде. Писатели и кинозвезды боролись за то, чтобы она вела их дела. Ее интересовали только доходы, выражавшиеся в пятизначных цифрах, и это было хорошо всем известно. Достаточно было упомянуть, что ваши дела будет вести мисс Венсингер, как отношение к вам разительно менялось. После моего грубого разговора она может отказаться от меня. А сейчас она, как никогда, была нужна мне. Она дает мне работу, хоть какой-никакой, но заработок. Как только я понял, что вел себя как последний идиот, как только осознал, какую кашу я заварил, я тут же позвонил мисс Венсингер. Ее секретарша сказала, что Мерль нет дома и неизвестно, когда она вернется. Сообщено это было безразличным тоном, что показалось мне плохим признаком. Поэтому я тут же написал Мерль записку, прося извинить меня за грубость и объясняя свое отвратительное настроение головной болью после похмелья. Я писал, что надеюсь быть понятым и прощенным. Я так унижался в своих излияниях на бумаге, что чуть не дошел до слов о том, что готов целовать ноги мисс в знак нашего примирения. Письмо было немедленно отправлено специальным посыльным. После завтрака я все еще чувствовал себя выбитым из колеи. Мысль о том, что я потерял три тысячи долларов, была горька, как полынь, но больше всего меня угнетало то, что я не в состоянии сесть и написать самую простую статью. Из-за этого стоило расстраиваться: я чувствовал, что никогда не стану хорошим писателем. Эта мысль давно уже стала посещать меня, а теперь, после неудачи со статьей, занозой засела в моей голове. Так или иначе, но у меня не было ни малейшего желания встречаться вечером с Кэрол. Я знал, что она снова начнет расспрашивать о Еве. Нервы мои были натянуты, и я мог сорваться. Я позвонил мисс Рай и сказал, что должен срочно выехать в Лос-Анджелес по очень важному делу. Она предложила встретиться в субботу, на что я снова ответил отговорками, ссылаясь на большую занятость. В голосе Кэрол я услышал обиду и разочарование, но я твердо решил посвятить субботу и воскресенье Еве, и ничто на свете не заставило бы меня изменить эти планы. И все же мне было не по себе оттого, что Кэрол пыталась уговорить меня. Потом я

написал Еве, что заеду за ней завтра в 6.30 и мы поедem в театр и вместе проведем уик-энд, чтобы лучше узнать друг друга. Я вложил в конверт сто долларов ей на расходы. Для меня было внове платить женщине за ее согласие провести со мной время. Это задевало меня и злило. Я сравнивал себя с Херви Бероу и тут же успокаивал самолюбие тем, что Ева и без денег не отказалась бы поехать со мной.

На следующее утро, пока Рассел приготавливал завтрак, я удобно устроился в широком кресле возле окна и отдыхал, просматривая заголовки газет.

– Рассел! – обратился я к слуге, когда он принес кофе и яйца. – Меня не будет в субботу и воскресенье. Съезди во Фри-Пойнт и упакуй мои вещи. Я уезжаю оттуда. Встреться с агентом по сдаче домов внаем и уладь с ним необходимые формальности.

Слуга пододвинул мне стул, и я сел завтракать.

– Жаль, что вы уезжаете оттуда, мистер Клив, – сказал Рассел, расстилая на моих коленях белоснежную салфетку, – а я думал, что вам нравится жить там.

– Ты прав, но я должен уменьшить расходы, а Фри-Пойнт очень дорого обходится мне.

– Понимаю, сэр. А я и не знал, что у вас финансовые затруднения. Очень сожалею, сэр.

– Дела идут не так уж плохо, – объяснил я, боясь, что напугал слугу своим заявлением. – Но надо смотреть правде в глаза, Рассел. За свою пьесу я получаю теперь только двести долларов в неделю. На прошлой неделе я не имел за нее ни гроша. Гонорар от продажи книг будет выплачен только в конце сентября, и он будет невелик. Поэтому надо на время уменьшить расходы.

Рассел немного встревожился.

– Но вы же напишете скоро что-нибудь новое. Да, сэр?

– Я сейчас работаю над одной темой, – сказал я, взяв у слуги протянутую мне чашку с кофе. – Как только я ее окончу, мы снова будем на высоте.

– Рад это слышать, сэр, – ответил он. – Это будет пьеса?

– Нет, киносценарий для мистера Голда.

– Понятно, сэр. – Лицо слуги помрачнело.

Я дал понять Расселу, что наш разговор окончен, и вернулся к завтраку. У меня не было настроения и желания принимать критику в свой адрес, тем более что, если бы я поощрил Рассела в этом отношении, он высказал бы все, что думает обо мне. Немного поколебавшись, слуга ушел. Я видел,

что он не верит, что фильм по моему сценарию появится на экранах кинотеатров. Это раздражало меня, потому что я и сам не верил в собственные силы.

Остаток утра я потратил на то, что пытался на бумаге набросать словесный портрет Евы, но мне это не удавалось. Очевидно, я еще слишком мало знал ее. Но эта неудача не охладила моего пыла. Я сложил исписанные листки бумаги в папку, на которой было начертано: «Ева». Как-никак, а дело начато. А вскоре у меня появится свежий материал о Еве. Вспомнилась некстати моя утренняя выходка с поверенной в делах, и я снова позвонил ей в контору. Секретарша ответила, что мисс уехала на уик-энд. Я попытался назначить встречу на понедельник, но мне было сказано, что всю неделю Мерль будет занята. Ничего не оставалось другого, как заявить, что я позвоню мисс Венсингер снова. В шесть, когда я выходил из комнаты, чтобы поехать за Евой, позвонила Кэрол.

– О, Клив, я ужасно боялась, что тебя нет дома, – сказала она дрожащим от волнения голосом.

– Если бы ты позвонила двумя минутами позже, ты бы действительно не застала меня, – ответил я, думая о том, как выкрутиться.

– Ты должен приехать, Клив.

Не отрывая глаз от стрелок часов, я заметил, что это невозможно.

– Но я разговаривала с Джерри о твоей пьесе, – торопливо проговорила Кэрол, – и он считает, что она может быть предложена Бернштейну. Сегодня они оба будут у меня, и, возможно, если бы ты тоже приехал, Бернштейн заинтересовался бы таким сюжетом. Джерри уверен, что это как раз то, что нужно экранизировать. Я сказала им, что ты непременно явишься на встречу.

Неужели Кэрол почувствовала, что я хочу встретиться с Евой, и нашла выход, чтобы помешать этому? Но если Бернштейн действительно интересуется моей пьесой, я круглый дурак, что упускаю такую возможность. Бернштейн по значимости стоял на втором месте после Джерри Хайамса. У него была прекрасная репутация в постановке динамичных и реалистичных фильмов.

– Послушай, Кэрол, – заговорил я, стараясь, чтобы мой голос звучал убедительно, – я очень устал сегодня. Нельзя ли это свидание перенести на понедельник?

– К концу недели Бернштейн должен сделать окончательный выбор, так как Голд проявляет нетерпение, – ответила Кэрол. – У него уже есть на рассмотрении две пьесы, но мы втроем запросто уговорим его, и он выберет «Остановку после дождя». Твоя пьеса – самый подходящий

материал для картины, – убеждала меня Кэрол. – Выскажет свое мнение Джерри, а ты вкратце расскажешь содержание пьесы. Я уверена, что Бернштейн возьмется за экранизацию ее. Будь же благоразумен, Клив, это так важно!

Не важнее, чем Ева! Если я позвоню ей в самую последнюю минуту и сообщу, что встреча отменяется, мне, возможно, уже никогда не представится случая куда-либо пойти с ней.

– Я не могу, – сказал я, не пытаюсь даже скрыть своего раздражения. – Я повторяю тебе это снова, не так ли? Я должен уехать из города по важному делу.

Наступило долгое молчание. Я понимал, что терпение Кэрол тоже не безгранично.

– Что же это за важное дело, Клив? – резко спросила она. – Может, ты не хочешь, чтобы по твоей пьесе поставили фильм?

– Почему же, дорогая? Разве ты забыла, что именно над этим я сейчас работаю? – напомнил я. – Разве я не пишу сценарий для Голда?

Можно ли считать, что я пишу сценарий для Голда? Примет ли он его? Увы, это было известно только Богу.

– Будь разумен, Клив. Что они подумают, если ты не приедешь?

– Это меня не касается, – выпалил я. – Я же не договаривался о встрече. Ты ведь знала, что я занят, не так ли?

– Да, знала, но думала, что работа для тебя на первом месте. Хорошо, Клив, желаю весело провести время. – И Кэрол повесила трубку.

Таким образом, я уже испортил отношения с двумя женщинами. Я в сердцах налил стакан виски, залпом проглотил его, схватил шляпу и бросился к машине.

Когда я повернул на Лаурел-Каньон-Драйв, виски подействовало на меня, и я почувствовал себя прекрасно. Я остановился у Евиного дома и посигналил. Затем, закурив сигарету, стал ждать. Через минуту и пятнадцать секунд, ровно в 6 часов 30 минут, показалась Ева. Когда я увидел ее, я выскочил из машины и молниеносным движением открыл перед ней дверцу. Мисс Марлоу была одета в синее пальто, синюю юбку и белую шелковую блузку, головной убор отсутствовал, под мышкой Ева держала большую сумку со своими инициалами из металла цвета платины. Казалось, что наряд у нее был самым обычным, но, если бы вы видели покрой ее одежды, вы уставились бы на нее так же, как уставился я. Строгость одежды, плотно облегающей ее стройную фигуру, делала Еву такой привлекательной, что я подумал, что давным-давно уже не встречал женщины, одетой с таким большим вкусом. Затем я увидел ее ноги. В

Голливуде красивые ноги – дело обычное. Плохие ноги там – явление такое же редкое, как натуральные платиновые блондинки. Но у Евы были потрясающие ноги. Они были не только изящной формы, но стройны и красивы как-то по-особенному. Со смешанным чувством удовольствия и удивления я понял, что моя спутница – женщина шикарная и одетая безупречно. Она уже не выглядела простенькой. Она была умело и в меру загримирована... Глаза ее ярко блеснули.

– Привет! – сказал я, взяв ее за руку. – Вы всегда так пунктуальны?

Она выдернула руку и спросила:

– Как я выгляжу?

Я открыл дверцу машины, но Ева стояла неподвижно и, нахмурившись, смотрела на меня, нервно покусывая нижнюю губу.

– Вы просто великолепны! – улыбаясь, сказал я. – Вы шикарны, как картинка из журнала мод. Этот костюм может свалить любого с ног.

– Не лгите! – резко сказала она, но нахмуренное выражение с лица исчезло. – Вы болтаете всякий вздор!

– Нет, я не шучу. Чего же вы ждете? Садитесь в машину. Если бы я знал, что вы будете так потрясающе выглядеть, я бы уже вчера прикатил сюда.

Ева села в машину. При этом юбка, прежде скрывавшая колени, подтянулась, открыв ноги выше колен. От них я никак не мог оторвать взгляда.

– Говорил ли вам кто-нибудь, что у вас великолепные ноги? – спросил я и, улыбаясь, наклонился к ней, продолжая как замороженный смотреть на ее ноги.

Ева поспешно одернула юбку.

– Ведите себя прилично, Клив, – сказала женщина и захихикала.

– Трудно вести себя прилично, когда вы так здорово выглядите.

– Вы уверены, что я хорошо выгляжу? – Она открыла сумочку и посмотрелась в маленькое зеркальце.

– Уверен, – сказал я, предлагая ей сигарету. – В таком виде вы могли бы пойти куда угодно и с кем угодно.

Она с издевкой посмотрела на меня.

– Бьюсь об заклад, вы ожидали, что я буду выглядеть как потаскушка, так ведь?

Я чувствовал, что она испытывает истинное удовольствие оттого, что ее вид удивил меня. Я засмеялся:

– Не стану отпираться. – И дал ей прикурить.

– Знаете, что я вам скажу? – Ева выпустила из ноздрей струйку дыма. –

Я нервничаю до озноба.

Я, кажется, тоже испытывал нечто похожее на нервозность. Вернее, на меня напала робость. Прежде со мной никогда ничего подобного не было. То, что я способен робеть перед кем-то, поразило меня до глубины души.

– Я этому не верю. Разве есть причины для беспокойства?

– Не все можно объяснить. Я нервничаю, и все. Куда мы едем?

– Вначале в Манхэттен-Грил, а потом в театр на спектакль «Моя сестра Эйлин». Хорошо?

Ева стряхнула пепел с сигареты.

– Надеюсь, вы заказали столик у стены?

– Почему? – удивленно спросил я. – Почему вы хотите сидеть у стены?

– Я люблю рассматривать людей, которые входят в зал, – ответила Ева, не глядя на меня. – И еще я должна быть очень осторожной, Клив: у моего мужа всюду друзья.

Наконец-то я начал кое-что понимать. Так вот почему мы не можем пойти в «Браун-Дерби» и другие первоклассные рестораны.

– Это может не понравиться вашему мужу?

Она кивнула.

– Если бы я сама сказала ему об этом, все было бы в порядке. Я не хочу, чтобы он узнавал что-либо обо мне не от меня.

– Вы утверждаете, что ваш муж не возражал бы против наших встреч, если бы узнал обо мне от вас?

Женщина снова утвердительно кивнула.

– А почему? На месте вашего мужа я бы устроил вам сцену.

Ева ответила сдержанно, но серьезно:

– Он доверяет мне.

Такое заявление в устах данной женщины звучало довольно-таки странно.

«Я бы на его месте не был так доверчив», – про себя подумал я, а вслух произнес:

– Понятно. Как же вы намерены представить меня своему мужу, если вы сами не знаете, кто я такой?

Она искоса посмотрела на меня.

– Я ждала, что вы расскажете мне о себе.

– А остальные друзья рассказывают вам, кто они? – уклончиво спросил я.

– Я никуда не хожу с мужчинами. Понимаете, я должна быть очень осторожной.

– Полагаю, что вы действительно должны быть осторожной, затевая

такую игру с ничего не подозревающим мужем. Но где же он? Ради Бога, ответьте, чем он занимается?

Ева немного поколебалась.

– Он инженер. Я вижу его один раз в несколько месяцев. Сейчас он в Бразилии.

– А вдруг он сядет в самолет и прилетит домой сегодня вечером? – шутливо спросил я, хотя где-то в глубине сознания у меня промелькнула мысль, что я окажусь в глупейшем положении, если такое произойдет.

Ева покачала головой.

– Не волнуйтесь, муж не появится. Он мне всегда сообщает, когда должен возвратиться.

– А что, если он захочет сделать вам сюрприз? Вы не боитесь рисковать.

– Уж не думаете ли вы, что я живу там, куда вы заезжали за мной? В доме по этому адресу я просто занимаюсь делами. Сегодня вечером я было хотела пригласить вас в свой настоящий дом, но потом решила, что лучше этого не делать.

– Значит, у вас два дома? А где же второй?

– В Лос-Анджелесе.

По тону Евы я понял, что не вытяну у нее больше ни одного слова про ее второе местожительство.

– И ваш муж ничего не знает о Лаурел-Каньон-Драйв?

– Конечно, не знает.

– И вы должны быть осторожны?

Она пожала плечами.

– Он убьет меня, если узнает, – заключила моя спутница и внезапно захихикала.

Я включил стартер и нажал на газ.

– У вас весьма странное чувство юмора, Ева!

– Рано или поздно муж узнает обо всем. Мои грехи выдадут меня. И тогда мне останется только одно: искать защиту у вас.

– Перед тем как я соглашусь на это, я хочу знать физические данные вашего мужа, – ответил я, понимая, что Ева дурачит меня.

– Очень сильный. – Женщина устроилась на сиденье так, что ее голова откинулась на подушку. – Он огромный и сильный.

– Вы напугали меня, – усмехнулся я. – Может быть, вы еще скажете, что он бьет вас?

Она украдкой улыбнулась.

– Иногда.

Я мельком посмотрел на Еву.

– Глядя на вас, я никогда бы не подумал этого. Вы не из тех женщин, которые способны выдержать такое отношение.

– Я способна снести от него все, кроме измены.

По ее тону я понял, что Ева не шутит, и почувствовал непреодолимую зависть. Раньше я никогда не считал мужей соперниками.

– Сколько лет вы замужем?

– Давно. – Она повернулась и посмотрела на меня. – И перестаньте задавать мне вопросы.

– Больше не буду, – сказал я и переменял тему, спросив: – Знаете, что бы я сейчас выпил?

– Что?

– Двойную порцию виски с содовой. А вы как? Или вы вообще не пьете?

– Я могу выпить, но немного.

– Сколько?

Ева ответила с тихим смешком:

– Три скотча, и я готова.

– Не верю.

– Мне все равно, верите вы или нет. Я просто отвечаю на ваш вопрос. – Она выбросила окурок в окно.

– Прекрасно. Давайте напьемся, – сказал я и повернул на Вайя-стрит.

Я затормозил у небольшого бара рядом с «Браун-Дерби». Ева выглянула в окно.

– Вы считаете, что здесь неплохо? Я никогда не бывала здесь раньше.

– Здесь вполне прилично, – сказал я и, выйдя из машины, поспешил открыть для своей спутницы дверцу. – Я всегда приезжаю сюда, когда у меня появляется желание выпить «Гарбо». – Когда Ева вылезла из машины, меня снова ошеломили ее ноги. – Не нервничайте. В конце концов, мы еще не сделали ничего плохого... пока.

Мы вошли в полупустой бар. Негр-бармен приветливо мне улыбнулся.

– Садитесь вон туда, и я принесу вам стакан, – предложил я Еве и уточнил: – Шотландское виски?

Она кивнула, пересекла зал, направляясь к стоящему в дальнем углу столу. Я увидел, с каким интересом смотрели на Еву мужчины. Они не отрывали от нее глаз, пока она шла к столику, а один из них, повернув голову, продолжал рассматривать Еву даже тогда, когда она села за столик.

– Два двойных виски, – заказал я бармену.

Он наполнил стаканы и подтолкнул их мне. Стаканы заскользили по

стойке и остановились.

– И сухой имбирный напиток.

Бармен подошел к холодильнику, а я наклонился вперед, повернувшись к Еве спиной, и перелил все виски в один стакан. «Если она пьянеет от трех порций, посмотрим, как подействуют четыре», – подумал я. Негр подал мне имбирный напиток, и я разлил его по стаканам, добавив в Евин самую малость.

– За счастливый уик-энд, – сказал я Еве и отпил немного имбирного напитка. Он был великолепен и без виски.

Моя спутница посмотрела на стакан:

– Что это?

– Виски и сухой имбирный напиток, – сказал я. – А что вы подумали?

– Какая огромная порция виски!

– Посмотрите, что за прелесть этот цвет! Здесь долгое время выдерживают имбирный напиток на солнце, и поэтому он словно пронизан солнечными лучами.

Ева выпила полстакана, поморщилась и поставила стакан на столик.

– Здесь гораздо больше двойной порции виски.

– Что я могу сделать, ведь смешивал напитки не я, а бармен. Пейте, потом выпьем еще по стаканчику и уедем.

– Вы решили спить меня? – резко спросила она.

Я рассмеялся.

– Чепуха! – воскликнул я. – Зачем мне это?

Ева пожалала плечами, выпила остатки и даже не попыталась протестовать, когда я снова направился к бару. Я проделал ту же процедуру, как и в первый раз. Сам я решил пока оставаться трезвым.

Когда мы вышли на улицу, я внимательно наблюдал за своей дамой. Виски совершенно не подействовало на нее. «Тройной виски, и я готова», – говорила она. Может быть, именно такая порция опьяняет ее, а выпитое сверх отрезвляет. Иначе как объяснить, что от восьми доз спиртного Ева была трезвой как стеклышко.

– Как ваше самочувствие? – спросил я, когда мы подъехали к Манхэттен-Грил.

– Прекрасно, – ответила моя спутница, выскользнув из машины. – А почему вы спрашиваете?

– Потому что я хотел услышать ваш голос, – ответил я, входя с ней в зал.

У коктейль-бара стояло много народу, и Ева отпрянула назад. Она внимательно разглядывала лица посетителей, нос ее сморщился,

прорезанный на переносице двумя глубокими морщинами. Я взял даму за локоть и стал осторожно проталкиваться через толпу.

– Все в порядке, не нервничайте!

– Здесь слишком много народу, – прошептала Ева.

Мы пробились через толпу и вошли в ресторан. Когда женщина уселась на диван у стены, лицо ее оживилось.

– Я всегда сажусь так, чтобы мне было видно всех. – Ее глаза оглядывали находившихся в зале. – Очень жаль, но я действительно должна быть осмотрительной.

– Вы не всегда прибегаете к осторожности, – напомнил я. – И только ли со мной и впервые вы приехали сюда? Остальные клиенты не приглашают вас пойти с ними в ресторан?

– Иногда приглашают, – не подумав, ответила Ева. – Вы что же думаете, что я каждый вечер торчу дома одна?

Это была ложь номер два. Первый раз женщина солгала, когда сказала, что пьянеет от тройной порции виски, в то время как ею были выпиты восемь порций и они не возымели ни малейшего действия. Кроме того, она убеждала, что нигде не появляется в обществе своих клиентов, а теперь противоречит себе и говорит, что бывает с ними в ресторанах. Интересно, что из того, что она мне сообщила о себе, правда? Мы заказали обед. Так как Ева уже выпила изрядное количество, а я всего ничего, я решил наверстать упущенное. После пары стаканов неразбавленного виски я решил открыть своей даме, кто я такой. Рано или поздно она все равно узнает об этом, поэтому нет никакого смысла делать из этого тайну.

– Давайте представимся друг другу, – предложил я. – Вам, должно быть, известно мое имя.

Женщина с интересом посмотрела на меня.

– Да? Уж не хотите ли вы сказать, что вы знаменитость?

– Я похож на знаменитого человека?

– Кто вы? – Это была уже не та Ева, которую я знал. В ней появилось что-то человеческое, какое-то любопытство, волнение.

– Мое имя, – сказал я, внимательно наблюдая за ней, – Клив Фарстон.

Она отреагировала совершенно иначе, чем когда-то Херви Бероу. Я сразу понял, что мое имя раскрыло Еве, кто я. Вначале она с недоверием глянула на меня, затем посмотрела мне в лицо более пристально, словно удостоверюсь, тот ли я, за которого себя выдал.

– Так вот почему вам понадобилось знать мое мнение об «Ангелах в трауре»! – воскликнула она. – Понятно! А я сказала, что эта книга мне не понравилась.

– Именно так. Мне нужно было знать правду, и я узнал ее.

– Я ходила на вашу пьесу «Остановка во время дождя». Я была в театре с Джеком, но сидела за колонной и видела только половину постановки.

– С Джеком?

– С мужем.

– А ему пьеса понравилась?

– Да. – Женщина посмотрела на меня и замолчала, а потом сказала: – Пожалуй, и я представлюсь вам... Я Паулина Херст.

– А не Ева?

– Если это имя вам больше по вкусу, зовите меня Евой.

– Хорошо... хотя мне больше нравится имя Паулина. Оно подходит вам. Впрочем, имя Ева тоже подходит.

В глубине души я радовался. Все шло прекрасно: я не ожидал, что за одну встречу так много узнаю о Еве. Не проявляя излишнего любопытства, я переменял тему разговора. Я не хотел, чтобы у Евы-Паулины создалось впечатление, что я сую нос в ее личную жизнь. Обед прошел очень оживленно. Я с интересом выслушивал меткие и остроумные замечания Евы о людях, сидящих поблизости от нашего столика. Особенно хорошо она разбиралась в мужчинах. Достаточно ей было мельком взглянуть на какого-нибудь представителя сильного пола, как она делала весьма интересные предположения о его профессии и характере. У меня, естественно, не было возможности проверить, права ли она в своих умозаключениях, но ее замечания были очень убедительны.

После обеда мы отправились в театр. Пьеса, как я и думал, Еве понравилась. Во время перерывов мы быстро выпивали какой-нибудь коктейль и спешили на свои места. В последний перерыв, когда я и моя спутница, выпив очередную порцию, отошли от бара, я почувствовал, как кто-то тронул меня за рукав и, оглянувшись, увидел Френка Ингрема.

– Как вам понравилась пьеса?

Я готов был задушить его. Он наверняка расскажет Кэрол, что встретил меня.

– Пьеса просто великолепная, – сказал я, здороваясь с Френком, – и прекрасно поставлена.

Он посмотрел на Еву.

– Да, не правда ли?

Затем толпа разделила нас троих, я с трудом добрался до своего места и сел. Ева уже находилась в партере, она вопросительно посмотрела на меня и спросила:

– Твой знакомый?

– Это Ингрэм, который написал пьесу «Земля бесплодна».

– Ничего, что он видел нас вместе?

Я покачал головой:

– А какое ему до этого дело?

Ева стрельнула в меня глазами, но промолчала. Последний акт был для меня испорчен. Я все время думал о том, что скажет на это Кэрол.

Нам повезло, и мы вышли из театра одними из первых. Больше я Ингрэма в этот вечер не встретил. Я и Ева сели в машину и поехали на Вайя-стрит.

– Хотите выпить перед тем, как мы расстанемся?

– Пожалуй.

Мы вошли в тот же самый бар и довольно долго оставались там. Мы много выпили, но Ева была трезвехонька. Я почувствовал, что опьянел, и решил больше не пить. Ведь я же вел машину!

– Теперь по последней, и поехали. Хотите выпить бренди?

– Зачем?

– Чтобы посмотреть, как оно на вас подействует.

Если бы не ее блестящие глаза, можно было бы подумать, что Ева абсолютно трезвая.

– Хорошо, – согласилась она.

Я заказал двойную порцию бренди.

– А себе? – спросила моя собеседница, глядя на меня непонимающе.

– Я за рулем.

Ева залпом выпила бренди, не оставив в стакане ни капельки.

Я решил, что вместе с последним глотком бренди выпиты и заключительные минуты свидания. Я знал, что отвезу Еву домой. Что будет дальше и как будет, я старался не загадывать, считая напрасным трудом: эта женщина поступит так, как ей вздумается.

Мы вышли из бара, сели в машину, и я медленно поехал по Лаурел-Каньон-Драйв. А подъехав к дому, я услышал спокойные слова, прозвучавшие приглашением:

– Можете поставить машину в гараж. Там достаточно места.

В гараже стоял маленький двухместный «Редстер», и я с большим усилием умудрился поставить рядом свой огромный «Паккард». Ева успела открыть дверь дома и ожидала меня в прихожей. Я взял монтировку из багажника машины и поднялся наверх по лестнице вслед за женщиной. Мы вошли в спальню, и Ева тут же зажгла свет.

– Вот мы и пришли, – сказала она, и я почувствовал в ее голосе какую-

то нерешительность. Стояла Ева, не глядя на меня, так повернув голову, что ее подбородок почти касался плеча, правая рука с растопыренными в виде буквы «у» пальцами покоилась на груди, словно женщина защищалась от нападения, левой рукой она придерживала локоть правой. Я бросил монтировку на кровать, взял женщину за плечи и слегка сдавил их. У нее были красивые, хрупкие плечи. Настолько хрупкие, что пальцы мои, охватив их, встретились. Ева не шелохнулась. Несколько секунд мы сохраняли ту близость, которая щемящим воспоминанием останется во мне навсегда. Но такой близости мне было недостаточно.

Я прижал Еву к себе. Она рванулась в сторону, потом медленно отняла руки от груди и обняла меня.

Глава 10

Я проснулся от жары и духоты. Серый рассвет проник в спальню через два окна, расположенные на противоположной стене от кровати, и окутал маленькую комнату мягким, таинственным светом. Какое-то мгновение я не мог припомнить, где я, потом увидел стеклянные фигурки животных на комодике и, повернув голову, посмотрел на лежащую рядом Еву. Она спала, согнув ноги в коленях и закинув руки за голову. Лицо спящей казалось совсем юным. Приподнявшись на локте, я разглядывал ее, удивляясь тому, что, погруженная в сон, Ева казалась такой молодой и похожей на ребенка. Разгладились морщинки на ее лице, смягчилась резкая, упрямая линия подбородка. Сонная, Ева казалась еще более хрупкой. Но я знал, что стоит ей только открыть глаза, как обманчивое впечатление пройдет. Ключом к характеру этой женщины было выражение ее глаз, выдающих беспокойную, мятежную душу и тайные пороки. Даже во сне эта душа не знала покоя и отдыха, терзая плоть женщины, что угадывалось по вздрагиванию тела, движению губ, по слетающим с них стонам, по беспокойным пальцам рук, которые то сжимались, то разжимались. Это был сон человека, истерзанные нервы которого были натянуты до предела. Закинутую над головой Евину руку я осторожно опустил вниз. Ева не проснулась, тяжело вздохнув, потянулась ко мне, охватила меня руками и крепко прижала к себе.

– Милый, – пробормотала она, – не уходи от меня!

Произнесены были слова в сонном забытии и обращены были не ко мне. Я знал это. Возможно, Ева думала, что рядом лежит ее муж или любовник, а мне так хотелось, чтобы она сказала это мне. Ева лежала в моих объятиях, голова ее покоилась на моем плече, но, даже спящая, эта женщина мне всецело не принадлежала. Внезапно тело ее резко дернулось. Она проснулась. Вырвавшись из моих рук, Ева упала на свою подушку.

– Привет! – сказала она. – Сколько времени?

Я посмотрел на свои часы. Было пять тридцать пять утра.

– Господи! – воскликнула она. – Почему тебе не спится?

Я снова почувствовал, как жарко и душно в кровати.

– Сколько здесь одеял? – спросил я и сосчитал. Их было пять, да еще сверху лежало одно ватное стеганое. Вероятно, я вчера вечером был настолько пьян, что не заметил этого. – Зачем тут столько одеял?

Ева ответила, подавляя зевоту:

– Так нужно. Иначе я мерзну.
– Сейчас проверю, – сказал я и начал одно за другим стаскивать одеяла.

Ева не на шутку встревожилась и умоляюще попросила:

– Не надо, Клив... перестань!

– Не волнуйся, – успокоил я, – сейчас ты получишь их обратно.

Я оставил два одеяла, а остальные сложил тут же на кровати.

– Ну как?

Ева свернулась в комочек и вздохнула.

– У меня ужасно болит голова. Я напилась вчера?

– Было отчего напиться.

– Да. – Она блаженно потянулась. – Я так устала. Спи, Клив!

У меня пересохло горло. Как здорово дома звонить Расселу и просить его принести чашечку кофе! По-видимому, здесь на подобный комфорт рассчитывать нечего. Ева посмотрела на меня. Словно угадав мои мысли, спросила:

– Хочешь кофе?

– Великолепная мысль! – вырвалось у меня от радости, что удастся утолить жажду.

– Поставь кастрюльку на огонь. Марти все приготовила, – сказав это, Ева плотнее закуталась в одеяло, не скрывая желания вновь завалиться спать.

Я не мог вспомнить, когда в последний раз сам себе варил кофе: настолько давно это было. Но мне ужасно хотелось выпить чашечку любимого напитка, поэтому я встал и поплелся в другую комнату, единственной мебелью которой служило только кресло. Рядом с комнатой была маленькая кухня. Я поставил кастрюльку на огонь и закурил сигарету.

– А где ванная? – крикнул я.

– Наверху, направо.

Я поднялся по лестнице, увидел три двери и осторожно заглянул в каждую. Одна комната была ванной, две другие пустовали. На полу лежал толстый слой пыли. По-видимому, в эти два помещения никто никогда не заглядывал. Войдя в ванную, я сполоснул лицо и причесал волосы, снова спустился вниз. К этому времени вода в кастрюльке закипела. Я заварил кофе. На столе в гостиной стоял поднос с чашками, сахарницей и кувшинчиком со сливками. Я налил кофе и понес в спальню. Ева сидела на кровати с сигаретой в зубах и встретила меня сонным взглядом.

– У меня, наверное, ужасный вид, – сказала она.

– Немного взъерошенный, но, как ни странно, это идет тебе!

– Зачем ты лжешь, Клив?

– Скоро ты преодолеешь этот комплекс. Ведь ты знаешь, что нравишься мужчинам. А для меня ты хороша в любом виде. Я буду постоянно тобой восхищаться, и ты избавишься от ощущения неполноценности по поводу своей внешности, – сказал я, подавая кофе. – Если кофе придется тебе по вкусу, я буду рад.

Ева села на кровати, взяла протянутую мной чашку и предупредила меня:

– Я выпью кофе и снова лягу спать, ты поэтому не мешай мне своей болтовней.

– Хорошо, – ответил я.

Кофе оказался неплохим, и после него даже сигарета приобрела какой-то вкус. Ева пила кофе, уставившись в окно.

– Надеюсь, ты не влюбился в меня? – неожиданно спросила она.

Я едва не выронил чашку из рук.

– С чего это ты взяла? – ответил я вопросом на вопрос.

Женщина посмотрела на меня, облизала языком губы и отвернулась.

– Если ты влюбился, то я хочу предупредить тебя, что напрасно теряешь время.

Ее голос был жестким, холодным и решительным.

– Почему ты против того, чтобы я влюбился в тебя? – спросил я. – Ты же – пережиток прошлого, и единственная твоя забота – это подцепить кого-то. Допивай свой кофе и ложись спать.

Глаза Евы потемнели от гнева, так прильшись ей не по нутру мои слова.

– Запомни, Клив, я предупредила тебя: в моей жизни есть только один мужчина. И это – Джек.

– Так и должно быть, – равнодушно ответил я и допил свой кофе. – По-видимому, он очень дорог тебе, не так ли?

Она нетерпеливо поставила свою чашку на ночной столик.

– Он для меня – все, – ответила Ева, – поэтому не воображай, что ты когда-нибудь можешь что-то значить для меня.

Я с трудом сдерживал готовое прорваться раздражение, но, видя, что она совершенно не похожа на себя вчерашнюю и злится, я решил все обратить в шутку, так как знал, что иначе мы поссоримся.

– Хорошо, – сказал я и, сбросив халат, скользнул под одеяло. – Я запомню, что главное в твоей жизни – это Джек.

– Да, запомни это крепко-накрепко, – огрызнулась Ева и, повернувшись ко мне спиной, отодвинулась от меня и свернулась клубочком.

Я лежал рядом с той, которая унизила меня, и пытался усмирить кипевший против нее гнев. Больше всего меня злило то, что эта продажная женщина видела меня насквозь. Ева почувствовала, что теперь она что-то значит для меня. И она действительно многое значила для меня, хотя я и не хотел признаваться себе в этом. Она волновала меня, казалась мне непонятной и таинственной, и я ни с кем не хотел ее делить. И вместе с тем я сознавал, что на меня нашло какое-то сумасшествие. Возможно, что, если бы она поощряла мои ухаживания, все было бы иначе, но именно ее намеренное безразличие заставляло меня страстно желать ее. Это было уже не просто сексуальное влечение. Я хотел разрушить стену, воздвигнутую между нами Евой. Я хотел, чтобы она полюбила меня. Я чертовски завидовал ее мужу, хотя меня бесило, что он существует. «Он – все для меня», – она бросила мне в лицо эти слова, несмотря на то, что брала от меня деньги и спала со мной. «Ты понапрасну потеряешь время», – заявила она. Как дьявольски вульгарны ее проклятые слова! Словно я нищий и прошу у нее милостыню. Я повернулся на бок. Ева спала. Но и от нее сонной исходили холодность и враждебность. Я прислушивался к неровному дыханию женщины и наблюдал за непрерывными судорогами ее тела. Постепенно моя ярость прошла и сменилась жалостью к Еве. И думая о том, что я могу сделать для нее, если она только позволит мне это, я заснул.

Я проснулся, когда солнце пронизало своими лучами кремовые занавески. Ева лежала в моих объятиях, положив голову мне на плечо, ее губы касались моего горла. Она спала мирно, и ее тело было безвольным и спокойным. Я обнимал эту порочную женщину, чувствуя себя на вершине блаженства. Я получал удовольствие, чувствуя ее дыхание на своем горле и вдыхая аромат ее волос, ощущая тепло ее маленького и худенького тела. Ева спала так около часа, затем пошевелилась, открыла глаза, подняла голову и посмотрела на меня.

– Здравствуй, – сказала она и улыбнулась.

Я нежно погладил ее лицо пальцами.

– Как чудесно пахнут твои волосы! – сказал я. – Ты выпалась?

Она зевнула и снова положила голову на мое плечо.

– А ты?

– Да... Как твоя голова?

– Не болит. Хочешь есть? Приготовить что-нибудь?

– Я сам приготовлю.

– Нет, ты лежи. – Она вырвалась из объятий и выскользнула из-под одеяла.

В голубой ночной рубашке она казалась тоненькой и юной, как девочка. Ева накинула халат, посмотрелась в зеркало, состроила гримаску и ушла. Я поднялся в ванную, неторопливо побрился, вернулся в спальню. Ева лежала поперек кровати. На столе у кровати стоял поднос со свежим кофе и тарелкой с тонко нарезанными и намазанными маслом кусочками хлеба.

– Ты же не хочешь, чтобы я готовила что-нибудь, правда? – спросила женщина, когда я снял халат и лег рядом с ней.

– Нет, спасибо. Только не говори мне, что ты умеешь готовить, – сказал я, взяв ее за руку.

– Я умею готовить, – возразила Ева. – Ты что же, считаешь меня совершенно беспомощной?

Ее ладонь была худенькой и твердой. Я запросто мог охватить ее запястье большим и указательным пальцами. Я принялся разглядывать три резко обозначенные линии на ее ладони.

– Ты независима, – сказал я. – Это основная черта твоего характера.

Ева согласно кивнула.

Я выпустил ее запястье.

– А что еще? – спросила она, как будто чувствуя, что я о чем-то умолчал.

– Ты – человек настроения, – добавил я.

Она снова кивнула.

– У меня ужасный характер. Я веду себя как безумная, когда злюсь.

– А что может разозлить тебя?

– Все что угодно. – Ева поставила мне тарелку с хлебом на грудь.

– И на Джека ты тоже сердисься?

– Больше, чем на кого бы то ни было. – Она маленькими глотками пила кофе и отрешенным взглядом смотрела в окно.

– Почему?

– Он ревнует меня, а я его, – сообщила Ева и рассмеялась. – Мы деремся. Прошлый раз, когда мы обедали в ресторане, Джек все время смотрел на одну дамочку. На блондинку с глупым лицом. Правда, у нее была отличная фигура. Я сказала, что если он хочет, то может убираться вместе с дамочкой ко всем чертям. Джек обозвал меня дурой и продолжал посматривать на женщину. Тогда я взбесилась. – Глаза Евы загорелись: воспоминание явно доставило ей удовольствие. – Знаешь, что я сделала?

– Нет, не догадываюсь.

– Я вцепилась в скатерть, которой был накрыт наш столик, и сбросила все на пол. – Ева поставила чашку и засмеялась. – Как жалко, Клив, что ты

не видел этого. Заварилась такая каша, все стали кричать... А какое было лицо у Джека, не передать словами. Ну просто умора! Потом я встала из-за стола и ушла, оставив мужа одного. Гнев переполнял меня. Дома, продолжая бесноваться, я разбила в гостиной все, что попало под руку. Это было потрясюще. Я смахнула с камина на пол часы и стеклянные фигурки животных, которые собирал Джек. – Ева показала пальцем на комод. – Уцелели только вот эти. Я привезла их сюда. Пусть муж думает, что разбиты все до единой. На камине стояли еще фотографии. Они тоже полетели на пол. – Ева прикурила сигарету и глубоко затянулась. – Когда Джек вернулся и увидел весь этот разгром, его охватила ярость. Я заперлась в спальне, но муж вышиб дверь. Я думала, что он убьет меня, но он просто запаковал свои вещи и ушел, даже не взглянув на меня.

– И ты с тех самых пор не видела его?

– Он великолепно знает меня. – Ева, постучав пальцем по сигарете, стряхнула пепел в пустую чашку. – Он знает мой бешеный характер. Джек тоже буйный, за это я и люблю его. Я терпеть не могу, когда жизнь становится похожей на стоячее болото, когда нет ни тревог, ни ревности, ни ссор. А ты?

– Я предпочитаю мир и покой.

Она покачала головой.

– Когда Джек бесится... – Женщина всплеснула руками и засмеялась.

Я заметил, что она с удовольствием рассказывает о своем муже. Она даже радуется тому, что у нее есть слушатель. Задав ей несколько наводящих вопросов и заставив ответить на них, я путем сопоставления услышанного создал полную картину ее жизни. Я понял, что Ева отчаянная лгунья, но среди всей этой лжи была, как я чувствовал, и частица правды. Достоверным было то, что Ева замужем уже десять лет, что до замужества она вела веселую жизнь. Много из слов женщины я принял на веру, о большем же догадался. Ева познакомилась с Джеком на вечеринке. Стоило им увидеть друг друга, как все было решено. Это был редчайший случай взаимного и непреодолимого физического влечения. Они были предназначены друг для друга. Через несколько дней после знакомства они поженились. В то время у Евы были собственные средства. Она не сказала, сколько у нее было денег, но, вероятно, их было вполне достаточно. Джек был горным инженером и постоянно уезжал в отдаленные от материка страны, в места, куда Ева не могла ехать с ним. Первые четыре года супружеской жизни, по-видимому, показались женщине такого темперамента, как Ева, унылыми и одинокими. Она была легковозбудимой и нервной. У нее был экстравагантный вкус, а Джек зарабатывал мало.

Какое-то время это особой роли не играло, потому что Ева была женщиной независимой и отказывалась от денег мужа. Его такое положение вполне устраивало. Но у Евы был темперамент игрока. Она вообще считала себя и Джека игроками по натуре. Она играла на скачках, а он увлекался игрой в покер, делая крупные ставки. Будучи опытным игроком, он выигрывал немногим больше, чем проигрывал. Пока Джек находился в Восточной Африке (по-видимому, это произошло лет шесть назад), Ева связалась с азартными игроками и прожигателями жизни, стала много проигрывать на скачках и пить. Несмотря на постоянное невезение, она продолжала играть. Она верила, что рано или поздно отыграет свои проигрыши. Потом в одно прекрасное утро она обнаружила, что осталась без гроша. Капитала ее как не бывало. Она знала, что Джек будет в ярости, и скрыла от него свое банкротство. Ева всегда пользовалась успехом у мужчин, поэтому не хватало только финансовых затруднений, чтобы сделаться тем, чем она была сейчас. Последние шесть лет она жила за счет мужчин. Ничего не подозревающий Джек все еще считал, что жена богата, так как она всячески поддерживала в нем эту иллюзию.

– Конечно, когда-нибудь он обо всем узнает... не представляю, что тогда будет, – закончив свой рассказ, Ева пожала плечами.

– Почему ты не бросишь все это? – спросил я, закуривая очередную сигарету.

– Я должна отыграть свои деньги... и кроме того, чем мне занять свой день? Я совсем одинока.

– Одинока? Ты одинока?

– У меня никого нет... только Марти. В семь она уходит, и я остаюсь одна-одинешенька, пока на следующее утро она не появится снова.

– Но у тебя же есть друзья, правда?

– Никого у меня нет, – спокойно произнесла Ева, – и никто мне не нужен.

– Даже теперь, когда ты со мной?

Она перевернулась на кровати, чтобы взглянуть на меня.

– Интересно, что за игру ты затеял? – спросила женщина. – Какова твоя цель? Если ты не влюблен в меня... тогда зачем все это?

– Я уже ответил на твой вопрос. Ты мне нравишься. Интригуешь меня. Я хочу быть твоим другом.

– Ни один мужчина не может быть мне другом.

Я потушил сигарету, обнял Еву и притянул к себе.

– Не будь такой подозрительной, – сказал я. – Настанет время, и тебе, как и любому из нас, потребуется друг. И может, я смогу чем-нибудь

помочь тебе?

Она прижалась ко мне.

– Каким образом? Я не нуждаюсь в помощи. Все мои неприятности связаны только с полицией. Но у меня есть знакомый судья. Он не даст меня в обиду.

Ева была безусловно права: я ничем не мог ей помочь, кроме денег.

– Ты можешь заболеть... – начал я, но она рассмеялась.

– Я никогда не болею, а если заболю, то никто не побеспокоится обо мне. В такое время мужчины всегда бросают женщин. Стоит нам заболеть, и мы уже вам не нужны.

– Какая же ты циничная!

– На моем месте ты тоже был бы таким.

Я прижался лицом к ее волосам.

– Я тебе нравлюсь, Ева?

– Ты интересный, – безразлично ответила она, – и не напрашивайся на комплименты, Клив.

Я рассмеялся.

– Где мы будем завтракать?

– Где хочешь. Мне все равно.

– Может быть, поедем вечером куда-нибудь?

– Хорошо.

– Значит, договорились. – Я посмотрел на стоящие на камине часы. Было двенадцать с небольшим. – Я не против того, чтобы выпить.

– А я приму ванну. – Ева выскользнула из моих рук и встала с кровати. – Приведи в порядок постель, Клив. Я никогда не умела этого делать.

– Хорошо, – ответил я, наблюдала за тем, как женщина прихорашивается перед зеркалом.

Пока она находилась наверху, я лежал, курил и думал. Ева уже откровенна со мной. Она доверяет мне. Она рассказала мне о своем прошлом, тем самым позволила сделать вывод о сложности и противоречивости ее характера. Следовало ожидать, что женщина, подобная ей, не может не быть циничной. Справиться с ней будет очень трудно. Судя по тому, как меняется ее голос и выражение ее лица, вне всякого сомнения, Ева обожает своего мужа. Это осложняет мою задачу. Если бы его не было, у меня имелся бы шанс на успех, но существующее между ними огромное физическое влечение сводило мои шансы к нулю. Я внезапно осознал, что, несмотря на то, что узнал ее ближе, я ни на шаг не приблизился к моей цели – заставить Еву полюбить меня. В этом

отношении сегодняшний день не дал никаких результатов так же, как и вчерашний. Я встал и застелил кровать. Потом из соседней комнаты позвонил в ресторан и заказал барбекю и столик у стены. Вошла Ева.

– Ванна наполняется водой, – известила она громко. – Что мне надеть?

– По-моему, платье. Хотя мне очень понравился твой вчерашний костюм.

– Костюмы идут мне гораздо больше, чем платье. Они лучше подходят моей фигуре, – сказала женщина довольным тоном и то ли непроизвольно, то ли намеренно провела руками по груди и бедрам.

Остаток дня пролетел очень быстро. Казалось, Ева полностью доверяет мне. Она рассказывала мне о своих взаимоотношениях с мужчинами и очень много говорила о муже. Настроение у нас было превосходное, и ничто, хотелось верить, не могло омрачить его. Но у меня было такое чувство, что ее доверие – это единственное, чего я смог добиться. Между нами находилась какая-то невидимая стена, на которую я время от времени натыкался. Женщина ни словом не обмолвилась о том, сколько она зарабатывает. Когда я спросил ее, имеет ли она счет в банке, она ответила:

– Каждый понедельник я хожу в банк и кладу на свой счет половину своего заработка, я никогда не снимаю деньги с книжки.

Ева дала ответ на мой вопрос так бойко, что он прозвучал как заученная фраза, и я не поверил сказанному Евой. Я знал, что подобные женщины беспечны, не умеют вести хозяйство дома и обычно расточительны не в меру. Я мог бы побиться об заклад, что Ева тратит все до последней копейки, хотя, конечно, воздержался от упреков во лжи.

Я пытался убедить Еву, что надо обязательно откладывать деньги в банк.

– Они наверняка понадобятся тебе, когда ты станешь старой. Тогда ты будешь довольна, что у тебя есть сбережения.

Ее собственные денежные дела, казалось, ничуть не занимали Еву. Возможно, женщина даже не слушала меня.

– Меня это не беспокоит, – сказала она, – я откладываю деньги... к тому же какое тебе дело до этого?

Другие же ее слова очень обрадовали меня. Это было после того, как мы посмотрели последний фильм Богарта и возвращались на Лаурел-Каньон-Драйв. Мы оба изрядно выпили. Моя спутница призналась мне:

– Марти сказала, что ты надоешь мне. Она говорила, что я, наверное, сошла с ума, что согласилась провести с тобой субботу и воскресенье. И конечно, будет очень удивлена, когда узнает, что я не вышвырнула тебя.

Я с благодарностью сжал Евину руку и спросил:

- Ты действительно выгнала бы меня вон?
- Да, если бы ты надоел мне.
- Значит, тебе понравилось, как мы провели время?
- Очень.

Это было уже кое-что!

Мы лежали в темноте и долго разговаривали. Мне казалось, что так свободно Ева уже давно ни с кем не беседовала. Это было похоже на прорвавшуюся плотину: слова женщины набегали одни на другие и лились непрерывным потоком. Я не помню всего, что услышал, но больше всего она говорила о Джеке. Их жизнь, казалось, состояла из бесконечных ссор и пылких примирений. В его любви не было нежности, муж грубо обращался с ней, но Евина странная, противоречивая натура требовала именно такого отношения. Муж бил ее, но она прощала ему побои и требовала только одного – верности. Ева не сомневалась, что Джек ей не изменял. Один рассказанный Евой эпизод характеризовал ее мужа как человека бессердечного и жестокого. Случилось так, что, возвращаясь из гостей, Ева подвернула ногу, идти самостоятельно не могла. Но муж не помог ей ничем, а заторопился домой один, бросив Еву в беспомощном состоянии на улице. Женщина с трудом дошла домой. Муж, не дождавшись возвращения Евы, спокойно спал. А утром еще заставил подать ему в постель кофе, несмотря на то, что Ева не могла наступить на распухшую ногу. И, говоря о таком хамском отношении к ней, Ева восхищалась Джеком. Я же был поражен. Такое обхождение было настолько не похоже на мои взаимоотношения с женщинами, что просто не укладывалось у меня в голове.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что не любишь, когда к тебе проявляют внимание?

– Я ненавижу слабохарактерность, Клив. Джек – человек с сильным характером. Он знает, чего хочет, и ничто не в состоянии остановить его или заставить свернуть с пути.

– Ну, если тебе нравится такое отношение... – Я замолчал.

Рассказывая о мужчинах, которые навещали ее, Ева не упоминала имен. Я восхищался ее осторожностью. Это означало, что и мое имя останется в тайне. Мы говорили до тех пор, пока сквозь занавески в комнату не проник слабый рассвет. Тогда, обессиленный, я уснул. Ева свернулась в клубочек рядом, прислонив ко мне голову. Засыпая, я слышал, что она еще продолжала что-то рассказывать мне. Последние ее слова, которые я расслышал перед тем, как погрузиться в сон, были о том, что скоро Джек должен вернуться домой. Я так хотел спать, что не

прореагировал на это сообщение.

Глава 11

Я приехал к себе в полдень. Когда я вошел в лифт, мальчик-лифтер, улыбнувшись мне заученной улыбкой, сказал:

– Добрый день, мистер Фарстон.

– Добрый день, – ответил я и почувствовал, как при подъеме лифта у меня екнуло сердце.

– Вы прочли в газете о двух парнях, которых сбила машина? – спросил мальчик, когда я выходил из лифта.

– Нет.

– Они подрались из-за какой-то красотки, свалились на мостовую – и их раздавило автобусом. У одного из парней содрана вся кожа с лица.

– Теперь никто не узнает его, – сказал я и открыл свою дверь. В прихожей стоял Рассел.

– Здравствуйте, мистер Клив, – хмуро сказал он, и я почувствовал, что он произносит эти слова только по обязанности, а не от искреннего желания приветствовать мое появление дома.

– Привет! – Я готов был уже пройти в спальню, но, посмотрев на слугу, остановился. – Что произошло?

– В лонжевой вас ожидает мисс Кэрол, – с упреком проговорил он. Упрек был в его позе, лице и даже в бровях.

– Мисс Кэрол? – уставился я на Рассела. – Что ей нужно? Почему она не на киностудии?

– Не знаю, сэр. Она ожидает уже более получаса.

– Положи это в спальню, – распорядился я, отдавая слуге рюкзак, и прошел в лонжевую комнату.

Кэрол стояла у окна. По-видимому, она слышала, как я открыл дверь, но не обернулась. Я с восхищением посмотрел на ее стройную фигурку в элегантном костюме, в ткани которого удачно сочетались белые и красные тона.

– Привет, – сказал я и закрыл дверь.

Мисс погасила сигарету о край пепельницы, повернулась на мой голос и испытующе посмотрела на меня. Не выдержав взгляда, я опустил глаза.

– Разве ты не работаешь сегодня утром? – Я подошел и остановился рядом с Кэрол.

– Мне необходимо было увидеть тебя.

– Садись, – пригласил я и указал на кушетку.

– Надеюсь, у тебя все в порядке.

Кэрол села, некоторое время помолчала, словно не зная, что ответить и с чего вообще начать разговор.

– Пока не знаю, – прозвучало весьма неопределенно.

Она взяла вторую сигарету, вставила ее в мундштук и прикурила. Внезапно я почувствовал растущее во мне раздражение: сейчас мисс Рай начнет читать мне нотацию. Я встал и наклонился к гостье.

– Послушай, Кэрол... – начал я, но она перебила меня.

– Мне не нравится такой тон, Клив. Я знаю: ты опять хочешь уйти от разговора, но нам надо серьезно поговорить с тобой, – резко сказала она.

– Очень сожалею, Кэрол, но сегодня мои нервы на взводе. – Я не хотел ссориться с ней. – Если что-то не так, скажи мне об этом сразу.

– Утром я встретила Мерль Венсингер. Она тревожится за тебя.

– Если мисс Венсингер обсуждает с тобой мои дела, – холодно сказал я, – то она забывает, что я плачу ей за молчание.

– Мерль любит тебя, Клив. А со мной заговорила о тебе потому, что считала нас помолвленными.

Я уселся в противоположном от Кэрол углу кушетки.

– Даже если бы мы были мужем и женой, Мерль не имеет права обсуждать мои дела, – сказал я, охваченный холодной яростью.

– Она не обсуждала твои дела, – спокойно ответила Кэрол. – Она просила уговорить тебя начать работать.

Я закурил и бросил спичку в пустой камин.

– Но я и так работаю, – сказал я. – Если мисс поверенную беспокоят отчисления от моих гонораров, почему она не скажет об этом напрямик?

– Странно, что ты воспринимаешь ее слова подобным образом.

– Да, я воспринимаю их именно так. Ради Бога, Кэрол, не говори мне, что автора можно заставить писать. Ты же знаешь, что это не так. Мерль хотела, чтобы я написал какую-то идиотскую статью для журнала, но у меня не было настроения. Именно поэтому мисс Венсингер и сердится.

– Она ни словом не обмолвилась о журнале, но не будем больше говорить о Мерль. Поговорим о Бернштейне, Клив.

– А зачем нам разговаривать о нем?

– Ты же знаешь, что в субботу он приезжал ко мне?

– Да, ты говорила мне.

– Я сделала все, что могла. Я прочитала ему отрывки из твоей пьесы. Я даже уговорила его взять ее с собой и просмотреть.

Я уставился на Кэрол.

– Ты дала ему копию моей пьесы? – спросил я. – Где же ты достала ее?

– Мне удалось раздобыть, – немного нетерпеливо сказала Кэрол, – а где, это не важно. Я так надеялась... – вырвалось у нее. Она безнадежно махнула рукой и добавила: – Если бы ты приехал ко мне, все было бы иначе. Боюсь, что ты пропустил весьма удобный случай, Клив.

– Я этому не верю. Если бы Бернштейн хотел поставить мою пьесу, он бы поставил ее. Но когда человека надо уговаривать купить пьесу, значит, это не то, что ему нужно. Такой человек наобещает все что угодно и тут же забудет. Не пытайся убедить меня, что к такому же методу прибег Ингрэм и уговаривал Голда купить у него его детище.

– Между твоей пьесой «Остановка во время дождя» и пьесой Ингрэма «Земля бесплодна» существует огромная разница, – резко возразила Кэрол. Увидев, что ее слова больно ударили меня и что я не смог этого скрыть, она попыталась смягчить удар, продолжив в ином ключе: – Но его пьесу и твою просто нельзя сравнивать... Я хочу сказать...

– Хорошо, хорошо, – сердито оборвал я. – Мне ни к чему, чтобы в разговоре со мной ты прибегала к ретушевке. Ты хочешь сказать, что моя пьеса недостаточно хороша и что для того, чтобы ее просмотрел Бернштейн, все мы втроем – ты, Джерри Хайамс и я – должны пресмыкаться перед ним и умолять его.

Кэрол нервно закусил губу, но промолчала.

– Нет, так я не намерен продавать свою пьесу. Когда я продам свою «Остановку во время дождя», ее купят потому, что она этого стоит. Я не собираюсь навязывать ее кому-либо, как уличная девка это делает с собой. Пусть Бернштейн идет ко всем чертям.

– Хорошо, Клив, пусть Бернштейн идет ко всем чертям. Но ведь тебе от этого не станет легче, ведь не станет же?

– У меня все в порядке. Неужели ты не можешь отказаться от опеки надо мной? Послушай, Кэрол, когда мне потребуется твоя помощь, я дам тебе знать. Слишком многие интересуются мной. Это выводит меня из себя. – И, чтобы не разобидеть мою гостью вконец, я добавил: – Конечно, я очень благодарен тебе, но пойми, это касается только меня. Мои дела идут прекрасно.

Она снова внимательно посмотрела на меня.

– Да? – удивилась Кэрол. – За два года ты не написал ни одной строчки. Ты живешь своими прошлыми заслугами, Клив. В Голливуде это не пройдет. Тут об авторах и режиссерах судят только по тому, насколько удачны их новая книга или фильм.

– Мой следующий фильм будет просто великолепен, – попытался отшутиться я. – Не нервничай, Кэрол. Ведь мне же сделал предложение

Голд. Это должно убедить тебя, что я все еще в цене.

– Перестань паясничать, Клив, – сказала гостья, и лицо ее порозовело от волнения. – Дело не в том, можешь ли ты писать или нет. Вопрос стоит иначе: когда ты возьмешься за работу?

– Пусть эта сторона моей жизни тебя не беспокоит, – сказал я. – Почему ты не поехала на киностудию? Я думал, что ты занята с Ингремом.

– Да, работы у меня много. Но я должна была повидаться с тобой, Клив. О нас все сплетничают. – Кэрол встала и подошла к окну. – Все думают, что мы помолвлены. А мне как поступать? Доказывать обратное?

Именно на этот вопрос у меня не было ни малейшего желания отвечать.

– Что ты хочешь этим сказать... как это – сплетничают?

– Все говорят о субботе и воскресенье. – Кэрол повернулась и посмотрела на меня. – Как ты мог, Клив? Как ты мог пойти на такое? Ты сошел с ума!

«Ну, начинается!..» – подумал я.

– Что ты имеешь в виду?

– Зачем ты лжешь? Я знаю, с кем ты провел уик-энд. Я думала, что ты давно пришел в себя. Почему ты ведешь себя как мальчишка?

Я уставился на нее.

– Что ты хочешь сказать? Я должен прийти в себя.

Кэрол отошла от окна и снова села на прежнее место на кушетке.

– Каким ты иногда бываешь глупым и упрямым, – устало сказала женщина. В голосе у нее не было ни злобы, ни презрения, а только горечь и сожаление, за которыми, я понимал, скрывалось и страдание. – Ты хочешь, чтобы тебя считали неотразимым, да? Ты желаешь очаровать всех женщин подряд, испытываешь необходимость, чтобы они падали при виде тебя? Почему ты выбрал такую женщину? К чему все это приведет?

Я нетерпеливо схватил сигарету. Закуривая, я выигрывал время, чтобы привести себя в равновесие от охватившей меня злости.

– Как неприятно слышать от тебя подобные вещи, Кэрол, – начал я, все еще с трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться и не наговорить ей грубостей, и закончил: – У меня нет настроения продолжать этот разговор. Тебе, наверное, лучше вернуться на киностудию, пока мы не наговорили друг другу таких слов, о которых потом пожалеем.

Несколько минут мисс Рай сидела неподвижно, крепко сжав лежащие на коленях руки. Вся она была нервно напряжена: беседа и ей чего-то стоила. Затем Кэрол глубоко вздохнула, расслабилась, словно сбросила с себя оцепенение.

– Очень жаль, Клив, но я думаю иначе. Неужели ты не можешь прекратить все это? Забыть свое приключение с той женщиной во Фри-Пойнте? Ведь еще не поздно, Клив.

Я уже был сыт по горло разговором, выматывающим мне нервы, и сердит, и мне с трудом удавалось скрывать такое состояние от своей собеседницы.

– Ты нервничаешь без всякой на то причины, – сказал я. – Ради Бога, Кэрол, будь разумной.

– Разве ты не провел с той особой субботу и воскресенье? – резко спросила гостя. – Ты уже очаровал ее?

Я вскочил на ноги.

– Послушай, Кэрол, хватит! Лучше уходи. Еще минута – и мы поссоримся.

– Рекс Голд сделал мне предложение, – произнесла тихо мисс Рай.

Слова Кэрол, минуя сознание, попали мне прямо в сердце. Много лет назад меня лягнула лошадь. По моей собственной вине. Меня предупреждали о ее норове, но я думал, что смогу обуздать ее. Когда она внезапно ударила меня, я упал в липкую грязь. Скорчившись от боли, я смотрел на животное, не в силах поверить, что это оно – причина моей ужасной муки. Такую же душераздирающую боль я почувствовал и теперь от убийственной новости.

– Голд? – переспросил я, чтобы только нарушить тягостное молчание.

– Я не должна была сообщать тебе этого, – сказала Кэрол, – потому что такое известие похоже на шантаж, не так ли, Клив? Именно сейчас мне не следовало даже упоминать о подобном событии.

– Я не знал, что Голд... – начал было я, но замолчал, думая про себя: «А почему бы и нет? Кэрол умна, очаровательна. Талантлива. Она могла бы быть прекрасной женой Голду». – И как же ты намерена поступить? – спросил я после долгой паузы.

– Не знаю, – ответила мисс. – Твой уик-энд все спутал, и я действительно теперь не знаю, как мне быть.

– А какое отношение к этому имеет мой уик-энд? – спросил я. – По моему, самое главное, любишь ли ты Голда или нет.

– В Голливуде важно лишь то, что поможет сделать карьеру, и ты это отлично знаешь, – сказала Кэрол. – Если бы я была уверена, что мы... ты и я... – Она замолчала, словно собираясь с духом, потом продолжила: – Я не могу решить свое будущее из-за тебя. Понимаешь, я люблю тебя, Клив.

Я ни словом не отозвался на признание Кэрол, только взял ее за руку, которую она поспешно выдернула.

– Не трогай меня. Выслушай терпеливо. Мы знакомы уже два года. Глупо жить прошлым, но я никак не могу забыть тебя таким, каким увидела впервые, когда ты пришел к Роберту Ровену. Мы оба тогда были ничем. Ты произвел впечатление на меня с самой первой минуты. Очень понравилась и твоя пьеса. Я подумала, что человек, написавший такую пьесу, должен быть хорошим, добрым и скромным. Мне импонировал твой испуганный и смущенный вид, который не покидал тебя, пока ты говорил с Ровеном. Ты был простым, милым и совсем не похожим на тех самоуверенных людей, которые обычно посещали моего шефа. Я решила, что тебя ждет блестящее будущее, поэтому и посоветовала переехать из Нью-Йорка в Голливуд. Бывало, до того, конечно, как у тебя появились новые друзья, ты с радостью встречался со мной и с удовольствием посвящал мне свое время. Мы везде бывали вместе, нас объединяли общие интересы и дела. Однажды ты предложил мне выйти за тебя замуж, и я ответила согласием. Но на следующее утро ты уже забыл об этом. Ты даже не позвонил мне в тот день. Я до сих пор не знаю, как ты относишься ко мне. Я знаю только одно: я люблю тебя. Но это не означает, что я стараюсь удержать тебя или, поймав когда-то на сорвавшемся слове, заполучить в мужья. Нет, такой ценой я тебя ни у кого отвоевывать не стану.

Как бы я хотел, чтобы не было этого разговора! Я понимал, что надо срочно принимать какое-то решение, на обдумывание которого времени не осталось. До субботней ночи я знал, что люблю Кэрол, а теперь я уже не был уверен в этом. Надо заставить ее замолчать и не позволять ей обнажать передо мной свою душу, если я не намерен уступить и не собираюсь жениться на ней. Но если я не пойду на компромисс, между нами все будет кончено. Терять же Кэрол я не хотел. Она была нужна мне. Последние два года, самые лучшие годы моей жизни, были связаны с ней. Она была для меня олицетворением разума и добра. Мне было страшно подумать, как я буду жить без Кэрол.

– Я поверила тебе, когда ты сказал, что любишь меня, – продолжала она. – Может быть, не усомнилась потому, что ты очень многое значил для меня. Ты действительно был очень хорошим, Клив, пока был беден. Некоторых людей успех портит. Ты один из них. Понимаешь, я тревожусь за тебя. С тех пор, как ты начал писать, ты не узнал ничего нового. Ты думаешь, что наделен талантом и этого достаточно. Далеко нет. Даже если человек одарен от природы, он обязан все время работать над собой и совершенствоваться. Чувства успокоенности и удовлетворения должны быть неведомы ему. Темы его произведений должны становиться все более глубокими и сложными. Святая обязанность писателя – сказать какое-то

новое слово своим читателям. Слово достаточно значительное, чтобы его стоило выслушать.

– Это целая проповедь. Не хватает только амвона, – нетерпеливо проговорил я. – Но это ясно и без слов. Что ты решила? Ты выйдешь за Голда?

Кэрол закрыла глаза.

– Не знаю. Я не хочу выходить за него. Но, если я стану его женой, передо мной откроются большие возможности.

– Ты уверена?

– Голд – натура творческая... у него власть... деньги. Он даст мне право свободного выбора сценариев для постановки фильмов. Можно будет снять великолепные ленты. Может быть, тебе это непонятно, Клив. Я тщеславна не ради себя. Я хочу, чтобы создавались первоклассные фильмы. Я смогу влиять на Голда. Он будет прислушиваться к моему мнению.

– Зачем нам думать о других: о воспитании прекрасного в ком-то. Поговорим лучше о себе. Уж не решила ли ты выйти замуж за Голда только для того, чтобы создавать совместные фильмы, которые бы образовывали людей и приобщали их к культуре?

– Ты считаешь, что это невозможно? Ты против того, чтобы я выходила замуж ради осуществления творческих замыслов?

Я пустил в ход все свое красноречие, чтобы удержать Кэрол от опрометчивого шага, а тем самым спасти для себя, не потерять теперь, когда я еще не знаю, любит ли меня Ева.

– Да, ты не должна выходить замуж за Голда по такой идиотской причине. Я хочу, чтобы ты поняла и меня. Я люблю тебя, Кэрол. Давно люблю, но сейчас я в затруднительном положении. Со мной что-то произошло: я не могу больше писать. Если в ближайшее время ничего не изменится, я окажусь в глубоком нокауте. У меня и раньше бывали такие периоды, но я один и преодолевал их. Если нас будет двое, вряд ли мне станет от этого лучше: ведь я не позволю себе переложить груз своих проблем и неурядиц и на твои плечи. По этой причине в моем нынешнем состоянии я не берусь так смело, как тебе, Кэрол, хотелось бы, решать нашу судьбу. Надо подождать. Когда все образуется, мы вернемся к разговору о наших отношениях и к планам о нашем будущем.

Кэрол рассматривала свои изящные, загорелые руки.

– Все это потому, что ты не хочешь работать серьезно. У тебя слишком много свободного времени. – Она замолчала, потом вдруг спросила: – Зачем ты пошел с этой женщиной туда, где тебя могли встретить?

Меня охватила ярость.

– Значит, этот проклятый автор-счастливчик наплел тебе на меня? Да? – крикнул я. – Я так и думал. Он только и делает, что сплетничает и сеет раздоры.

– Джерри Хайамс тоже видел тебя, – устало уточнила Кэрол.

– Ну и что из этого? Хайамсу известно, зачем я встречаюсь с такой женщиной. У нас с ней только деловые отношения, Кэрол. Я не лгу тебе. Я должен написать о ней сценарий. Вот и все.

Кэрол встала.

– Я должна вернуться на студию, – сказала она. – Очень жаль, Клив. Мы ничего не сможем изменить, не так ли?

– Ты не веришь мне? – спросил я, подходя к ней. – Этот сценарий меня попросил написать Голд. Как же я смогу написать его, если не буду иметь какого-то контакта с этой женщиной?

Кэрол покачала головой.

– Не знаю, Клив, и мне теперь все равно. Я устала расстраиваться из-за твоих приятельниц. Слишком со многими из них мне приходится делить тебя. У меня нет желания соревноваться с профессионалами. Пока ты не оставишь ту особу, нам лучше не беспокоить друг друга.

– Зачем ты говоришь так, Кэрол? – встревожился я. – Ты хочешь, чтобы я расторг договор? Голд предложил мне пятьдесят тысяч долларов. Я не могу написать сценарий, если перестану видеться с этой профессионалкой. – Мисс Рай отвернулась. Я взял ее за руку. – Поверь же мне, я встречаюсь с ней только для того, чтобы выполнить заказ Голда. Неужели ты не веришь мне?

Кэрол вырвала руку.

– Нет... но все равно помни, ты должен быть осторожен, Клив. Она может причинить тебе боль. Ей не в новинку морочить голову таким, как ты.

Слова Кэрол взбесили меня.

– Хорошо! – крикнул я. – Ты добрая, хорошая девушка. Благодарю тебя за предупреждение! Я буду осторожен. Обещаю, что при каждой встрече с ней я буду вспоминать тебя и твое напутствие и буду очень, очень осторожен!

Кэрол гневно отпарировала:

– Можешь оставить свой дешевый сарказм при себе. Ты сам нарываешься на неприятности, и я очень боюсь, что ты и вправду зарабатываешь их.

– Тебе бояться нечего! Пока ты испытываешь ко мне жалость, мне опасаться нечего, я спокоен, – сказал я. – Неужели мы должны ссориться

из-за таких пустяков? Не лучше ли быть добрыми друзьями и беречь нервы? Если ты решила выйти за Голда, не забудь пригласить меня на свадьбу. Я, конечно, не приду, но ты все же позови меня, потому что для меня это единственная возможность в жизни досадить Голду. Но от его пятидесяти тысяч я не откажусь.

Кэрол с презрением посмотрела на меня, и мне захотелось сделать ей больно.

– Представляешь, какую шикарную свадьбу отгрохает Голд! – усмехнулся я. – Все формальности будут соблюдены. В газетах будет отмечено, что невеста выглядела великолепно. Талантливая Кэрол Рай согласилась стать женой Голда, чтобы нести культуру в массы путем создания идейных кинофильмов! Вот смех-то будет! – Я вынул портсигар и выбрал сигарету. – Значит, ты не хочешь соревноваться с профессиональными проститутками? Я правильно понял тебя, дорогая?

– Надеюсь, она обойдется с тобой, как ты того заслуживаешь. Это пойдет тебе на пользу. Тебе нужна именно такая, как она. Она докажет тебе, Клив, какое ты ничтожество, какой ты низкий и эгоистичный человек. Надеюсь, ей удастся причинить тебе боль. Очень надеюсь.

– Какое счастье, что ты женщина, что ты находишься в моем доме, под моей защитой, потому что только это заставляет меня сдерживаться и...

– И не ударить меня кулаком по лицу?

– Да. Именно так бы я хотел поступить, миленькая!

– Прощай, Клив!

– Ах, как страшно! Кажется, именно это называют «скрытая драма»? Она уходит, занавес закрывается. Ничего вульгарного... Финал-то уж, по крайней мере, не назовешь вульгарным. Ты великолепно пишешь сценарии и прекрасно изучила сценические эффекты. Сыграй же свою роль и в брачную ночь так же удачно, как ты сыграла ее сейчас, дорогая!

Кэрол подбежала к двери и, не оглянувшись, бросилась вперед. Когда дверь за ней закрылась, мне показалось, что комната опустела. Я подошел к буфету и налил себе виски. Выпив один стакан, я налил еще и тут же проглотил содержимое второго стакана. Затем поставил бутылку в буфет и вышел в коридор. Я почувствовал, что нервы мои сдают, что я пьян и мне хочется плакать. Когда я надел шляпу, по лестнице спустился Рассел. Он мрачно посмотрел на меня, но не сказал ни слова.

– Мисс Кэрол выходит замуж за Рекса Голда, – сообщил я, отчеканивая каждое слово. – Я же знаю, что ты любитель посплетничать, Рассел. Ты, наверное, слышал о мистере Голде, не так ли? Ну так вот, она выходит за него замуж, чтобы писать умные сценарии, ставить идейные фильмы и

нести культуру и образование низшим классам. – Я оперся о перила лестницы. – Как ты считаешь, низшие классы хотят быть образованными? Ты думаешь, что правильно она поступила, принеся себя в жертву? Мне кажется, что она делает это зря. Низшим классам наплевать на то, что мисс Рай выходит замуж за Голда только потому, чтобы повысить качество фильмов. Плебеям наплевать на проблему классности продукции Голливуда. Но с женщинами не спорят!

Рассел посмотрел на меня так, словно я ударил его по лицу. Слуга попытался вымолвить что-то, но не смог. Я вышел из комнаты, спустился на лифте вниз и выбрался на улицу. Сев в машину, я сказал себе: «Бедняга, мне жаль тебя!» – и поехал в клуб писателей.

В этот день здесь было удивительно много народу. Я поздоровался со швейцаром и вошел в бар.

– Двойное шотландское виски, – заказал я, садясь за стойку.

– Хорошо, мистер Фарстон, – отозвался бармен и уточнил: – Положить лед?

– Слушай, – процедил я, подавшись вперед, – если бы мне был нужен лед, я сам не забыл бы напомнить тебе о нем. У меня нет желания разговаривать с тобой или с кем-то еще.

– Да, мистер Фарстон, – сказал парень и покраснел.

Я выпил виски до капли и подал стакан бармену.

– Дай еще виски безо льда и без разговоров. Можешь даже не упоминать о погоде.

– Да, мистер Фарстон.

Если мне не удастся продать свой сценарий Голду, я скоро окажусь в таком же положении, как этот парень. Деньги на исходе. Придется браться за любую работу, которую только предложат мне. «Нет, – сказал я себе, – я как-нибудь выкручусь. Или пущу себе пулю в лоб». Да, если дело обернется к худшему, я всегда успею распрощаться с жизнью. Если бы у меня в эту минуту был пистолет, я застрелился бы не раздумывая. Мое ужасное настроение этому способствовало. Я вложил бы дуло пистолета в рот – и оборвалась бы мгновенно тоненькая нить, связывающая меня с этим миром. Я даже не успел бы почувствовать боли. Было бы забавно размозжить себе голову в баре клуба писателей. Вот было бы разговоров! Для таких, как Ингрем, это явилось бы новой темой для сплетен, он сразу же перестал бы трепаться о том, что встретил меня с Евой в театре, и стал бы распространяться насчет того, как я покончил с собой прямо в баре клуба. Я отпил полстакана виски. «Все дело в том, – сказал я себе, – что ты пьян, парень. Тебе жаль себя потому, что от тебя ушла Кэрл. Но у тебя же

есть Ева! Да, Кэрол права: я не просто встречаюсь с проституткой, я без нее уже не могу жить. Кэрол – прекрасная девушка. Умница. Красивая и добрая, нежная и откровенная. Все это так, но она выходит за Рекса Голда. А у тебя есть Ева». Я замурлыкал эти слова, как какую-то песенку, но мелодия прозвучала как-то фальшиво. Мелодия не та. Ева не годится Кэрол и в подметки, но все же у меня эта женщина есть. Она не собирается выходить замуж за Голда. Не собирается... Ева замужем за Джеком. Черт возьми! Я хмуро уставился на бар и забыл про Джека. Всегда мне кто-то мешает. К черту Джека! Ведь он сейчас в Бразилии. Чудное название для песенки. Я сделал знак бармену.

– Как ты считаешь, «Джек в Бразилии» – хорошее название для песни? Правда, оно великолепно?

Парень посмотрел на меня.

– Хорошее, сэр, – согласился он и, взяв со стола стакан, стал протирать его. – Вполне приемлемое для смешной песенки.

– Нет, это название подходит не к смешной, а к грустной и трогательной песне, от которой можно заплакать. Ты не угадал. Я знал, что ты ошибешься. У тебя ведь нет своего мнения, правда?

– Вам это лучше знать, мистер Фарстон. Я плохо разбираюсь в песнях, но...

– Хорошо, хватит... – прервал я, – помолчи. Скажи свое мнение тому, кто считается с ним. А для меня ты не фигура, и я не стану считаться с домыслами бармена. – Я допил виски. – Налей еще.

В это время в бар вошли Питер и Френк Ингрэм. Ужасно, что они явились именно теперь, когда я был зол и пьян. Я встал со стула. Питер улыбнулся мне.

– Привет, Клив, – сказал он. – Выпьем по стаканчику? Ты ведь знаком с Френком Ингрэмом, не так ли?

Я слишком хорошо знал его.

– Конечно, – ответил я и сделал шаг назад, чтобы занять выгодную позицию. – Он – автор голливудских сплетен, не так ли?

Я размахнулся и изо всех сил ударил Ингрэма в челюсть. Он упал на спину, послышалось какое-то бульканье, потом я увидел, как Френк зажал пальцами рот, чтобы оттуда не вывалился протез. Может быть, Ингрэм – талант, написал же он роман «Земля бесплодна», но гордиться ему было нечем: во рту у него не зубы, а протез. Один-ноль в мою пользу: я прожевываю пищу своими собственными зубами. Не интересуясь дальнейшими событиями, я вышел из бара. Медленно прошел коридор и очутился на улице. Уже сидя в машине, я никак не мог подавить

непреодолимого желания вернуться назад и снова ударить такую ненавистную мне физиономию. Это искушение было настолько сильным, что я почувствовал боль в глазах, переносице и затылке. Я соображал туго, но понимал, что Мерль Венсингер, Кэрол, нежная Кэрол и теперь Френк Ингрэм... а возможно, и Питер Теннет для меня потеряны надолго, а может, и навсегда. Все они теперь ненавидели меня. Я действительно заварил кашу. Если и дальше будет продолжаться в таком же роде, я приобрету репутацию негодяя и скандалиста.

Я быстро проехал на Сансет-стрит. Через несколько дней все мои знакомые перестанут разговаривать со мной. Очевидно, мне придется выйти из членов клуба. «Ну и пусть, – подумалось безразлично. – Самое главное то, что у меня есть Ева». Я снизил скорость, внезапно почувствовав, что должен сейчас же услышать голос той, к которой меня влекло неодолимо. Ничего не поделаешь! Я не властен над собой. Может быть, Питеру или кому-нибудь другому удалось бы убедить меня не бить Ингрэма, но никто на свете не смог бы уговорить меня не звонить Еве. Я остановился у аптеки, вышел из машины и направился к телефонной будке. Диск телефона был слишком тугим и трижды срывался, прежде чем удалось набрать номер. Я нервничал, злился, лицо мне заливал пот. К телефону подошла Марти.

– Попросите мисс Марлоу, – сказал я.

– Кто говорит?

Какого черта эта Марти вмешивается? Какое ей дело? Почему Ева сама не подходит к телефону? Если она думает, что мне доставляет удовольствие разговаривать с ее прислугой каждый раз, как я звоню, если воображает, что я испытываю радость, называя свое имя прислуге, которая потом за рюмкой вина будет сплетничать обо мне с молочницей или такими же ничтожествами, как она сама, то Ева глубоко ошибается.

– Говорит человек с Луны! – выпалил я. – Вот кто говорит.

Наступила пауза. Я ждал, что за ответ прозвучит на мою выходку. Марти произнесла словно с неохотой:

– Мне очень жаль, но мисс Марлоу нет дома.

– Нет, она дома! – злобно крикнул я. – В такое время она должна быть дома. Скажите, что я хочу поговорить с ней.

– Кто звонит? Я должна знать, кто просит мисс.

– Слава Богу. Мистер Клив... Теперь вы довольны?

– Очень жаль, но мисс Марлоу занята.

– Занята? – тупо повторил я. – Но ведь еще нет и двух часов. Как она может быть занята?

– Сожалею, – без всякого сочувствия прозвучал ответ служанки. – Я передам, что вы звонили.

– Одну минутку, – взмолился я, внезапно почувствовав себя больным и опустошенным. – Вы хотите сказать, что у нее какой-то посетитель?

– Я передам, что вы звонили, – как автомат отчеканила Марти и повесила трубку.

Я же бросил трубку, и она повисла на шнуре. Настроение у меня было отвратительное. Сейчас я вполне мог бы пустить себе пулю в лоб. Если бы у меня был пистолет, я именно так бы и поступил. Застрелился бы прямо здесь, не медля ни минуты. Это самоубийство стало бы сенсацией. Известный писатель покончил с собой, выстрелив себе в голову в телефонной будке. Великолепный заголовок. Но у меня нет пистолета. Плохо мое дело. Если бы я застрелился, Мерль Венсингер решила бы, что я покончил с собой из-за нее. А Кэрол, нежная Кэрол считала бы, что она – причина моего трагического конца. А Френк – известный писатель и сплетник – подумал бы, что я лишил себя жизни из-за случая с ним. И все бы они ошибались. Если бы я размозжил себе голову, единственной виновницей этого была бы Ева. И я готов поспорить на что угодно, что она отнеслась бы к моему самоубийству с полнейшим безразличием, и ей даже в голову бы не пришло, что я застрелился из-за нее. «О'кей, – подумал я. – У меня нет пистолета. Но я могу пойти куда-нибудь и выпить. А это уже выход. Надо выпить вдрызг». Только я со страхом чувствовал, что во всем мире не хватит коньяка, которым я мог бы залить свое горе. Я вышел из автомата на улицу и сел в машину.

«Бедняга! – еще раз сказал я себе. – Мне очень жаль тебя». Эти слова я говорил себе уже утром. Оно было ужасным. И я все еще был пьян. Сидел я в машине, закрыв лицо руками, опершись на руль, и плакал. Вот до чего я дошел. Если бы Ева увидела меня вчера, она стала бы презирать меня. Ее муж никогда бы не поступил так. Джек поехал бы к ней, вышиб бы дверь и вышвырнул из дома того, с кем Ева проводила время. Потом Джек схватил бы свою жену за плечи и стал бы бить ее головой об стену. «Я ненавижу бесхарактерных людей, – говорила Ева в ту первую ночь, когда мы лежали на кровати. – У Джека сильный характер. Он знает, чего он хочет, и ничто не в состоянии заставить его свернуть с намеченного пути». Я тоже знал, чего я хочу, но я не поехал к ней и не бил ее голову об стену. Я сидел, закрыв лицо руками, прислонившись к рулю, и плакал.

Глава 12

Я пробудился от тяжелого сна и увидел, что Рассел раздвигает шторы. Я со стоном сел. Голова раскальвалась от боли, язык был похож на кусочек дубленой кожи.

– Вас хочет видеть мистер Теннет, сэр, – доложил Рассел.

Я тут же вспомнил об Ингреме.

– Черт возьми! – воскликнул я и откинулся на подушки. – Сколько времени?

– Ровно десять тридцать, – ответил слуга, посмотрев укоризненно на меня.

– Полегче, Рассел! – крикнул я. – Тебе, наверное, уже известно, что произошло в клубе писателей?

– Да, сэр, – сказал слуга, сжав губы. – Очень сожалею, сэр, что так все вышло.

– Я не сомневался в твоём сочувствии, – съязвил я, хотя мне было не до игры слов: я жаждал только одного чтобы перестала так отчаянно болеть голова. Я был жив, значит, не застрелился. Зато осуществил свой второй план: напился до беспамятства. Как я добрался домой, неизвестно. Я ничего не помнил, даже того, как лег в кровать.

– Эта вошь сама напросилась на побои и получила по заслугам.

Рассел закашлялся.

Я застонал.

– Прекрасно. Пусть мистер Теннет подождет. Понятия не имею, что ему нужно от меня. Теперь все равно ничего не исправить.

Когда слуга вышел, я встал и поплелся в ванную. Холодный душ освежил меня всего, и головная боль почти прошла. Я побрился, смешал виски с содовой, выпил его и оделся, чувствуя, что начинаю приходить в себя. Питер ждал в гостиной.

– Привет, – сказал я и, подойдя к буфету, снова приготовил себе стакан виски с содовой. – Я спал. Извини, что заставил тебя ждать.

– Это не имеет значения, – сказал Теннет.

– Выпьешь?

Он покачал головой. Я подошел к кушетке и уселся рядом с гостем. Наступила неловкая пауза. Мы посмотрели друг на друга и отвернулись.

– Ты пришел из-за Ингрема, да? – спросил я.

– Да. Других причин нет. Ты был пьян?

– Я должен оправдываться? – уточнил я, пытаюсь сдерживаться, но чувствуя, что начинаю злиться.

– Я пришел сюда не за тем, чтобы критиковать твои поступки, – быстро проговорил Питер. – Хотя, должен признаться, меня удивило твое поведение. Я должен известить тебя, что Голд намерен подать на тебя в суд.

Я уставился на режиссера.

– Голд намерен подать на меня в суд? – повторил я. – Вот это да! Этого я никак не ожидал.

Питер кивнул.

– Боюсь, что это так. Ингрэм получил травму. В течение нескольких дней он не в состоянии работать. Этот простой обойдется студии в копейчку. И Голд бесится.

Внезапно я почувствовал себя удовлетворенным: по крайней мере, вошь получила как следует.

– Понятно, – сказал я.

– Я решил прийти к тебе и поговорить, – продолжал Питер. Он чувствовал себя как-то неуверенно и неловко, и по выражению его лица я видел, что ему неприятен этот разговор. – Р.Г. сказал, что потеряет от этого сто тысяч долларов.

– Вполне приличная сумма. Так вот во что обошелся один мой удар! – выпалил я и внезапно ощутил страх, по коже у меня побежали мурашки. – И Голд намерен судом взыскать с меня эту сумму?

– Юридически он не правомочен подать на тебя в суд и потребовать выплаты этих денег, – объяснил Питер. – В суд может обратиться только Ингрэм. – Питер посмотрел на свои начищенные до блеска ботинки и добавил: – Р.Г. встретился с Ингрэмом.

– Вот как. Он встретился с Ингрэмом? – Я отпил половину стакана спиртного, как пьют воду. Виски с содовой показалось мне безвкусным. – И Ингрэм воспользуется своим правом, чтобы через суд взыскать сто тысяч долларов? Боюсь, что ему не удастся получить эти денежки.

Питер осторожно стряхнул мизинцем пепел с сигареты.

– Ингрэм не подаст на тебя в суд. Он сказал Голду, что не сделает этого.

Я поставил стакан на столик.

– Почему же?

– Не знаю, – откровенно признался Питер. – Я на его месте не пощадил бы тебя. Ты мерзко поступил с ним, так ведь, Клив?

Я отмахнулся.

– Ты хочешь сказать, что он играет в благородство и подставляет мне

вторую щеку?

Питер подтвердил мое предположение:

– Что-то в этом роде.

Я вскочил. Моему возмущению не было предела.

– Проклятое животное! Я не позволю ему так обращаться со мной! Пусть подаст на меня в суд! Это не имеет для меня никакого значения! Ты думаешь, меня беспокоит, как он поступит?

– Послушай, Клив, ты лучше сядь, не горячись. Ты уже и так достаточно наделал глупостей, приди в себя. Что с тобой произошло? Тебе известно, что Кэрол на грани нервного расстройства?

Я наклонился к гостю.

– Вот что, Питер. Мне ни к чему, чтобы ты меня опекал. Я абсолютно уверен в этом. Не вмешивайся в мои дела. Не вмешивайся, говорю я тебе.

– Я и сам не хотел ввязываться, – сказал Питер, сделав какой-то отчаянный жест. – Ты вообразил, что мне это доставляет удовольствие? Кажется, ты не понимаешь, насколько все серьезно. Ты вступаешь в борьбу с Голдом. Все, что причиняет вред Голду, причиняет вред студии. Избиение Ингрема вызвало массу толков. Зачем тебе понадобилось избивать его, мне это абсолютно неинтересно. Допустим, у тебя были на это свои причины. Я их не знаю и не хочу знать. Но дело сделано, и план работы киностудии сорван. Положение обострилось еще и тем, что Кэрол в ужасном состоянии. Она не может работать, не может сосредоточиться, и, насколько я понимаю, все это из-за тебя.

Немного успокоившись, я снова сел.

– Ты во всем готов обвинить меня, – с горечью проговорил я. – Какого черта! Что вы все от меня хотите?

– Тебе следовало бы на несколько дней покинуть Голливуд, – сказал Питер. – Ты можешь уехать во Фри-Пойнт? Я хочу только одного: ты не должен связываться с Р.Г., особенно теперь, когда ты в таком ужасном состоянии. Ингрем не станет подавать на тебя в суд, и мы с Френком уговорим Р.Г. оставить тебя в покое. В настоящее время Р.Г. жаждет твоей крови, Клив!

«Если Голд бесится из-за меня, – подумал я, – значит, мой сценарий летит ко всем чертям».

– Я не могу сейчас уехать из города, – задумавшись на мгновение, сказал я. – У меня много дел, но я постараюсь держаться подальше от Голда.

Питер встревожился, но потом, подумав, согласился:

– Может быть, все еще уладится. – И встал. – Я должен вернуться на

студию. У нас там переполох, и Голд похож на медведя, который ревет от головной боли. Будь разумен и в течение ближайших дней не попадайся ему на глаза, Клив.

– Хорошо, – пообещал я. – Между прочим, тебе известно, Питер, что я пишу сценарий для Голда? Как ты думаешь, останется в силе наш договор с ним?

Питер пожал плечами.

– Может быть, и останется. Все зависит от того, как удастся уладить ваши отношения. Если получится замять эту неприятную историю и твой сценарий будет хорошим, возможно, договор останется в силе: Р.Г. – человек дела и не пропустит выигрышного сюжета. Но твой сценарий, естественно, должен быть на высоте.

– Понятно. – Я проводил режиссера до двери, чувствуя, что настроение мое ухудшается и нервы мои изрядно сдали. Я начал осознавать, какую потрясающую глупость я сотворил, избив Ингрема. Это может испортить всю мою карьеру.

– А Кэрол ты ничем не можешь помочь? – с надеждой в голосе спросил Питер.

– Пожалуй, ничем.

Он пристально посмотрел на меня, и мне вдруг стало стыдно.

– Она любит тебя, Клив, – тихо проговорил Теннет. – Она – большой ребенок и не заслуживает такого отношения. Было время, когда я думал, что у вас серьезные намерения относительно друг друга. Я знаю, что это не мое дело, но мне больно смотреть на нее: ее состояние ужасно.

Я не проронил ни слова. Питер стоял, не зная, уходить или подождать. Видя, что я молчу, закончил:

– Очень жаль. Будем надеяться, что она как-нибудь переживет это. До свидания, Клив. Нигде не показывайся. Я уверен, что, если ты будешь достаточно осторожен, все обойдется.

– Надеюсь, – сказал я и добавил: – Спасибо, что зашел.

Когда гость ушел, я вернулся в гостиную и выпил еще один стакан виски. Я хотел поехать к Кэрол, но не нашел в себе достаточно мужества, чтобы встретиться с ней лицом к лицу. Я причинил ей боль и был уверен, что если поеду к ней сейчас, то только усложню свою задачу примирения. Нет, надо подождать и дать Кэрол время прийти в себя. Мне же следовало подумать, как быть дальше. Ингрем не беспокоил меня. Я волновался из-за Голда. Если он захочет войны, то может оказаться очень опасным противником. Я сел и принялся решать эту задачу. Может, лучше попробовать увидаться с ним и постараться объясниться. Такой вариант

показался сначала удачным для выхода из опасной ситуации. Но после долгих раздумий я решил, что вернее всего поступить так, как советует Питер: пока все не успокоится, держаться подальше от Голда. Я прямо-таки с ненавистью оглядел большую гостиную, сознавая, что не смогу день за днем сидеть здесь взаперти, как зверь в клетке. Я сойду с ума, потому что давно разучился уютно устраиваться с книжкой в руках и наслаждаться тишиной и покоем. Голливуд сделал меня беспокойным, и мысль о том, что я вынужден буду находиться в полном одиночестве хотя бы несколько часов, была невыносима. Я посмотрел на часы. Одиннадцать сорок пять. Сделав поворот, мысли мои сами по себе вернулись к Еве. Она, пожалуй, еще в кровати и спит. Теперь я знал, что мне надо делать. Заеду за Евой и приглашу позавтракать со мной. Как только я это решил, мне сразу стало легче. С Евой не только проблема одиночества, но и все другие испарятся, исчезнут. Останемся только мы сами. И главным будет то, что мы вместе.

В двенадцать с небольшим я приехал на Лаурел-Каньон-Драйв. Остановив машину рядом со знакомым уже домом, я быстро спустился по тропинке, постучал и стал ждать. Дверь тут же открылась. Ева стояла на пороге и мигала глазами, ослепленная ярким солнечным светом. Она уставилась на меня.

– Это ты, Клив! – воскликнула она и захихикала. – А я думала, что это молочник! – Женщина, по-видимому, только что встала с постели. Волосы ее были расчесаны, но лицо не накрашено. – Что это ты делаешь здесь в такое время?

Я улыбнулся, довольный уже той удачей, что меня встретила сама хозяйка дома.

– Привет, Ева! – поздоровался я. – Мне хотелось сделать тебе сюрприз. Можно войти?

Она запахнула халатик и зевнула.

– Я как раз собиралась принять ванну. Ты переходишь все границы, Клив. Ты мог бы, по крайней мере, позвонить мне.

Я прошел за хозяйкой в спальню. В комнате чувствовался смешанный запах духов и пота. Ева открыла окно.

– Фу! Здесь такой тяжелый воздух, правда? – сказала она и присела на кровать, растрепав рукой волосы. – Как же я устала!

Я сел на кровать рядом с Евой, тесно прижавшись к ней.

– Ты выглядишь так, словно провела кошмарную ночь, – заметил я. – Чем ты занималась?

– Я ужасно выгляжу, да? – спросила женщина. Она откинулась на подушки и вытянулась всем телом. – Мне все равно. Сегодня мне все

безразлично.

– У меня такое же настроение. Поэтому я и пришел к тебе, – сказал я, глядя сверху вниз на ее бледное, измученное лицо. Под глазами у Евы были мешки, и две линии на переносице залегли глубокими морщинками. – Давай поскучаем вместе. Поедем куда-нибудь позавтракать?

– Нет. Не надоедай мне, – отозвалась с ленцой Ева.

– Не упрямься же, – сказал я. – Мы позавтракаем, и ты тут же вернешься домой, если захочешь. Поедем, не будь такой несговорчивой!

Она посмотрела на меня. Я почувствовал, что она уже колеблется.

– Не знаю, – медленно проговорила она, словно соглашаясь, и тут же пошла на попятный: – Надо будет одеваться. А мне лень! Нет, Клив, я не поеду!

Я взял руки Евы и притянул к себе. Ее тело касалось моего.

– Ты поедешь, – твердо сказал я. – Я хочу, чтобы ты надела платье. А что ты выберешь?

Ева вырвалась, но к гардеробу все-таки подошла.

– Не знаю, – ответила она и зевнула. – Я устала и никуда не хочу уходить из дома.

Я открыл платяной шкаф и увидел около полудюжины прекрасно сшитых костюмов разных фасонов.

– Может быть, ты наденешь сегодня для разнообразия платье? – спросил я. – Почему ты всегда так строга в выборе одежды? Как бы я хотел увидеть тебя в каком-нибудь прозрачном платье. Ты бы от этого только выиграла. Оно подчеркнуло бы твою женственность.

– Хватит, Клив, я сама знаю, что мне больше идет, – сказала Ева, вынув из гардероба и снимая с вешалки серый костюм. – Вот что я выбрала. Нравится?

– Конечно. А теперь беги в ванну, – сказал я, садясь на кровать. – Я выкурю сигарету и подожду тебя.

– Я мигом, – сказала Ева довольно бодро, закрывая шкаф.

Пока она была в ванной, я ходил взад и вперед по комнате. Открывал ящики, заглядывая внутрь, и снова задвигал их. Передвигая стеклянные фигурки животных, я подумал о муже Евы. В комнате царила атмосфера какой-то мрачной таинственности. Сколько постыдных тайн хранят стены этой спальни, сколько здесь побывало мужчин! Мужчин, которые приходили сюда украдкой, которых охватил бы страх, если бы их друзья узнали о посещениях этого дома. Эти мысли расстроили меня. Я злился, чувствуя, что все мои попытки завоевать Еву не дадут никаких результатов. Мне была ненавистна мысль, что я должен делить ее со всеми теми

мужчинами, которые являются сюда. В конце концов атмосфера, царящая в спальне, стала настолько невыносимой, что я выскочил в коридор и крикнул Еве, чтобы она поторопилась.

– Сейчас иду! – отозвалась она. – Имей терпение!

Я услышал, как открылась входная дверь. Вошла Марти. Она бросила на меня быстрый, удивленный взгляд и улыбнулась.

– Доброе утро, сэр, – сказала она. – Сегодня чудесное утро, не правда ли?

– Да, – ответил я, не глядя на служанку. Мне было противно смотреть на нее. Я терпеть не мог угодливого выражения ее лица, ненавидел ее за то, что она знает, зачем я здесь. Интересно, что рассказала ей обо мне Ева. Обсуждают ли они между собой проходящих сюда мужчин, смеются ли над ними? Я не могу находиться в одной комнате с этой женщиной, подозревая, что в глубине души она смеется надо мной.

– Скажите мисс Марлоу, что я жду ее в машине, – резко сказал я и вышел из дома.

Минут через двадцать пять появилась Ева. Она была шикарной и нарядной, но, ярко освещенная солнцем, она показалась мне постаревшей и усталой. Я открыл дверцу, и женщина, которую я хотел завоевать, села в машину. Мы посмотрели друг на друга.

– Я нормально выгляжу? – задала свой обычный вопрос Ева.

Я улыбнулся и заверил:

– Восхитительно!

– Не лги. Я действительно выгляжу нормально?

– В таком виде, Ева, ты могла бы пойти куда угодно и с кем угодно, – ответил я, как и в первую нашу встречу.

– Ты не шутишь?

– Нет, не шучу. Причина всех твоих сомнений в том, что ты стыдишься своих поступков и, стыдясь их, чувствуешь себя неполноценной. Пока у тебя все в порядке. Твои тревоги напрасны.

Моя спутница испытующе посмотрела на меня, решила, что я не лгу, и откинулась на сиденье.

– Благодарю тебя, – сказала она. – Куда мы направимся?

– К Никабобсу, – сообщил я, повернул на Сансет-стрит и выехал на улицу Франклина. – Тебя это устраивает?

– Полагаю, что да.

– Я попытался позвонить тебе вчера вечером, но Марти сказала, что ты занята.

Ева состроила гримасу, но промолчала.

– Ты, видно, работаешь целый день и всю ночь напролет? – спросил я, подвергая себя тайной пытке.

– Не будем говорить об этом. Интересно, почему мужчины так любят рассуждать на эту тему?

– Извини... Я совсем забыл, что это твоя профессия. – Я замолчал. Когда обида немного ослабла, я продолжил: – Ты удивляешь меня, Ева. Ты же не жестокая, не правда ли?

Она облизала губы, спросила озадаченно:

– Почему ты так думаешь?

– Потому что тебя легко обидеть.

– Я никогда не говорила тебе этого.

– Ты очень странная. Всегда настороже и боишься, что тебе причинят зло. Ты всех считаешь своими врагами. Я хочу, чтобы ты видела во мне друга.

– Я не нуждаюсь в друзьях. Я не верю мужчинам. Я слишком много знаю о них.

– Это происходит оттого, что сталкиваешься с самыми отвратительными качествами, какие только есть в них. Так ты не хочешь, чтобы я был твоим другом?

Ева безразлично посмотрела на меня.

– Нет, и хватит городить всякий вздор. Ты никогда ничем не станешь для меня. Я все время твержу тебе это. Почему ты не прекратишь эти пустые разговоры?

Да, все бесполезно. Я снова почувствовал, как во мне растет гнев против этой женщины за то, что она разрушает мои надежды. Если бы я мог хоть чем-нибудь растрогать ее, разбить ее холодность и полнейшее равнодушие, добраться до ее нутра.

– Ты достаточно откровенна со мной, – сказал я, – по крайней мере, мне известны мои шансы в отношении тебя, вернее, мне ясно, что у меня нет таковых.

– Интересно, чего ты добиваешься? – спросила Ева. И не только в словах, но и в глазах ее промелькнуло любопытство. – Что скрывается за твоими гладкими фразами? Чего ты хочешь, Клив?

– Тебя, – просто ответил я. – Ты мне нравишься. Ты заинтересовала меня. Я хочу знать, что занимаю какое-то место в твоей жизни. Вот и все.

– Ты – сумасшедший! – раздраженно бросила она. – У тебя, наверное, были сотни женщин. Что ты привязался ко мне?

Да, зачем я привязался к ней? Зачем она мне, когда у меня есть Кэрол? Для чего напрасно терять время и биться головой о каменную стену, когда

при каждой встрече я все отчетливее вижу, что Ева никогда не воспримет меня всерьез? Я понимал: бесполезное занятие уговаривать себя не делать того, что с упорством делаешь, задавать вопросы, на которые есть ответы, но которые не устраивают тебя. На все мои разумные доводы против этой продажной женщины имелся один безрассудный контрдовод: я не могу порвать с ней. И вместе с тем, я сознавал, что, если не произойдет чего-то, что всколыхнет и перевернет душу Евы, наши отношения всегда будут такими же безнадежными, как и теперь.

– К черту других женщин, – сказал я, останавливаясь у Никабобса. – Они не в счет. Для меня существуешь только ты.

Ева нетерпеливо отмахнулась рукой.

– По-видимому, ты сумасшедший. Я же сказала тебе, что ты ничего не значишь для меня. Не могу же я все время повторять тебе одно и то же. Ты для меня – пустое место и навсегда останешься им.

Я вышел из машины. От долгого сидения затекли ноги. Мне было невыносимо скверно от всего, но я решил все выдержать. Поэтому я любезно открыл для Евы дверцу, заговорил почти спокойно, продолжая наш диалог:

– Хорошо. Тебе незачем тревожиться обо мне. Кроме того, если ты уверена, что абсолютно безразлична ко мне, зачем ты согласилась поехать со мной?

Она сурово посмотрела на меня. Я даже подумал, что зашел слишком далеко и что она повернется и уйдет, оставив меня одного. Но Ева отпарировала с обычным своим смешком:

– Должна же я жить! Не правда ли?

Я почувствовал, как кровь отлила от моего лица, но я на свою обидчицу даже не взглянул. Мы вошли к Никабобсу и сели за столик, стоящий напротив входа. Все мои сомнения, которые я пытался от себя гнать прочь, вернулись ко мне с этими проклятыми словами: «Должна же я жить! Не правда ли?» Она сносила мое присутствие только потому, что я платил ей за ее терпение. Это были самые бессердечные, грубые и мерзкие слова, которые приходилось мне когда-либо слышать. Для этой потаскушки я был ничем: не лучше и не хуже любого из украдкой посещающих ее мужчин, готовых оплачивать ее услуги. Я впал в прострацию. Как сквозь сон донесся до меня голос Евы. Он возвращал меня снова к ней. Голос был резким и недовольным. Моя спутница с удивлением смотрела на меня.

– Ты намерен что-нибудь заказать или нет?

Я увидел, что у столика стоит официант. Он с любопытством посмотрел на Еву. Дрожащей рукой я взял меню, но мой мозг все еще

отказывался повиноваться мне. Кое-как я овладел собой. Мне было совершенно безразлично, что заказывать: теперь еда не доставит мне никакого удовольствия. Я почувствовал себя больным и опустошенным. Оттого, что Ева не проявила ни малейшего интереса к выбору блюд, мне стало еще хуже. Она пожала плечами и сказала:

– Выбери сам что хочешь... Мне все равно.

Заказав завтрак, я попросил официанта принести бутылку шотландского виски. Мне ужасно хотелось выпить. Пока официант ходил за виски, я и Ева не проронили ни слова.

– Ты ко всему безразлична и очень хладнокровна, малышка, не так ли? – сказал я и налил в стакан изрядное количество виски.

– Ты так думаешь? – со скучающим лицом спросила она.

Да, завтрак не удался! Чтобы исправить положение и вконец не испортить аппетита, надо что-то предпринимать. От Евы этого не дождешься! Она абсолютно пассивна.

– Есть ли какие-нибудь новости о Джеке? – поинтересовался я, внезапно переменив тему.

– Раз в неделю я разговариваю с ним.

– У него все в порядке?

– Да, все прекрасно.

– Собирается домой?

Ева молча кивнула.

– Сколько он пробудет здесь?

– Неделю... дней десять... я не знаю.

– И я не увижу тебя?

Она покачала головой. У нее был какой-то отсутствующий вид, и я почувствовал, что она не слушает меня.

Чтоб заставить Еву проявить интерес к разговору, я сказал:

– Я хотел бы встретиться с твоим мужем.

На этот раз мои слова дошли до слуха моей спутницы. Она резко подняла голову и посмотрела на меня.

– Да?

– А почему бы и нет?

– Тебе он понравится. – Глаза женщины оживились. – Он всем нравится... но только я по-настоящему знаю его. Все считают его прекрасным парнем. – Она попыталась насмешливо улыбнуться, но улыбка не получилась. – Меня бесит, когда я смотрю, как люди толпятся вокруг него... Если бы они только знали, как он обращается со мной!

Но я знал, что Еве нравится его обращение с ней. Как бы грубо он ни

обходился с ней, она готова все простить ему. Это сквозило в каждой черточке ее лица, в выражении глаз.

– Так мы встретимся все вместе?

– Я поговорю с ним.

Официант принес суп из омаров. Суп был великолепен, но Ева почти не прикоснулась к нему.

– Ты почему не ешь?

– Я не голодна. Ведь я только что встала.

Я резко оттолкнул свою тарелку.

– Ты сожалеешь, что поехала?

– Нет. Я не отправилась бы с тобой, если бы не хотела этого.

– Ты не привыкла говорить людям приятные слова, да?

– Мне это ни к чему. Тебе придется принимать меня такой, какая я есть, или перестать встречаться со мной.

– Ты всегда так груба со своими знакомыми мужчинами?

– А почему бы и нет?

– Это, согласись, неразумно в твоем положении.

– Почему? Они всегда возвращаются. А если так, то зачем тревожиться на этот счет?

Да, ей незачем волноваться. Она говорит правду. Если другие любовники похожи на меня, они, как и я, все равно возвращаются. Я посмотрел на Еву. Я увидел ее холодное, надменное лицо, и у меня появилось желание причинить ей боль.

– Тебе лучше знать, – сказал я, – но с годами ты не станешь моложе. Наступит время, и мужчины не только не будут возвращаться, но они перестанут тобой интересоваться.

Я, кажется, задел Еву за живое. Ее губы сжались. Она вздрогнула.

– Теперь слишком поздно переделывать себя, – сказала она. – Я никогда не бегала за мужчинами и не намерена бегать за ними впредь.

– Знаешь, Ева, – продолжал я, – мне кажется, ты несчастлива. У тебя ужасная жизнь, верно? Почему ты не бросишь все это?

– Все вы одинаковы. Все мужчины говорят так, но не в состоянии изменить что-либо. Кроме того, что бы я стала делать? Заниматься нудной работой по хозяйству? Нет уж, уволь! Я на это не способна.

– Что ж, твой Джек всю жизнь намерен путешествовать? А вдруг он навсегда вернется домой и ты должна будешь создать ему семейный уют?

Избегая моего взгляда, Ева смотрела в зал. Ее глаза потеплели.

– Когда-то мы с мужем хотели купить отель... – начала она, но недосказала и безнадежно добавила: – Не знаю, что нас ждет в будущем.

Официант принес второе блюдо. Когда он ушел, женщина внезапно призналась:

– Ты не поверишь, но вчера вечером я плакала. – Она мельком взглянула на меня, словно желая удостовериться, что я не смеюсь над ней. – Ты не веришь мне, да?

– Почему ты плакала?

– Я почувствовала себя такой одинокой. У меня был тяжелый день. – Ева нахмурилась. – Ты даже не представляешь, какими мужчины бывают отвратительными. Всем им нужно только одно. Ты не знаешь, как я одинока. Как трудно никому не верить.

– Да, у тебя тяжелая жизнь. Ничего отрадного. А ты не можешь зарабатывать деньги как-нибудь иначе?

Лицо женщины стало холодным и замкнутым.

– Нет, – резко бросила она. – Каким образом? Глупо жаловаться, но сегодня у меня скверное настроение. – Ева глубоко вздохнула и сказала: – Как же я ненавижу мужчин!

– Ты расстроена? Почему?

– Пустяки. Не обращай внимания, Клив. Все равно я не скажу тебе.

– Кто-то вчера плохо обошелся с тобой?

– Да. Он пытался... Я не хочу говорить об этом.

– Надеюсь, ты вывела его на чистую воду? – спросил я. Мне не терпелось узнать, что же произошло. В глазах Евы были гнев и презрение.

– Да, вывела. Ноги его больше не будет в моем доме. – Внезапно Ева оттолкнула тарелку, так и не прикоснувшись ко второму блюду. – Пойдем отсюда.

Я жестом подозвал официанта.

– Послушай, Ева, давай иногда завтракать и обедать вместе. Это пойдет тебе на пользу. Я хочу, чтобы ты считала меня своим другом. Даже если ты решила, что не нуждаешься в друзьях, наши встречи дадут тебе возможность выговориться. Я отношусь к тебе по-человечески. Другие мужчины ведут себя с тобой иначе, правда?

Какое-то мгновение моя спутница с удивлением смотрела на меня, а потом сказала:

– Правда.

– Так ты согласна? Тебе будет полезно время от времени уходить от всей этой дряни, верно?

Женщина, казалось, раздумывала, принимать или нет такое предложение. Выбор был сделан в мою пользу.

– Хорошо, – ответила Ева, затем, немного оживившись, добавила: –

Спасибо тебе, Клив. Мне бы хотелось этого.

У меня было такое чувство, словно я победил в трудном бою.

– Прекрасно, – сказал я. – На следующей неделе я заеду за тобой, и мы где-нибудь побываем вместе.

Я оплатил счет. С неудачно начатым завтраком было покончено. Финал же меня вполне устроил. Я и Ева покинули ресторан. Когда мы ехали назад и повернули на Лаурел-Каньон-Драйв, моя спутница неожиданно для меня призналась:

– Я получила большое удовольствие. Ты странный парень, Клив. Это правда.

Я рассмеялся.

– Да? Но только по сравнению с твоими другими знакомыми. Я вижу, ты все еще думаешь, что я чего-то хочу от тебя. А мне ничего не надо. Ты интересуешь меня. Мне нравится проводить с тобой время.

Мы остановились у ее дома. Я не имел намерения идти в дом, поэтому задержался у машины.

– Ты зайдешь? – спросила Ева и улыбнулась.

Я покачал головой.

– Нет.. Сегодня нет. Все будет хорошо, Ева. Я хочу поскорее встретиться с тобой.

Она стояла и смотрела на меня. Губы ее улыбались, но глаза стали печальными.

– Ты правда не хочешь зайти ко мне?

– Я хочу быть твоим другом. Я заеду за тобой на следующей неделе. Ты пойми, я не могу относиться к тебе так, как другие мужчины.

Глаза женщины стали холодными, а губы все еще сохраняли улыбку.

– Понимаю, – сказала она. – До свидания. Спасибо тебе, Клив, за обед.

Для меня наступил критический момент. Я видел, что Ева разочарована и сердится за то, что я отказываюсь побыть с ней. Я видел это по выражению ее глаз. Но я должен придерживаться своей линии поведения, чтоб рано или поздно все-таки завладеть этой женщиной. Несмотря на ее резкие слова, сказанные при входе в ресторан, я твердо решил довести дело до конца. Я не буду, как Херви Бероу, платить ей деньги за удовольствие побыть в ее обществе. Я настроен всячески развлекать эту сумасбродку, выслушивать излияния о Джеке и ее неприятностях, но платить не стану. Отныне Ева не получит от меня ни копейки.

– Значит, ты позвонишь мне?

– Да, до свидания, Ева, и не вздумай плакать.

Она отвернулась и быстрыми шагами направилась к дому. Я сел в машину, закурил сигарету, включил мотор и медленно поехал по улице. Завернув за угол, я увидел мужчину, идущего навстречу машине. Я сразу же узнал его. Да, это был Херви Бероу. Я сначала проехал мимо. Интересно, что понадобилось Херви Бероу в этом районе? Я обманывал себя наивным отрицанием очевидного. Да, мне было ясно, для чего объявился здесь этот тип, но я отказывался верить тому, что он приехал повидать Еву. Подрулив к обочине, я остановился. Я выскочил из машины и побежал за ненавистным мне Херви. Миновав поворот, я увидел, что этот мерзавец направился на Лаурел-Каньон-Драйв. У дома Евы он замедлил шаги и нерешительно остановился у калитки. Я хотел заорать, хотел подбежать и врезать кулаком по безобразному, жестокому лицу Херви. Но вместо этого я стоял и смотрел ему вслед. Он пинком ноги открыл калитку и быстрыми шагами направился к дому.

Глава 13

Я успел забыть о своей первой встрече с Херви Бероу. Он казался мне тогда таким незначительным и мелкотравчатым существом, что, выгнав его из Фри-Пойнта, я перестал думать о его существовании. Мне и в голову не приходило, что он попытается снова встретиться с Евой. Она так грубо обращалась с ним, и я так унизил его в ее присутствии, что я считал невероятным, чтобы он пошел к ней. Он делил ее со мной, тем самым низводил меня до своего собственного уровня.

Я возвращался домой, окончательно еще не отделавшись от охватившего меня при виде Бероу чувства стыда и унижения. Войдя в квартиру, я в коридоре встретил слугу. Достаточно было одного взгляда на его лицо, чтобы понять, что меня ждут новые неприятности.

– Вас ожидает мисс Венсингер, сэр, – объявил Рассел.

Я уставился на него.

– Она ждет меня? – переспросил я. – Давно она здесь?

– Только что вошла. Она сказала, что пришла по важному делу и хочет минут десять подождать вас.

Интересно, зачем Мерль Венсингер приехала ко мне? Если она бросила работу и проделала из-за меня немалый путь, значит, дело действительно важное и срочное. Обычно эта особа редко покидает свою контору.

– Хорошо, Рассел, – сказал я, вручив ему шляпу. – Я немедленно переговорю с мисс.

Я вошел в гостиную.

– Привет, Мерль! – сказал я, подходя к ней. – Ты у меня, какой сюрприз!

Мерль Венсингер была высокой, полной, рыжеволосой, приятной женщиной. Она прекрасно выглядела для своих сорока лет и являлась самой шикарной дамой в Голливуде. Стоя перед холодным камином, эта деловая особа с яростью посмотрела на меня.

– Если это для тебя сюрприз, то пойдй налей себе бренди, – сказала она, сделав вид, что не замечает протянутой мной руки, и усаживаясь на подлокотник кушетки, – оно тебе может здорово пригодиться.

– Послушай, Мерль, приношу тебе свои нижайшие извинения за статью в «Дигест»... – сказал я.

– К черту статью! – огрызнулась мисс. – У тебя и без этой статьи

неприятностей хоть отбавляй. – Мерль порылась в сумке и вытащила оттуда помятую пачку «Кэмела». – У меня мало времени, поэтому перейдем к делу. Скажи мне только одно... ты на самом деле ударил Френка Ингрема?

Я провел рукой по волосам.

– Ну а что, если ударил? Тебе-то какое до этого дело?

– И он еще спрашивает, какое мне дело! – Мерль возвела глаза к потолку. – Просто смех. Он избивает человека, от которого зависят колоссальные доходы Голливуда, ломает ему зубной протез, и при этом он еще спрашивает, какое мне до этого дело! – Гостья впилась в меня взглядом. Ее зеленые глаза горели злобой. – Ты животное! Презренное животное! Я даже представить не могу, какие родители могли произвести на свет такое чудовище. Ты подвел меня со статьей в журнале, но это пустяки. В дальнейшем я учту, что с тобой нельзя связываться. Но твоя выходка в отношении Ингрема... она же равносильна убийству!

– Говори о деле! – прервал я Мерль. – Чем мне это грозит?

Она бросила сигарету и подошла к окну.

– Дела хуже некуда, Фарстон. Ты настроил против себя самого могущественного и влиятельного человека в Голливуде... ты... пошел против Голда. Он намерен покончить с тобой, и он это сделает. Между нами говоря, тебе остается только одно: собрать чемоданчик и удрать как можно скорее. Что касается Голливуда... то тут твоя карьера окончена!

Я подошел к буфету и налил большой стакан виски. Мне это было необходимо. И моя посетительница это верно предвидела.

– Налей и мне! – потребовала Мерль. – Ты думаешь, что только у тебя есть нервы?

Я принес ей стакан виски и сел.

– А как же мой контракт с Голдом? – спросил я. – Надеюсь, ты сможешь Голду расторгнуть его?

Мерль была сражена моими вопросами. Они поставили ее в тупик своей наивностью.

– Нет, вы только послушайте, что он говорит! – воскликнула мисс Венсингер, глядя на вазу с цветами. И было такое впечатление, что именно им адресуются слова Мерль. – Контракт! Этот парень воображает, что он заключил контракт с Голдом! – Она резко повернулась и уставилась на меня. – Даже несведущему в деловых вопросах человеку ясно, что такое контракт! Разве это соглашение? В нем же нет ничего определенного. Если Голду не понравится твое сочинение, он вправе отказаться от него, не заплатив тебе ни гроша.

– А может быть, оно ему понравится, – неуверенно пробормотал я. –

Уж не хочешь ли ты сказать, что Голд способен отказаться от выигрышного сценария только из-за того, чтобы свести со мной счеты?

Мерль с жалостью глядела на меня.

– Неужели ты не понимаешь, что твоя пьяная выходка обошлась Голду в сто тысяч долларов? Твой сценарий должен быть шедевром, чтобы заставить такого человека, как Голд, простить потерянные по твоей вине сто тысяч. Если ты хочешь знать мое мнение на этот счет, то изволь: во всем Голливуде не отыщется такого писателя, ради которого Голд поступился бы такой огромной суммой.

Я допил стакан и закурил сигарету.

– Хорошо, – сказал я, стараясь не поддаваться панике. – Что же мне теперь делать? Ты же моя поверенная в делах! Какой выход ты можешь предложить мне?

– Выхода нет. Голд занес тебя в черный список, и теперь ничего не поделаешь. Тебе остается писать только романы. С пьесами и киносценариями дело покончено.

– Ну нет! – разозлившись, воскликнул я. – Он не смеет так поступать со мной. Это же сумасшествие...

– Возможно, что и так, но я-то его приемы хорошо знаю. Голд – единственный человек в Голливуде, на которого я не имею ни малейшего влияния, с которым я не могу управиться. Только известная нам обоим особа может сгладить обстановку и примирить тебя с Голдом.

Я уставился на мисс Венсингер.

– О ком это ты? Кто это?

– Твоя приятельница... Кэрол Рай.

Я поднялся. Упоминание имени Кэрол рядом с именем Голда меня покорило.

– Что ты хочешь этим сказать?

Гостья жестом указала мне на кресло.

– Сейчас я скажу тебе кое-что, только не расстраивайся! Кэрол Рай могла бы помочь тебе, потому что она и Голд – вот так. – Мерль скрестила пальцы.

– С каких это пор? – спросил я, стараясь унять дрожь в голосе.

На лице Мерль отразилось недоумение.

– Разве ты не знаешь, что Голд сделал твоей подружке предложение?

– Знаю. Но это еще ничего не значит.

– Да что с тобой происходит? Я объясню тебе более доступно, тогда, может быть, ты поймешь... Голд никогда не был женат. Ему около шестидесяти лет. Внезапно он влюбляется в девушку, а ты говоришь, что

это ничего не значит. Для Голда – это все. Если человек влюбляется в таком возрасте, то это чувство обрушивается на него с такой силой, которая граничит с крушением, землетрясением, потопом, а может, с еще более грандиозным по масштабности событием. Поверь мне, эта девушка может вить из Голда веревки, он сделает все, что только ей заблагорассудится. Дошло теперь, что только Кэрол может примирить тебя со стариком Голдом.

Я глубоко вздохнул и попытался сдержать раздражение, чувствуя, что от напряжения мой лоб покрывается потом.

– Спасибо тебе, Мерль. Я подумаю об этом. – Не знаю, каким чудом мне удалось устоять против соблазна избить ее. Наверное, я подумал о том, что и так нажил себе слишком много врагов. – Я позабочусь об этом.

Мисс Венсингер встала.

– Тебе придется поклониться ей в ножки, Фарстон, – сказала она. – Это единственный выход для тебя. Собственно, поступай как знаешь. На твоём месте я бы бросила писать этот киносценарий и взялась бы за роман. Ко мне, кстати, уже заглядывали твои кредиторы и расспрашивали о твоих взаимоотношениях с Голдом. Пока мне удалось успокоить этих шакалов, но шила в мешке не утаишь. Скоро им будет известно, что ваш контракт расторгнут.

Я был как громом поражен этим сообщением и, не находя слов, уставился на Мерль.

– Да, вот еще что! – Гостья уже подошла к двери, но остановилась. – На студии разнесся слух, что тебя часто встречают в обществе какой-то проститутки.

Я задрожал от гнева.

– Хватит, Мерль! Для одного утра ты уже достаточно наговорила мне гадостей. Не суй свой нос в мои личные дела, – огрызнулся я, отвернувшись от осточертевшей мне посетительницы.

Она воззрилась на меня, как на редкий экспонат, и всплеснула руками.

– Значит, это правда! – сделала вывод Мерль. – Ты что, взбесился? Неужели тебе недостаточно женщин в этой огромной помойной яме, именуемой Голливудом, что ты еще стал волочиться за проститутками? Все судачат о тебе, Фарстон. Учти, ни один писатель не может позволить себе, чтобы о нем злословили. Ради всех святых, возьми себя в руки, иначе нам придется расстаться.

Я почувствовал дрожь в каждой клеточке тела, сердце, казалось, рванулось, чтоб потом забиться у самого горла.

– Голливуд не имеет права распоряжаться моей личной жизнью, не

имеет права приказывать мне! – крикнул я. – И тебе тоже не дано такого права, Мерль! Разреши мне самому выбирать себе приятельниц. – Если же они тебе не по душе, что ж, как говорится, – на вкус и цвет товарищей нет. А теперь я больше тебя, мисс Венсингер, не задерживаю.

– Ну и идиот же ты! – злобно проговорила она. – А я-то думала, что мы вдвоем сможем зарабатывать большие деньги. Я ошиблась. Ну, поступай как знаешь. Для меня этот разрыв не имеет ни малейшего значения, тем более что ты катишься по наклонной плоскости. Ты знаешь меня, Фарстон, я всегда была откровенной. Если ты не перестанешь встречаться с этой женщиной, твое имя будет смердеть, как труп месячной давности. Будь же благоразумен. Если ты действительно не можешь обойтись без нее, не появляйся с ней в людных местах. Держи ее ото всех подальше, чтобы ее никто не видел.

Меня охватила такая злоба, что опять появилось желание ударить бывшую, как я теперь понимал, поверенную в моих делах.

– Уходи, Мерль! – крикнул я, открывая перед ней дверь. – На свете и без тебя достаточно хищниц, которые с радостью согласятся вести мои дела. Насколько я сообразил, наши взаимоотношения кончены.

– Прощай, – сказала она. – Считаю каждую копейку, Фарстон. Скоро тебе это занятие здорово пригодится.

Мерль хлопнула дверью, прежде чем я нашелся что-либо ответить на оскорбление этой мегеры. Я стал бегать взад и вперед по комнате. Мои кредиторы? Но у меня, кажется, нет счетов на крупные суммы. Что она имела в виду? Я позвонил Расселу.

– У нас есть неоплаченные счета? – спросил я, когда слуга вошел в комнату.

– Всего несколько, сэр, – сказал он, вопросительно подняв брови. – Я думал, что вы следите за их оплатой.

Я подошел к столу и, открыв один из ящиков, вытащил счета.

– Ты, а не я должен следить за их оплатой, – сердито сказал я слуге. – Я не могу сам заниматься всеми делами.

– Но я никогда не видел этих счетов, – запротестовал Рассел. – Если бы я знал, что есть неоплаченные...

– Хорошо, хорошо, – раздраженно проговорил я, зная, что он прав. – Я привык класть счета в этот ящик и хотел погасить их в конце месяца. Но мне всегда не доставало времени, чтобы просмотреть их. – Я сел за стол. – Вот тебе, Рассел, карандаш и бумага. Я буду диктовать цифры, а ты их записывай, – сказал я.

– Что-нибудь не так, сэр? – с тревогой спросил Рассел.

– Делай, что я сказал, и, ради Бога, не задавай лишних вопросов.

Через полчаса я узнал, что должен различным магазинам и портным тринадцать тысяч долларов. Я был растерян. Лицо слуги выражало озабоченность.

– Плохо дело, – сказал я и скорчил гримасу. – Да, очень плохо.

– Но они же могут подождать, сэр, – начал успокаивать меня слуга, нервно потирая подбородок. – Ведь мистер Голд заключил с вами контракт, не правда ли? Я хочу сказать, что скоро вы снова начнете зарабатывать, ведь так больше продолжаться не может. Я думал...

– Неважно, что ты думал, – взорвался я. – Я плачу тебе жалованье не за мысли, которые вертятся в твоей голове, а за работу. Ладно, как-нибудь перебьемся, надо браться за дело.

Когда слуга ушел, я взял банковскую книжку. На моем текущем счету значилось пятнадцать тысяч долларов. Если то, что сказала Мерль о моих кредиторах, правда, и если они действительно встревожились, то скоро я окажусь без гроша в кармане. Я протянул руку, чтобы положить на стол банковскую книжку, и увидел, что рука моя дрожит. Впервые, с тех пор как я приехал в Голливуд, я усомнился в прочности своего финансового положения. До сих пор «Остановка во время дождя» приносила мне стабильные доходы, книги мои все еще находили спрос, и я был уверен в своем будущем. Но поступления гонорара за пьесу и отчисления от продажи книг резко снизились и не могут длиться бесконечно. Чтобы поправить денежные дела, я должен работать над полученным заказом, к выполнению которого я еще не приступал. Мой сценарий должен удовлетворить Голда. Иного выхода нет. И необходимо уменьшить расходы. Я слишком много трачу. Придется отказаться от Фри-Пойнта. Но до конца месяца я все еще должен оплачивать его. Моя квартира тоже обходится в кругленькую сумму. И все ж теперешние мои апартаменты я вынужден буду сменить в самую последнюю очередь, только в случае крайней необходимости: стоит только снять более дешевую квартиру, как весь Голливуд начнет сплетничать. А если пойдет слух о том, что у тебя туго с деньгами, считай, что с тобой покончено. В Голливуде о людях судят не по их талантам, манерам или умению вести себя в обществе, а только по суммам доходов.

Весь следующий и два других дня я потерял на то, чтобы написать черновик сценария. Я работал как проклятый, но в конце третьих суток обнаружил, что не написал ничего ценного. Главной причиной моей неудачи было то, что впервые в жизни я знал, что должен написать хорошо. Охваченный паникой, я не мог трезво и ясно думать над тем, что пишу, и,

нервничая все больше и больше, исписал страницы словами, не имеющими никакого смысла. В конце концов я отодвинул от себя пишущую машинку, налил в стакан виски с содовой и стал как неприкаянный кружить по комнате. Часы показывали 7.10. Без всяких раздумий я подошел к телефону и позвонил Еве. С моей души словно свалился груз, когда я услышал родной голос. Я понял, что последние два дня изнывал от желания позвонить Еве. Она была мне необходима как воздух. Я был убежден: Ева скрасит одиночество и поможет обрести веру в себя.

– Привет, – сказал я. – Как себя чувствуешь?

– Хорошо, Клив. А ты?

– Прекрасно. Послушай, Ева, давай пообедаем вместе. Можно сейчас заехать за тобой?

– Нет... нельзя.

Такого ответа я просто не ожидал. Мое настроение сразу испарилось.

– Не говори так. Мы же договорились в прошлый раз.

– Конкретно о каком-то дне недели разговора не было.

– Но я хочу видеть тебя сегодня, – настаивал я, слушая, как кровь больно стучит в висках.

– А я не могу сегодня, Клив. Я занята.

«Неужели эта бессердечная женщина не может хотя бы сказать, что жалеет, что мы не сможем увидеться?» – подумал я, охваченный злобой на Еву.

– Я должен это понимать так, что тебя уже пригласили обедать?

– Да... если тебе уж так надо все знать.

– Хорошо, хорошо. И все же я настаиваю на встрече. Ты не могла бы отказаться от сделанного тебе кем-то предложения ради меня?

– Нет.

Я уже готов был бросить трубку, но меня остановил страх остаться наедине с самим собой, со своими безрадостными мыслями. Я сделал последнюю попытку уговорить эту несносную женщину.

– А не сможем ли мы встретиться после этого обеда? – В ожидании ответа я думал о том, что совершу что-либо ужасное, если прозвучит и на этот раз «нет».

– Пожалуй, сможем, – неуверенно отозвалась Ева. – Ты действительно хочешь видеть меня?

Опять она мерит меня общим аршином со своими клиентами. Неужели она воображает, что я стал бы унижаться перед ней, если бы у меня не было потребности во встрече.

– Да, очень! – ответил я. – Когда тебе удобнее?

– В 9.30.

– Может быть, ты позвонишь мне, когда будешь свободна и вернешься домой. Я тут же приеду.

– Хорошо.

Я дал ей свой телефон.

– Значит, в 9.30 я жду твоего звонка.

– Хорошо, – согласилась Ева и повесила трубку.

Этот разговор оставил неприятный осадок, потому что я как холуй просил проститутку о такой малости – о свидании. Утешил лишь результат, хоть добыт он был неприятным мне способом. Но, когда невыносимо болит зуб, ничего больше не остается, как удалить его. У меня тоже не было другого выбора, как пойти на тот унижительный разговор: я просто не мог провести эту ночь в одиночестве.

Я все еще был занят мыслями о Еве, когда в комнату вошел Рассел. Он увидел разбросанные по столу бумаги, но нужного впечатления они на моего слугу не произвели.

– Послушай, Рассел, – раздраженно сказал я, – не будь надутым, как епископ. Да, дела у нас неважные. Фактически все летит кувырком.

Брови слуги поползли вверх.

– Очень жаль, сэр, – сказал он. – Произошло что-то очень неприятное? Внезапно у меня появилось желание поделиться с ним наболевшим.

– Присаживайся, Рассел, – предложил я, махнув рукой в сторону кресла. – Я хочу поговорить с тобой.

– Я лучше постою, мистер Клив, – ответил слуга, не скрывая удивления по поводу услышанного предложения.

– Сядь же, ради Бога! – крикнул я и, когда он сел, глядя на меня с испугом и тревогой, добавил: – Извини, Рассел, мои нервы на пределе. И если ты весь вечер намерен держать себя подобным образом, то нет смысла затевать этот разговор.

– Вы правы, мистер Клив, – согласился слуга и поудобнее устроился в кресле напротив меня. – Может быть, я могу чем-нибудь помочь вам?

Я покачал головой.

– Помочь мне никто не сможет, но я должен поговорить с кем-нибудь, – сказал я и, протянув руку, взял сигарету. – Мы уже порядочное время живем вместе, не так ли? Таким образом, твое будущее тесно связано с моим. Если дела мои станут плохи, тебе от этого не станет легче. Готов ли ты делить со мной не только мои успехи, но и неприятности?

Рассел, пристально глядя на меня, молчал.

– Шансы мои значительно упали, – продолжал я. – Кэрол меня

бросила. Мисс Венсингер отказалась вести мои дела, сценарий не продвигается ни на шаг, и я в долгах. Я попал в чертовски трудное положение. Ты мог себе такое представить?

Я видел, что озадачил слугу своим признанием.

Рассел, собираясь ответить, почесал затылок, зачем-то провел ладонью по лысине.

– Я не понимаю, что на вас нашло, мистер Клив, – сказал он. – Было время, когда вы работали с утра до ночи. Потом вы забросили работу. Меня это очень тревожило. Не сердитесь, но с тех пор, как вы послали меня с книгой к этой мисс Марлоу, у вас начались одни неприятности.

– Все вы стараетесь свалить всю вину на нее, – возразил я, вскочив с кресла и принимаясь расхаживать по комнате. – И все вы ошибаетесь. Я даже представить себе не могу, что бы я делал без мисс Марлоу.

– Мне трудно этому поверить, сэр, – сказал слуга, не мигая уставясь на меня. – Надеюсь, она не влюблена в вас?

Меня рассмешило предположение, пришедшее в голову слуге.

– Не бойся, Рассел, я не намерен жениться на ней, если тебя это беспокоит. К тому же должен откровенно сознаться: она совершенно безразлична ко мне. Ты не поверил бы мне, если бы я рассказал тебе, как эта женщина обращается со мной. – Я загасил сигарету и тут же закурил новую. – Ты ведь не знаешь, что я чувствую себя очень одиноким. Наверное, это удивляет тебя, но это именно так. Я ужасно одинок, и не найдется ни одного человека, с которым я мог бы поговорить по душам. Мои голливудские знакомые не годятся для этого. С ними откровенно не поговоришь. Мы все боимся сказать друг другу лишнее слово. Доверься – и тебя поднимут на смех. Если ты не занимаешься саморекламой и не кричишь о своих достижениях и доходах, там тобой никто не интересуется.

Рассел сидел, сложа руки на толстых коленях, слушал внимательно. Мои последние слова его особенно поразили.

– Мне это непонятно, мистер Клив, – недоуменно произнес слуга. – Ведь у вас же есть друзья. Например, мистер Теннет. Почему вы никогда не пригласите его в дом пообедать с вами?

– Питера? Не будь идиотом. У него есть все на свете. Зачем ему скучать в моем обществе? – Я сел. – И Кэрол не до меня. Она – талант. Кроме того, она выходит замуж за Голда. Неплохо, не правда ли? Она станет женой старого негодяя Голда только потому, что он гребет деньги лопатой.

– Но ведь вы же сами виноваты в этом, сэр, не так ли? – вежливо уточнил Рассел. – Мне кажется, вы могли бы быть очень счастливы с мисс

Кэрол, если бы не ваша новая знакомая.

– Хватит говорить о мисс Марлоу, – раздраженно перебил я. – Понимаешь, я не могу бросить ее. – Помолчав немного, я продолжал: – Дело в том, Рассел, что я влип, как кур во щи. Я начал с того, что забавлялся с ней, а теперь – проклятье! – дело обернулось гораздо серьезнее. Она у меня в крови.

Лицо Рассела стало мрачным.

– Но, сэр...

– Брось увещевать меня! – взорвался я. – Я в отчаянном положении. Я ничего не могу поделывать с собой. Мне нужна эта женщина, и я не могу расстаться с ней.

Слуга немного подумал и заговорил:

– В этом нет ничего странного, сэр. Вы не первый и не последний, кто попал в лапы такой женщины, как эта мисс Марлоу. Это и раньше происходило и будет случаться, пока Земля вертится.

Я уставился на Рассела.

– Что ты имеешь в виду? Что ты-то обо всем этом знаешь?

Он спокойно посмотрел на меня.

– Я значительно старше вас, мистер Клив, у меня больше опыта в житейских делах, и неприглядные стороны жизни мне известны в большей степени. Боюсь, что, если мужчина свяжется с подобной женщиной, он рано или поздно пожалеет об этом.

Я провел рукой по волосам.

– Знаешь, Рассел, она совсем не похожа на обычную проститутку. Ева – особенная женщина! Господи! Уж не думаешь ли ты, что я мог связаться с обыкновенной уличной потаскушкой? Ведь не думаешь же ты так?

Он покачал головой.

– Знаете, сэр, что я скажу вам: эта Марлоу ничем не отличается от любой уличной девки. Неужели вам это непонятно? Ева, как вы ее назвали, может иначе выглядеть. У нее могут быть другие методы завлечения мужчин, но по своей сути она такая же, как все продажные женщины. Они монстры. И с ними могут справиться только такие же выродки, как они сами. Дамочки этого сорта не испытывают к своим клиентам никаких чувств, кроме тайного презрения, и считают мужчин, которые тратят на них свои деньги, рабами своих страстей, полагая, что рассчитываться за свои пагубные наклонности эти сластолюбцы должны кошельком. Иного расчета, кроме как денежного, в той среде не существует. Главное в жизни для проституток – деньги. Большинство из них – пьяницы. Как вы вообще можете сравнивать их с нормальными женщинами?

Я облизал губы и уставился на Рассела.

– Пожалуй, ты прав, – наконец сказал я. – Но почему же такое произошло со мной? Почему эта проклятая Ева, словно болото, засосала меня? Что она так держит меня?

– А вы уверены, что она держит вас, сэр? – спросил он. – Ведь с такими женщинами знаются чаще всего те, кто испытывает комплекс неполноценности. Вы, считая себя неудачником в жизни, решили, что Ева, чье социальное положение ниже вашего, чья жизнь вообще растоптана, укрепит вашу веру в себя. Вы, утверждаясь в глазах существа более несчастного, чем сами, укрепитесь верой в своем превосходстве. Вам жаль в первую очередь себя, поэтому вы прониклись этим чувством и к падшей женщине, видя, что обоих жизнь завела в тупик. Вы уверились, что Еву никто не любит. Она и сама это знает, понимает, что фактически никому не нужна, поэтому она и не верит ни одному из мужчин, которые крутятся вокруг нее. Сегодня, завтра, через неделю, через год она надоест им, и они уйдут к другим. Такие женщины не имеют жизненных корней. Они живут только сегодняшним днем, а завтрашнего они просто боятся. Вы, наверное, считаете, что у вас много общего с мисс Марлоу. У нее нет будущего. Вы склонны думать, что у вас тоже нет его. Она одинока, ее окружают недостойные, грязные люди. И вы считаете себя одиноким среди незаурядных людей и уверены, что они не интересуются вами, ставя вас ниже себя. Если вы допускаете подобного рода мысли в отношении себя, то вполне закономерно они привели вас к убеждению, что вы не можете обойтись без этой женщины.

Я бросил сигарету.

– Ну и умен же ты, старый дьявол! – произнес я, боясь посмотреть слуге в глаза. – Мне даже и в голову не приходило, что ты так хорошо во всем разбираешься.

Он позволил себе вежливо улыбнуться.

– Надеюсь, я не обидел вас, мистер Клив, – сказал Рассел и, вынув носовой платок, вытер им вспотевший лоб.

Весь следующий час я не находил себе места и, по мере того как минутная стрелка продвигалась к заветной цифре, мое волнение становилось все сильнее. После ужина я включил радио. В 9.25 я выключил его и попробовал читать, но глаза мои то и дело устремлялись к телефону. Еще пять минут – и раздастся звонок. Это будет самым настоящим триумфом для меня: впервые за время нашего знакомства она, а не я, предпримет попытку встретиться со мной. Впервые инициатива будет исходить от Евы. Это будет лучшим доказательством тому, что я что-то

значу для нее. Я снова посмотрел на часы. Они показывали 9.37. Время, на которое был назначен звонок Евы, прошло. Я успокаивал себя тем, что хоть эта своенравная женщина и не может быть пунктуальной, но данное слово сдержит. Я убеждал себя, что вот-вот телефон зазвонит. Но лучше от этого не становилось. Я уже не мог концентрировать свое внимание на книге, я сидел и ждал, держа в руках сигарету и ощущая в желудке какую-то странную боль и пустоту. Рассел заглянул в комнату, чтобы узнать, не угодно ли мне что-нибудь. Я нетерпеливо отмахнулся от него.

– Поставить машину в гараж, сэр?

– Нет. С минуты на минуту я уеду.

– У вас больше нет распоряжений, сэр?

Я едва сдержался, чтобы не закричать.

– Благодарю тебя, Рассел, – сказал я подчеркнуто спокойно. – Доброй ночи, и не ворчи, если я вернусь поздно.

Когда он ушел, я тут же хотел посмотреть на часы, но сдержался. «Ты не будешь сверять время, пока она не позвонит, – сказал я себе. – Бесполезно то и дело смотреть на часы. Это тебе не поможет. Ева обещала позвонить – значит, она позвонит. Наберись терпения и жди». Я закрыл глаза и стал ждать, охваченный сомнениями и разочарованием, что надежды мои не оправдались. Потом я начал считать. Досчитав до 800, я открыл глаза и глянул на часы. Было 10.05. Подойдя к телефону, я набрал Евин номер. Телефон звонил, но к нему там, куда рвалась моя душа, никто не подходил. «Будь ты проклята, Ева, – сказал я себе. – Будь ты трижды проклята!» Я налил стакан виски и закурил сигарету. Меня охватила холодная ярость. Я проклинал Еву. Она всегда была такой: лживой, эгоистичной и равнодушной. Она же сама обещала позвонить мне. Для чего? Чтоб тут же забыть об этом. Ей и в голову не приходит, что она испортила мне весь вечер. Ей наплевать на меня. В 10.30 я позвонил снова, но результат был тот же: мне никто не ответил. В ярости я метался по комнате. Я безразличен этой твари. Она ведь свободна в выборе клиентов. Я покажу этой шлюхе! Она поплатится за то, что дурачит меня! Я с отвращением бросил сигарету. Но как могу отомстить ей, когда не могу даже сделать ей больно? У меня нет возможности разбить ее безразличие. Я бессилён. «Если когда-нибудь ты будешь у меня в руках, Ева, – поклялся я себе, – ты пожалеешь, что была так бессердечна со мной. Ты еще раскаешься в этом». Но, произнося эти слова, я прекрасно знал, что этого никогда не произойдет. Никогда не будет по-моему! Если наши встречи все-таки продолжатся, страдающей стороной всегда буду я. Я постоянно стану уступать этой дрянной женщине, всегда буду идти у нее на поводу, потому

что она равнодушна ко мне, потому что ей наплевать на меня. Вот и теперь, проявляя бесхарактерность, я звонил Еве непрерывно через каждые десять минут. Я твердо решил поговорить с ней, даже если мне придется звонить всю ночь напролет. В 11.30 мне ответили.

– Кто говорит?

– Ева... – Я замолчал. Ярость и усталость лишили меня дара речи. Только спокойствие и безразличие, прозвучавшие в голосе женщины, заставили меня собраться с мыслями.

– Я все время ждал твоего звонка. Ты же сказала, что позвонишь в 9.30. Посмотри на часы. Я все ждал и ждал...

– Да? – произнесла с недоверием Ева и добавила: – Господи! Я совершенно пьяная!

– Ты пьяная? – закричал я. – Ты даже не вспомнила обо мне?

– Хватит, Клив. Я устала и не хочу разговаривать с тобой. Сейчас не время!

– Но мы же должны были встретиться. Почему ты так поступила?

– А почему я не должна поступать так, как мне нравится? – огрызнулась она. – Ты слишком много позволяешь себе. Говорю тебе, я устала...

Я знал, что сейчас разговор прервется: Ева просто-напросто повесит трубку. Я занервничал и запаниковал. Меня продолжала мучить бессильная злоба. Но сказанные мной слова были полны унижительной мольбы:

– Подожди, Ева, не бросай трубку. Выходит, встреча не состоится и я не увижу тебя сегодня. Очень жаль, я понимаю, что ты устала, но ты могла бы позвонить мне. Ты же знала, что я жду твоего звонка. Неужели после всего того, что произошло в уик-энд, я не заслужил, чтобы ты относилась ко мне хоть немного лучше?

– Хватит! – воскликнула она. – Если тебе уж так хочется, то приезжай сейчас. Только прекрати эту пустую болтовню. Еще ведь не слишком поздно? Приезжай, и хватит ныть.

Прежде чем я успел что-либо ответить, прозвучали гудки. Я не колебался и, схватив шляпу, побежал к лифту. Через несколько минут я уже сидел за рулем и мчался на Лаурел-Каньон-Драйв. Ночь была тихая и лунная. Несмотря на оживленное движение, я через тринадцать минут подъехал к Евиному дому. Я постучал, и она тут же открыла дверь.

– Ты невыносим, Клив, – сказала моя мучительница, входя в спальню. – Что с тобой происходит? Мы же недавно виделись.

Я смотрел на Еву, стараясь побороть раздражение. На ней был голубой халат, и от нее ужасно пахло виски. Она посмотрела на меня и скорчила

гримасу.

– Господи! – произнесла Ева и зевнула. – Как же я устала!

Она растянулась на кровати и смотрела на меня как на что-то неодушевленное. Я заметил, что глаза женщины слипаются. Я склонился над ней, и внезапно меня охватило отвращение.

– Ты совсем пьяная, – недовольно проговорил я.

Ева приложила руку к голове.

– Да, – подтвердила она, снова зевнула и добавила, закрыв глаза: – Я много выпила.

– Как ты могла так поступить со мной? – закричал я, испытывая огромное желание схватить ее за плечи и хорошенько встряхнуть. – Я так долго ждал. Неужели в тебе совсем нет человечности?

Ева с трудом приподнялась на локте. Лицо ее застыло в гримасе, а глаза были похожи на мокрые камешки.

– Человечности? – повторила пьяная женщина. – К тебе? С чего бы я стала по-человечески относиться к тебе? Да кто ты такой есть? Я предупреждала тебя, Клив. Для меня существует только один человек на свете – Джек.

– Замолчи, я не хочу слушать о твоём проклятом Джеке! – взорвался я.

Ева разразилась смехом.

– Если бы ты только посмотрел на себя со стороны! Как же глупо ты выглядишь! – еле смогла выговорить она сквозь свой идиотский хохот. – Сядь и не стой надо мной как вкопанный!

Внезапно я возненавидел ее.

– Где ты шлялась все это время?

– Нигде. Я работала. А тебе нет до этого никакого дела.

– Ты хочешь сказать, что забыла обо мне?

– Нет, не забыла. – Ева снова захихикала. – Я помнила, но я подумала, что ожидание пойдет тебе на пользу. Именно поэтому я заставила тебя ждать. Теперь ты, может быть, уже не станешь смотреть на меня как на свою собственность.

Я готов был ударить Еву за ее безжалостные слова.

– Хорошо! – сказал я. – Если ты так со мной поступаешь, то мне лучше уйти.

Женщина с трудом встала с кровати и обвила руками мою шею.

– Не глупи, Клив, оставайся... Я хочу, чтобы ты остался.

«Ты хочешь сказать, что тебе нужно вытянуть из меня деньги, грязная шлюха», – подумал я и, разняв руки Евы, толкнул ее на кровать.

– Ты, Ева, безобразно пьяна, – сказал я и отошел от кровати. – Мне и в

голову не приходило, что после нашего уик-энда ты можешь так относиться ко мне.

Ева закинула руки за голову и захихикала.

– Хватит тебе жалеть себя. Я, помнишь, предупреждала, что получится, если ты влюбишься в меня! Ведь предупреждала же? Будь пай-мальчиком и ложись в кровать!

Я присел на кровать.

– Неужели ты, Ева, или как там тебя зовут еще, действительно думаешь, что я влюблен в тебя? А ты ко мне безразлична, совершенно безразлична, да?

Женщина облизала губы и отвернулась.

– Мне надоели мужчины, которые влюбляются в меня. Они мне не нужны. Почему они не могут оставить меня в покое?

– Не волнуйся, скоро твоё желание исполнится. Если ты обращаешься с ними так же, как со мной, все они оставят тебя рано или поздно. Ты заслуживаешь этого.

Она передернула плечами.

– Все они возвращаются. Они все равно хотят добиться меня независимо от того, как я с ними обхожусь. А если бы и не возвращались, плевать мне на это. Я ни от кого не завишу, Клив. На мой век мужчин хватит.

– Ты чувствуешь себя независимой только потому, что у тебя есть Джек, – сказал я, борясь с желанием ударить женщину. – А что, если с ним что-нибудь случится? Что ты тогда будешь делать?

Её лицо омрачилось.

– Тогда я покончу с собой, – ответила Ева. – Почему ты спросил меня об этом?

– Это только легко сказать. Но, когда настанет такая минута, ты не сможешь пойти на это.

– Оставь своё мнение при себе, – огрызнулась Ева и задумалась. – Однажды я уже пыталась покончить с собой. Я выпила целую бутылку лизола. Ты знаешь, что это означает? Я в течение нескольких месяцев выплевывала кусочки внутренностей.

– Почему ты это сделала? – спросил я, и моя злоба на нее тут же испарилась.

– Не скажу. Послушай, Клив, мне надоели твои расспросы. Ложись в кровать. Я устала.

Евадохнула на меня перегаром, и я снова почувствовал отвращение.

– Хорошо, – сказал я, желая под любым предлогом вырваться из этой

отвратительной комнатухи. – Я останусь. Только на минутку схожу в ванную.

Я пошел к двери, а Ева сняла халат и скользнула под одеяло.

– Приходи скорее, – прошептала она, закрыв глаза. Дыхание с шумом вырывалось из полуоткрытого рта женщины. Я глянул на то место на кровати, что предназначалось мне. Вид подушки меня ужаснул. Она была далеко не свежей и с какими-то сальными пятнами. Ева предлагала мне лечь на эту грязную подушку и на такую же простыню, на которых недавно спал какой-то другой мужчина. И тут во мне созрело окончательное и бесповоротное решение о разрыве с этой женщиной. Даже не посмотрев на нее, я поднялся в ванную комнату и, сев на край ванны, закурил сигарету. Я знал, что между мной и этой женщиной, продающей себя мужчинам, все кончено. Первой моей реакцией было огромное облегчение. Я знал, что надо принимать Еву такой, какова она есть, что никакая сила не заставит ее перемениться, что бы я ни делал для нее, что бы я ни говорил ей, потому что ей все было безразлично. Я был для нее просто средством зарабатывать деньги. Я мог бы примириться с ее бессердечностью, с тем, что она пьет, но грязное постельное белье убило мою страсть к ней раз и навсегда. Странно и необъяснимо, но интимные отношения между женщиной и мужчиной сбалансированы настолько тонко, что достаточно малейшего пустяка, о котором ты даже не подозреваешь, чтобы нарушить их.

Один неосторожный поступок, неосторожное слово, некрасивый жест, превратившийся в привычку, могут привести к тому, что страсть угаснет. Тот, кто допустит эту досадную оплошность, будь то мужчина или женщина, даже не поймет, что произошло, в то время как другой воспримет внезапное охлаждение как неизбежность. Какое-то время внешне жизнь будет течь точно так же, как и раньше. Не будет сказано ни единого лишнего слова, все останется по-прежнему, и все же из их отношений уйдет что-то бесконечно дорогое им обоим. Так и мои отношения с Евой внезапно нарушились. Моя страсть к ней прошла, и Ева стала мне безразлична. Я немного еще посидел в ванной, потом спустился вниз и тихо вошел в спальню. Ева, раскинув руки, лежала на кровати, рот ее был открыт, щеки покраснелись.

Когда я посмотрел на женщину, она стала храпеть. Я испытывал к ней только отвращение. Вынув из бумажника сорок долларов, я просунул их между стеклянными фигурками животных. Потом на цыпочках подкрался к двери и отправился восвояси.

Глава 14

Сквозь неплотно задернутые шторы в комнату проникли первые лучи солнца. Я лежал в кровати и размышлял о своих отношениях с Евой. Просто удивительно, что они длились так долго. Она сделала все, чтобы убить мое влечение к ней. Она вела себя в высшей степени эгоистично и выказывала грубое безразличие ко мне, и если бы не моя всепоглощающая страсть к ней, наши встречи давным-давно прекратились бы. Во мне были живы еще подавленность, досада и угрызения совести, что я связался с продажной женщиной, что позволил ей всецело завладеть мной. А от чувств ревности и страстного желания быть рядом с ней, от тех чувств, что переполняли меня с первой встречи с Евой, не осталось следа. Вспоминая о прошлом, я понял, как прав был Рассел. Все проститутки одинаковы. Все они вылеплены из одного теста. Каким идиотом я был, считая, что Ева не похожа на проститутку. Ну и что из того, что внешне она ничем не напоминает уличную женщину, но по своему мировоззрению она недалеко ушла от них. И тем не менее я готов был признать, что, если забыть о том домике, который Ева снимала, чтобы принимать своих любовников, она весьма выгодно отличалась от большинства голливудских потаскушек. Многие из последних безвольно плывут по воле волн, а Ева – женщина с характером. С ней можно появиться где угодно, и никому не придет в голову, что эта женщина торгует своим телом. Именно поэтому я и увлекся Евой. Но в своем дурацком голубом халате, в тесной и дешево обставленной спальне, с кроватью с несвежим и смятым постельным бельем и сальными пятнами пота на подушке, где лежали головы ее многочисленных любовников, Ева была ничем не лучше любой из женщин, занимающихся ее профессией. Мне повезло, что в последний раз я увидел Еву в истинном свете: без прикрас и вдребезги пьяной. Она спала сном измученной дегенератки. То, что я собственными глазами увидел ее в таком жутком виде, подействовало на меня гораздо сильнее всех предупреждений о том, что лучше не связываться с такой, как она, и что встречи с ней плохо кончатся. Это зрелище было самым убедительным доказательством того, что я и Ева живем в разных мирах, что у нас нет ничего общего. Какое счастье, что с Евой покончено! Я с ужасом подумал о том, что могло бы произойти, если бы я продолжал встречаться с ней.

Я снова вспомнил недавнее прошлое и осознал, каким идиотом и подлецом я был. Я подумал о Джоне Коулсоне, Кэрол, об Ингреме. Я

вспомнил, сколько за это время совершил низких и жестоких поступков, и меня охватила паника. Я лихорадочно стал искать, совершенно ли мной в последнее время хоть что-то благородное, и не находил. И этому не могло быть никаких оправданий. Мне уже почти сорок лет, а гордиться в своей жизни нечем, за исключением, может быть, одного-единственного поступка: я ушел из Евиной жизни, преодолев ценой невероятных мучений тягу к шлюхе. А если я сумел побороть себя и порвать с проституткой, значит, смогу еще вернуть потерянное уважение к самому себе и стать хорошим писателем. Но я сознавал, что эта задача слишком трудна, чтобы решать ее в одиночку. Только один человек может помочь мне. Я должен увидеться с Кэрл. Внезапно на меня нахлынуло чувство любви и нежности к ней. Я безобразно относился к ней. Меня мучило раскаяние. Я преисполнился благих намерений, которые звучали как клятва: теперь я уже никогда не причиню Кэрл боли и ничем не огорчу ее. С ее же стороны очень неразумно выходить замуж за Голда. Я должен сегодня же повидаться с ней!

Я позвонил Расселу. Через несколько минут он вошел в комнату с кофе, который поставил на столик у кровати.

– Рассел, – сказал я, приподнимаясь на локте. – Я был идиотом. Ты прав. Все, что ты сказал мне вчера, очень мне помогло и сослужило большую службу. Полночи я не спал, думая об этом, и теперь я намерен взять себя в руки. Сегодня утром я увижусь с мисс Рай.

Слуга испытующе посмотрел на меня, не скрыв удовлетворения. Подойдя к окну, он отдернул шторы, сказал покровительственно:

– Значит, мисс Марлоу была не очень стоворчива вчера, мистер Клив?

Это меня рассмешило и одновременно несколько смутило.

– С чего ты взял? – спросил я и закурил сигарету. – Я действительно встречался с нею вчера. И я увидел ее такой, какова она на самом деле, а не такой, какой я старался представить ее в своем воображении. Я ошибся в ней. Она была пьяна и... но к черту детали. Представь, Рассел, я убежал от нее. С ней покончено, и сегодня я намерен снова взяться за работу. Но прежде всего я повидаюсь с Кэрл. – Я посмотрел на слугу. Глаза его светились, я знал, что он радуется за меня и что у него отлегло от сердца. – Как ты думаешь, она не прогонит меня?

– Надеюсь, что нет, сэр, – серьезно ответил Рассел. – Все зависит от того, как вы будете вести себя.

– Конечно, – согласился я. – После всего того, что произошло между нами, помириться с мисс Рай будет нелегко. Я очень обидел ее. Но, если она выслушает меня, она поймет и простит.

Слуга налил мне кофе. Несмотря на то что внешне он казался спокойным, я заметил, что у него дрожат руки.

– Ты был мне верным другом, Рассел, – сказал я, погладив его по руке. – Может быть, ты этого не знаешь, но я очень благодарен тебе за все.

К моему крайнему изумлению, он вытащил носовой платок и начал шумно сморкаться.

– Вы всегда были добры ко мне, мистер Клив, – заикаясь, проговорил слуга. – Я всегда огорчался, когда видел, что вы несчастны и что вам не везет.

– Приготовь мне ванну, – заторопился я, – а то еще немного – и расплачемся в объятиях друг друга.

Ровно в 9.30 я вошел в гостиную Кэрол. Через несколько минут появилась хозяйка дома. Она была бледна. Под глазами у нее были синие круги.

– Спасибо, что навестил меня, Клив, – сказала она и села, сложив руки на коленях.

– Я не мог не прийти, – начал я, стоя у окна и следя за Кэрол. Я опять чувствовал, как она мне дорога и как мне страшно ее потерять. Не скрывая тревоги, я продолжил: – Я вел себя как последний дурак, Кэрол. Можно ли мне поговорить с тобой обо всем, что меня мучит?

– Полагаю, что да, – равнодушно проговорила она. – Садись, Клив, тебе незачем переживать за меня.

Голос ее был ровным и безразличным, и это расстроило меня. Я видел, что Кэрол совершенно все равно, о чем я хочу рассказать, и что этот разговор ее несколько не интересует. Я сел рядом с ней.

– Ты можешь не верить, но я раскаиваюсь в том, что нагрубил тебе. Я просто сошел с ума. Я сам не знал, что говорил.

Она протянула мне руку.

– Незачем вспоминать об том. У тебя неприятности, Клив, да?

– Неприятности? Ты имеешь в виду Голда? Нет, это меня не беспокоит. Мои взаимоотношения с Голдом меня меньше всего волнуют. Я все обдумал, и поэтому я здесь.

Кэрол внимательно и недоверчиво посмотрела на меня.

– Я думала... – Она замолчала и, опустив голову, уставилась на свои руки.

– Ты думала, что я пришел попросить тебя уладить мои отношения с Голдом, да? Мерль уже советовала мне обратиться к тебе за помощью, но я отказался. Я пришел по другой причине. Мне безразлично, как поступит со мной Голд. Мне все равно, купит он мой сценарий или нет. Теперь я

вообще решил бросить эту писанину. С этим покончено. Я пришел, чтобы извиниться перед тобой за свою грубость и сказать тебе, что через день или два снова начну работать.

Кэрол вздохнула и провела рукой по волосам.

– Мне очень бы хотелось поверить тебе, Клив. Но ты уже сколько раз говорил это!

– Я заслужил этот упрек. Я был негодяем, причиняя тебе страдания. Не знаю, что на меня нашло, но теперь это не повторится. Я сожалею, что встречался с этой женщиной, Кэрол. Она сводила меня с ума. Я ничего не мог поделать с собой. Пока ее образ жизни был непонятен, Ева меня интриговала. Но теперь я знаю одно: я не мог бы жить так, как живет она. С нею все кончено, Кэрол. Вчера...

Она перебила меня:

– Не надо, Клив, я не хочу слышать этого. Я представляю, что произошло с тобой. – Она встала и подошла к окну. – Ты сказал, что все позади, и я верю тебе.

Я подошел к Кэрол и, повернув лицом к себе, обнял, не обращая внимания на ее попытку вырваться.

– Прости меня, Кэрол, – умолял я. – Я ужасно вел себя по отношению к тебе, я был самым последним мерзавцем. Ты так нужна мне. Только ты и есть у меня на всем белом свете. Сможешь ли ты забыть причиненную тебе боль?

Кэрол слегка оттолкнула меня.

– Ты попал в тупик, Клив, я тоже. Понимаешь, Р.Г. знает, что я люблю тебя. Он хочет, чтобы я вышла за него замуж, и уверен, что, если ты уйдешь с его дороги, у него появится шанс на успех. Голд сделает все, что в его силах, чтобы убрать тебя со своего пути. Я боюсь его. Он готов идти напролом, и в этом он всемогущ, так как обладает огромной властью.

Я уставился на Кэрол.

– Ты боишься, что Голд расправится со мной? Значит, ты действительно любишь меня? Будь великодушна, Кэрол, скажи, что это правда.

Внезапно все время грустившая хозяйка дома улыбнулась.

– Я очень давно люблю тебя, Клив, – сказала она. – Если ты порвал с этой женщиной, тогда... – Она замолчала, опять улыбнулась и продолжала: – Я рада за тебя. Я никогда бы не поверила, что эта женщина может надолго удержать тебя.

Я взял ее за руки.

– Я не могу жить без тебя, Кэрол, – признался я. – Я так одинок и так

не уверен в себе. Только прости меня, это главное, больше меня ничто не тревожит.

Кэрол погладила меня по волосам.

– Глупышка! – нежно проговорила она. – Я всегда любила тебя.

Мне приятно было держать в объятиях ее стройное, молодое, упругое тело. Это ощущение было новым и волнующим. Но, пересилив себя, я отодвинулся от нее и посмотрел ей в глаза.

– Я вел беспутную жизнь, Кэрол, из-за этого все мои неприятности, из-за этого я попал теперь в переplet, но, если ты действительно меня любишь, я исправлюсь, я стану другим человеком.

– Я люблю тебя.

Все улаживалось. Она простила меня. Это можно было прочесть на ее лице. Я обнял ее и поцеловал.

– Значит, все в порядке, – сказал я. – Все решено.

Кэрол смотрела на меня, глаза ее сияли.

– Что решено?

– Наша свадьба.

– Но, Клив...

Я снова поцеловал ее.

– Ты бросишь свою киностудию, и мы великолепно проведем эту неделю, мы все время будем вместе, только ты и я. Потом ты вернешься обратно, чтоб выдержать разгоревшийся сыр-бор из-за твоего внезапного исчезновения. Но на студии ты появишься не иначе как миссис Клив Фарстон. И если Голд решится уволить тебя, он лишится самой лучшей сценаристки в Голливуде, а любой другой режиссер тут же возьмет тебя.

Кэрол покачала головой.

– Я не могу поступить так, – сказала она твердо. – Я еще никогда никого не подводила и не смогу поступить так и на этот раз. Я скажу ему. Я попрошу Голда дать мне неделю отпуска и объясню, по какой причине.

И только тогда, когда были произнесены эти слова, я понял, что получил положительный ответ на свое предложение.

– Кэрол! – воскликнул я, обнимая и целуя ее. Минуту помолчав, я сказал: – Ты не увидишь Голда, пока мы не обвенчаемся. Я не хочу, чтобы он отобрал тебя у меня. Мы поженимся сейчас же, немедленно, а потом ты поедешь на киностудию и скажешь ему об этом. Я все приготовлю. Мы возьмем Рассела. Ты и я, а Рассел будет ухаживать за нами. Давай поедem во Фри-Пойнт. Там еще никто не поселился, и я могу спокойно работать. До студии оттуда ехать недалеко, природа там отличная, а самое главное то, что мы будем там в полном одиночестве.

Мой энтузиазм и волнение вызвали на ее губах улыбку.

– Будь разумен. У нас же нет разрешения.

– А мы поедem в Тиа-Джуану, там не нужно разрешения на брак. Там нужны только пять долларов и такая очаровательная невеста, как ты, Кэрол. Мы станем мужем и женой, а потом обвенчаемся еще раз здесь, в зале бракосочетаний, на следующей неделе, и тогда я буду вдвойне уверен, что ты – моя жена.

Внезапно она рассмеялась.

– Ты сумасшедший, Клив, но я обожаю тебя. – Она прильнула ко мне. – Я люблю тебя с тех пор, как впервые увидела тебя у Ровена. Ты был таким нерешительным и милым. Это было два года назад. Ты негодник, Клив, что заставил меня так долго ждать.

– Я был набитым дураком, – сказал я и поцеловал свою будущую жену в шею. – Но я теперь намерен наверстать упущенное. Пойди, дорогая, надень шляпу, мы немедленно едем в Тиа-Джуану.

Мой напор и мое волнение передались ей как инфекция, и Кэрол почти бегом бросилась из комнаты. Оставшись один, я позвонил домой.

– Тебе предстоит хлопотливый день, Рассел, – заявил я без лишних объяснений и не пытаюсь скрыть волнения. – Накупи еды на неделю для нас троих. Открой дверь во Фри-Пойнте. Договорись об этом с агентом по телефону. Дом, я знаю, еще не сдан. А Джонни Ньюман давно хотел поселиться в моей квартире. Очень желал. Пусть берет эти престижные апартаменты. Отныне, Рассел, нашим домом будет Фри-Пойнт, и ночная жизнь большого города не будет отныне искушать меня. Я буду много работать. Когда соберешь все необходимое, возьми такси, поезжай во Фри-Пойнт, приведи там все в порядок. Мы приедем днем. Ты можешь все это сделать?

– Конечно, сэр, – ответил слуга, и в голосе его прозвучал триумф: наконец-то его мечты сбылись. – Я уже упаковал ваш чемодан, сэр. Я предвидел, что вы захотите поскорее уехать отсюда. Не беспокойтесь, все будет в полном порядке к приезду миссис Фарстон. – Рассел громко закашлялся и добавил: – Мне очень повезло, мистер Клив. Я поздравляю вас первый. От всего сердца желаю вам обоим счастья. – И он повесил трубку.

Я посмотрел на телефон.

– Будь я проклят, если мой прозорливый слуга давным-давно не запланировал этого!

Я выбежал из комнаты и крикнул Кэрол, чтобы она поторопилась.

Я сидел в «Крайслере» у главного входа в киностудию «Интернэшнл

Пикчез». Мимо меня то и дело проходили люди: известные киноактеры, статисты, декораторы, режиссеры. Одни с любопытством смотрели на меня, другие были слишком заняты разговорами и не обращали на меня внимания, третьи с восхищением и завистью разглядывали «Крайслер». Я нетерпеливо ждал, барабанил пальцами по рулю. Все было готово. Вещи лежат в багажнике машины, мы были уже на пути к Тиа-Джуану, но Кэрол настояла на своем и пошла к Голду до того, как мы оформили брак.

– Все будет хорошо, – серьезно сказала она. – Он поймет. Он был очень добр ко мне, Клив, и я ничего не хочу делать тайком от него. Ради Бога, перестань расстраиваться. Р.Г. не может помешать нам вступить в брак. Единственное, о чем он может попросить меня, – это побыстрее вернуться на студию.

Я не поверил Кэрол, так как я не верил Голду.

– Он уволит тебя. Когда у человека такая власть и деньги, а ты этого могущественного старика бросаешь ради молодого мужчины, он не простит тебе такого подвоха. Я уверен, что он сделает какую-нибудь пакость.

Кэрол рассмеялась в ответ на мои опасения. С тех пор как она ушла, прошло уже двадцать минут. Я начал нервничать. Виной тому были нахлынувшие раздумья над тем, что будет с нами, если Кэрол потеряет работу, а я не смогу продать сценарий. Мысль о том, что тогда мне придется вернуться к давно забытой рутине: ежедневно вставать спозаранку и работать, экономить на еде и рассчитывать, могу ли я позволить себе купить ту или иную вещь, – пугала меня. Я загасил сигарету, постарался приободриться и убедить себя в том, что до этого не дойдет. Я был уверен, что, если Кэрол будет рядом, я смогу написать стоящий роман. Она будет помогать мне, а я – ей. Вдвоем мы будем на высоте, и неудачи не сломят нас.

– Ты все еще волнуешься? – прозвучал рядом со мной голос, и чья-то рука легла на мою руку.

Я вздрогнул: я так глубоко задумался, что даже не слышал, как Кэрол подошла к машине. Я с тревогой посмотрел на свою спутницу. Она была серьезна, но спокойна.

– Все улажено, – улыбаясь, сказала она. – Конечно, для него мое сообщение было ударом, но Голд даже виду не подал. Как бы мне хотелось, чтобы он любил меня немного меньше. – Женщина вздохнула. – Я очень переживаю, Клив, когда причиняю людям боль.

– Что он сказал? – стал выяснять я, открывая для Кэрол дверцу машины. – Он дал тебе неделю отпуска?

– Да. Хотя с фильмом и не ладится. Джерри Хайамс болен. Ничего серьезного, но тем не менее работа приостановлена... Френк тоже еще не вышел на работу. – Упомянув имя Ингрема, Кэрол смутилась и замолчала. – Клив... – обратилась как-то робко и снова умолкла.

– Да?

– Р.Г. хочет поговорить с тобой.

У меня екнуло сердце.

– Хочет поговорить со мной? – переспросил я, уставившись на нее. – О чем?

Кэрол села в машину и разгладила платье на коленях.

– Он спросил, приехал ли ты со мной сюда, и, узнав, что ты здесь, передал, что хочет поговорить с тобой. Он не сказал о чем.

– Он, вероятно, хочет разорвать контракт, – высказал я предположение. – Он решил рассчитаться со мной.

– Нет, Клив, – перебила меня Кэрол. – Р.Г. не такой. Я уверена, что он...

– Зачем же он тогда хочет говорить со мной?! Господи! Не думаешь же ты, что он хочет прочесть мне лекцию о том, как я должен обращаться с тобой? Будь я проклят, если позволю ему обсуждать подобную тему.

Кэрол расстроилась.

– Мне кажется, что ты все же должен пойти к нему, Клив. Он влиятельный и... – Она замолчала и, немного поколебавшись, продолжила: – Но решай сам. Если ты не хочешь разговаривать с ним, я настаивать не буду. Поступай как сочтешь нужным.

Я вышел из машины и силой хлопнул дверцей.

– Хорошо, я иду к нему. Я не задержусь, – сказал я и взбежал по ступенькам студии. Мне все это не нравилось. Не то чтобы я боялся Голда, нет. Но, когда предстоит неприятный разговор с таким могущественным и надменным человеком, как Голд, само собой разумеется, что господином положения будет он, а не я.

Я прошел по длинному коридору. Сердце шумно ударялось в ребра. Подойдя к кабинету, я постучал в дверь и вошел.

Высокая, очаровательная девушка с прической под Веронику Лэйк, одетая в прекрасно сшитое черное платье, услышав, что открылась дверь, подняла голову и посмотрела на меня. Она сидела за столом, на стеклянной поверхности которого было разбросано множество бумаг. Взгляд девушки был пронизательным, но мимолетным. Улыбнувшись, она сказала:

– Доброе утро, мистер Фарстон, проходите, пожалуйста. Мистер Голд ожидает вас.

Я поблагодарил ее и прошел в соседнюю комнату. Кабинет Голда был

обставлен как гостиная. Письменного стола не было, но зато в дальнем конце комнаты стоял огромный стол, за которым могло бы уместиться человек двадцать. У большого старинного камина стояли кресла и широкий диван. Над камином висела картина Ван-Гога, которая была единственным ярким пятном в кабинете. Голд сидел в кресле и смотрел на дверь. Рядом с креслом стоял журнальный столик, на котором были бумаги, телефон и большая агатовая коробка для сигар. Когда я вошел, массивная голова Голда ушла в плечи и он исподлобья посмотрел на меня.

– Садитесь, мистер Фарстон, – сказал он, махнув рукой в сторону стоящего напротив кресла.

Я почувствовал, как у меня забилося сердце и пересохло во рту от волнения. Это разозлило меня, но я безуспешно пытался взять себя в руки. Я сел, положил ногу на ногу и, стараясь казаться спокойным, посмотрел на хозяина кабинета. Какое-то время Голд смотрел в пространство и молча курил сигарету, выпуская в потолок тонкие струйки дыма. Потом Голд поднял голову – и его сонные табачного цвета глаза встретились с моими.

– Я извещен, мистер Фарстон, – начал он, и в его низком голосе прозвучала ледяная вежливость, – что Кэрол и вы сегодня днем намерены обвенчаться.

Я вытащил портсигар, выбрал сигарету, постучал по ней большим пальцем, закурил и только потом ответил:

– Именно так. – И положил портсигар в карман.

– Вы считаете это разумным? – Голд вопросительно поднял брови.

– Позвольте нам самим разобраться в этом, мистер Голд.

– Разбирайтесь, – сказал он, – но я давно знаю Кэрол и не хочу, чтобы она была несчастлива.

– Мне понятны ваши переживания, – сказал я, испытывая одновременно страх и злобу. – Могу уверить вас, что Кэрол будет очень счастлива. – Я набрал в легкие воздух и продолжал слишком торопливо, чтобы слова мои звучали убедительно: – Уверяю вас, что со мной она будет гораздо счастливее, чем с человеком, который вдвое старше ее, пожелай она выйти за него.

Он посмотрел на меня.

– Интересно, – сказал он, щелчком сбросив пепел с сигареты в пепельницу, стоящую рядом с коробкой для сигар. – К сожалению, я очень занят, мистер Фарстон, поэтому простите меня за непродолжительность нашей встречи, давайте перейдем сразу к делу.

Я посмотрел на Голда. Он был похож на огромного старого льва, морщинистое лицо старика было холодным и непроницаемым. Да, Кэрол

не зря боится его. Он так уверен в своей власти, что может позволить себе быть вежливым и спокойным.

– Время и мне очень дорого, мистер Голд, – огрызнулся я. – Меня ждет Кэрол.

Он сложил кончики пальцев и с сонным безразличием посмотрел на меня.

– Мне совершенно непонятно, как Кэрол могла полюбить такое ничтожество, как вы, – сказал он с обезоруживающей откровенностью.

– Вы решили свести со мной свои личные счета? – Я почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо.

– Думаю, что да. Может быть, вам угодно знать, почему я считаю вас ничтожеством? Сейчас объясню. У вас нет будущего. Вам повезло только благодаря какой-то нелепой случайности и удачному стечению обстоятельств. Вы стали известны и стали зарабатывать гораздо больше, чем когда-либо считали возможным. Этим вы удовлетворились и успокоились, решив, что всего уже достигли. Как писатель вы закончились очень скоро. Больше вы ничего не создадите. Будущего вы боитесь. В прошлом же только первая пьеса – самая большая ваша удача, а романы – это уже дань сенсации: пьеса сделала вас известным и, естественно, что, когда ваши романы вышли в свет, их стали раскупать. Я часто задумывался над тем, как вам удалось написать такую пьесу. Понимаете, мистер Фарстон, когда я узнал, что Кэрол любит вас, я счел своим долгом навести о вас справки.

– Я не намерен выслушивать ваши рассуждения, – прошипел я сквозь зубы. – Моя личная жизнь касается только меня одного, мистер Голд.

– Это было бы так, если бы вы не пытались связать ее с жизнью Кэрол, – спокойно возразил он. – Если же вы настолько глупы, что пошли на это, то запомните – личной жизни для вас больше не существует. – Он долго рассматривал свою сигару, а потом перевел глаза на меня. – Вы не только бездарный писатель без будущего, мистер Фарстон, но и к тому же вы чрезвычайно неприятный человек. Я не могу, конечно, помешать вам жениться на Кэрол, но предупреждаю: я буду следить за соблюдением ее интересов.

Я вскочил.

– Это уже слишком! – возмущенно воскликнул я. – Вы хотите, чтобы Кэрол досталась вам, и ведете себя подобным образом только потому, что я отбил ее у вас. Я обойдусь и без вас, мистер Голд. Мне не нужны ваши пятьдесят тысяч долларов. Идите к черту вместе с вашей киностудией.

Старик равнодушно посмотрел на меня.

– Держитесь подальше от этой Марлоу, мистер Фарстон, иначе нам придется продолжить этот разговор.

Я уставился на Голда.

– О чем это вы?

– Не будем терять времени. Мне известно, что вы вели себя как последний дурак в отношении этой женщины. Вначале я решил, что такое могло прийти в голову тому, кому наскучили приличные женщины или кто страдает каким-то физическим недостатком, в результате чего обыкновенные женщины не могут удовлетворять его. Но вы не относитесь ни к первой, ни ко второй категориям. Вы настолько глупы и слабохарактерны, что позволили этой женщине увлечь вас. Неужели вам не ясно, что это самый яркий пример того, что вы – безвольный дегенерат? Когда мне рассказали о вашей пристрастии к проститутке, мистер Фарстон, для меня это не было новостью. Я и раньше считал вас способным именно к таким поступкам.

– Прекрасно, – сказал я, взбешенный тем, что он разнюхал обо мне так много, – я выслушал вас. Надеюсь, вы получили удовольствие и вдоволь насладились вашей лекцией. Теперь я ухожу. Я женюсь на Кэрол. Вспоминайте обо мне сегодняшней ночью, мистер Рекс Голд, и твердите одно и то же, как попугай: «На его месте мог бы быть я».

– Да, я буду вспоминать вас. Без всякого сомнения, буду, – ответил Голд. Его толстые губы сжали сигару. – Я буду думать о вас обоих. Мне этого не избежать. И обещаю вам только одно: если Кэрол будет несчастна по вашей вине, вы пожалеете об этом, мистер Фарстон.

Мы уставились друг на друга, но я не выдержал его взгляда и отвернулся. Когда я выходил из кабинета, колени у меня дрожали, меня подташнивало и я испытывал какой-то непонятный страх. Мне казалось, что я никогда не выберусь из этого бесконечно длинного коридора на залитую солнцем улицу, где меня ждала Кэрол.

Я печатаю эти строки, склонившись над пишущей машинкой, стоящей на покрытом густым слоем пыли столе в маленькой комнатушке, в которой так сыро, что отстают от стен обои. Вспоминая прошлое, я прихожу к выводу, что первые четыре дня, проведенные с Кэрол после бракосочетания, были самыми счастливыми в моей жизни. Моя жена была мне не только добрым другом, не только вселяла в меня веру в будущее, она была не только умным и интересным собеседником, в обществе которого я не знал, что такое скука, но она была женщиной, которая полностью удовлетворяла меня и духовно, и физически.

Мы вставали около десяти утра и завтракали на веранде, наслаждаясь

зрелищем долины, простирающейся под нами, насколько хватало глаз, и похожей на естественный ковер. Справа сверкала спокойная поверхность озера Биг-Биэ-Лейк, в которой отражались лениво передвигающиеся по ясному голубому небу белые тучки, похожие на шарики взбитых сливок. После завтрака мы переодевались и ехали на озеро, где Кэрол плавала в белом простеньком купальнике, а я загорал, растянувшись в лодке с удочкой в руках, и наблюдал за Кэрол. Когда солнце начинало припекать, я нырял с лодки, подплывал к Кэрол, и мы резвились в воде, плавали наперегонки и вели себя как дети, которых первый раз в жизни отпустили на каникулы. Потом мы садились в машину и возвращались домой завтракать. Рассел приносил нам завтрак на веранду. Мы ели, говорили, смотрели на прекрасный вид и снова говорили. Потом уходили далеко в лес, мягко ступая по усыпанной хвойными иглами земле, словно по мягкому, пушистому ковру. Сквозь густые кроны деревьев над нашими головами пробивались солнечные блики, образуя диковинные узоры на траве. По вечерам мы слушали граммофон. Я ощущал огромную радость оттого, что Кэрол рядом, что мы одни. Он любила лежать на широкой кушетке, которую мы поставили на веранде, и наблюдать за движущейся в небе луной и похожими на бриллиантовую россыпь звездами. Из гостиной доносились тихие звуки музыки. Я рассказывал Кэрол о своей жизни, естественно, ни словом не обмолвившись ни о Джоне Коулсоне, ни о Еве. Я рассказал о перенаселенном доме в Лонг-Бич, о том, что я всегда мечтал стать писателем, и о борьбе за существование, которую я вел, работая незаметным клерком на заводе. Я должен был кое-что привирать, чтобы мой рассказ звучал правдоподобно, но так как я давным-давно привык к мысли о том, что пьеса Коулсона написана мной, мне нетрудно было убедить Кэрол, что именно я ее написал. В нашей большой, просторной спальне мы всегда держали окна открытыми с раздвинутыми шторами. Лунный свет оставлял на белом ковре серебристую дорожку, а я лежал в кровати, обнимая Кэрол. Потом она засыпала, положив голову мне на плечо. Рука ее лежала на моей груди. Моя жена всегда спала спокойно, как ребенок, и не шевелилась до самого утра, пока ее не будило солнце. Держа ее в объятиях, прислушиваясь к ее мерному дыханию и вспоминая о том, как мы провели день, я чувствовал себя вполне счастливым и удовлетворенным. И все же, несмотря на то, что я испытывал блаженное состояние радости и покоя, что-то тревожило меня. Откуда-то из глубины моего подсознания временами всплывали какие-то воспоминания.

Все чаще у меня стало появляться чувство физической неудовлетворенности. Вначале оно было смутным и неопределенным,

потом стало становиться все сильнее, и я понял, что моя близость с Евой не прошла бесследно, более того, она оставила неизгладимый след. Когда Кэрол была рядом, желание поехать к Еве не особенно тревожило меня. Любовь Кэрол, ее доброта и незаурядность были достаточно сильным противоядием против Евы, тем более что Ева была далеко и влияние ее на мое сознание было пассивным. Но стоило Кэрол задержаться в саду и на какое-то время оставить меня в одиночестве, как у меня появлялось желание позвонить Еве, снова услышать ее голос, и я боролся с собой, пытаюсь прогнать искушение. Вам, наверное, непонятно, почему я не мог выбросить Еву из головы. Я уже говорил, что большинство мужчин ведут двойную жизнь – нормальную и тайную, – приспособливают свое мышление и к одному, и к другому образу жизни. Если быть честным до конца, очень скоро я пришел к выводу, что Кэрол удовлетворяет только мои духовные запросы. Для того чтобы чувствовать себя полностью удовлетворенным физически, мне было необходимо испытывать развращающее влияние Евы. Не думайте, что я не пытался бороться с этим наваждением. Первые четыре дня и четыре ночи я даже не вспоминал о Еве, но потом понял, что не могу забыть ее. Становилось очевидным, что моя возвышенная любовь к Кэрол продлится недолго: мне не устоять против искуса, которым была Ева. Четвертый день нашей жизни с Кэрол совершенно неожиданно все в корне изменил. Ночь была великолепна. Огромная луна сияла над горами, освещая их и серебря поверхность озера, делая его похожим на отполированное зеркало. День был очень жарким, и спать даже на веранде было очень душно. Кэрол предложила выкупаться ночью, и мы поехали на озеро. Мы провели в теплой воде больше часа, и, когда мы вернулись во Фри-Пойнт, часы показывали 1.15 ночи. Когда мы раздевались в спальне, зазвонил телефон. Я и жена замерли и с удивлением посмотрели друг на друга. Тишина ночи была нарушена нетерпеливым, пронзительным звонком. Внезапно у меня перехватило горло от волнения. Я стал задыхаться.

– Кто может звонить в такое время? – спросила Кэрол.

Я вижу и теперь перед собой ее так же ясно, как тогда. Она только что сняла белое с красной отделкой спортивное платье и сидела на краю постели в бюстгальтере и трусиках. Она была просто очаровательна: кожа гладкая и загорелая, блестящие глаза.

– Наверное, кто-то перепутал номер, – сказал я и накинул халат. – Никто не знает, что мы здесь.

Кэрол улыбнулась и продолжала раздеваться, а я прошел в холл и снял трубку.

– Да. Кто это?

– Привет, – сказала Ева.

Сжав телефонную трубку, я словно прирос к полу.

– Привет, Ева, – прошептал я и бросил взгляд через холл в спальню.

– Почему ты так подло сбежал от меня? – спросила Ева тем же ровным и безразличным голосом, которым всегда говорила со мной.

До меня не доходил смысл услышанных слов. Волнение и желание охватили меня с такой силой, что в ушах у меня запульсировала кровь.

– Что? – спросил я, стараясь побороть волнение. – Что ты сказала?

– Когда я проснулась и увидела, что тебя нет, я ужасно удивилась. Я понять не могла, куда ты подевался.

И только тогда я осознал, что произошло невероятное. Ева сама звонит мне! Она предприняла какие-то усилия, чтобы отыскать меня. Значит, я что-то значу для нее и она думала обо мне, несмотря на свое кажущееся безразличие. Я почувствовал настоящий триумф. Я забыл о том, как она безобразно относилась ко мне. Меня переполняло только одно: я достиг осязаемого прогресса в деле, которое я считал абсолютно безнадежным. Я сидел и слушал ее голос, сознавая, что она так же важна для меня, как и Кэрл. Я знал, что все мои попытки не думать о Еве были просто лицемерным вздором. Я всегда буду думать о ней. Я этим занимаюсь с той самой минуты, как ушел от нее, когда она, раскинув руки и ноги, лежала на кровати, забывшись в пьяном сне.

– Значит, мое исчезновение удивило тебя, да? – спросил я и рассмеялся. – У меня тоже не раз была возможность удивляться твоим поступкам. Теперь мы квиты.

Наступило молчание, потом Ева сердито спросила:

– Значит, мы квиты? Я хочу кое-что сказать тебе, Клив. Я вернула твои проклятые деньги. Мне подачек не нужно. Мне кажется, что ты обошелся со мной самым мерзким образом: сказал, что останешься, а сам тайком улизнул.

– Ты вернула деньги? – переспросил я, не поверив ей. – Но почему?

– Мне не нужно от тебя денег. Я не нуждаюсь в них.

Момент моего триумфа прошел. Я не расстроился бы, если бы она стала кричать на меня, изливая свою ярость, обзывать меня всячески или даже бросила бы трубку, но то, что она отказалась принять от меня деньги, показалось мне чудовищным оскорблением.

– Значит, для этого ты и звонишь? – спросил я, сам не зная, для чего задаю ей этот вопрос.

– Я уже сказала тебе. Мне не нужны твои проклятые деньги. Обойдусь

и без них. Спасибо. Я не позволю тебе так обращаться со мной. Я отослала их обратно.

Меня охватило отчаяние. Если она отослала мои деньги, я ничем уже не смогу удержать ее. Я глубоко вздохнул и, стараясь побороть досаду и разочарование, сказал:

– Я не верю тебе, Ева. Я не получал никаких денег. Ты лжешь и прекрасно знаешь, что лжешь.

– Говорю тебе, я отослала их обратно.

– Куда же ты их отослала?

– Я положила их в конверт и послала в клуб писателей. Ведь ты член этого клуба, не так ли?

Я откинулся на спинку кресла, почувствовав невероятную тяжесть на душе.

– Но зачем ты это сделала? Я думал, что они тебе пригодятся.

– Повторяю тебе, мне не нужны деньги, – огрызнулась Ева. – Слушай, Клив, я не хочу больше видеть тебя. Не звони мне и не приходи. Я сказала Марти, чтобы она не пускала тебя на порог. Я приказала ей бросать трубку, если будешь звонить ты.

Барьеры, которые я так неохотно пытался воздвигнуть против Евиного влияния на меня, уже разрушились. А красота последних четырех дней потеряла для меня всякий смысл и была сметена потоком нахлынувшего на меня горького отчаяния, которое я почувствовал, услышав последние слова.

– Не сердись, Ева, – сказал я и до боли сжал телефонную трубку. – Я снова хочу видеть тебя.

– Нет, Клив, не будь идиотом. Я предупреждала тебя, но ты не слушал меня. Нам незачем больше встречаться.

Я забыл, где нахожусь. Забыл о Голде, об охватившем отвращении при виде пьяной Евы, которая лежала поперек кровати и храпела во сне. Я забыл даже о Кэрл. Мысль о том, что Ева бросает меня, была невыносима. Не она, а я сам должен решать, когда она надоест мне, когда пора бросить ее. Ведь я же плачу ей за ее услуги. Ева должна считаться со мной и исполнять мои желания.

– Мы не станем сейчас принимать окончательного решения, Ева, – стараясь унять дрожь в голосе и не показать своего отчаяния, сказал я. – Давай встретимся завтра? Я хотел бы поговорить с тобой.

– Нет, Клив, нам больше не о чем разговаривать. Не звони мне. Если ты позвонишь, я повешу трубку. Пора прекратить всю эту чехарду. Ты слишком уверен в себе. Ты считаешь, что у меня нет права голоса. Ты отнимаешь у меня слишком много времени, а мне это ни к чему.

– Послушай, Ева, я прошу извинить меня за то, что я ушел. Я все объясню тебе, если только ты дашь мне эту возможность. Я не имел в виду ничего плохого. Я просто не мог заснуть, все время ворочался и не хотел беспокоить тебя. Мы не можем перестать встречаться... Это слишком важно. Прошу тебя, Ева, не расстраивай меня.

– Я устала, и мне надоело говорить с тобой. Я не хочу больше видеть тебя. Прощай. – Наступила пауза. Потом Ева повторила: – Прощай, Клив, – и повесила трубку.

– Ева... – начал я и замер, уставившись в телефон.

Все кончено. Я не мог примириться с этим. «Господи, – подумал я, – что же я за ничтожество, если даже проститутка возвращает мне деньги и отказывается встретиться со мной». Я никогда в жизни не чувствовал себя таким униженным. Я положил трубку на рычаг. Рука дрожала. Я должен увидеться с этой уличной девкой. Меня охватило отчаяние: Ева в самом деле может не впустить меня в дом и может не отвечать на звонки. Тогда я совсем пропал.

– Кто тебе звонил, Клив? – крикнула Кэрол из спальни.

– Да так, один знакомый, – ответил я как можно увереннее.

– Что ему нужно? – Миссис Фарстон подошла к двери, бегом пересекла холл. В прозрачной ночной сорочке моя жена стояла рядом и спрашивала: – Кто все-таки это был?

Я подошел к бару и налил виски. Я не осмеливался показать жене свое лицо.

– Да так, один знакомый. По-моему, он был пьян.

– А... – Воцарилась пауза.

Я, по-прежнему боясь глянуть на Кэрол, залпом выпил виски.

– Хочешь выпить? – спросил я, ища сигареты.

– Нет, спасибо.

Я закурил и только тогда повернулся к жене. Мы посмотрели друг на друга. Взгляд Кэрол вопрошал.

– Послушай, – сказал я, пытаясь улыбнуться. – Пойдем спать. Я устал.

Мы вошли в спальню, и Кэрол улеглась на большую кровать. Подняв волосы, скользнула вниз так, что простыня очутилась на уровне подбородка. Глаза Кэрол были широко открыты и встревожены. Пока я ходил по комнате, докуривая сигарету, жена не сводила с меня глаз.

– Что ему было нужно? – внезапно спросила она.

Занятый своими мыслями, я не успел придумать объяснения ночному звонку, поэтому, застигнутый врасплох вопросом, вынужден был на ходу искать правдоподобный ответ.

– Кому?

– Твоему приятелю... тому, кто тебе звонил.

– Он был пьян. Бог знает, что ему было нужно. Я сказал, чтобы он повесил трубку.

– Жаль.

Я резко поднял голову, посмотрел на Кэрол, потушил сигарету и подошел к постели.

– Сожалею, что поступил так, но меня рассердило, что какой-то пьяница врывается в нашу жизнь.

Кэрол испытующе посмотрела на меня, но я отвернулся, чтоб снять халат. Потом улегся рядом с женой и выключил свет. Она прижалась ко мне, положив голову на мое плечо. Я обнял Кэрол. Мы долго молча лежали в темноте. И я все время повторял про себя: «Дурак ты, дурак. Ты не ценишь своего счастья. Ты разрушаешь его. Ты просто сумасшедший. Еще не прошло пяти дней, как ты женат, а ты уже обманываешь жену. Женщина, которую ты обнимаешь, любит тебя. Она ради тебя готова на все. Чего ты ждешь от Евы? Она и пальцем не пошевелит для тебя. Ты же прекрасно это знаешь!»

– Что-нибудь случилось, Клив?

– Конечно, нет.

– Правда?

– Да.

– Тебя ничто не беспокоит? Скажи мне, Клив, правду. Я хочу все делить с тобой.

– Правда, ничего не произошло, дорогая. Я устал, и этот парень разозлил меня... Спи. Завтра я буду в полном порядке.

– Хорошо. – В голосе Кэрол слышались сомнение и тревога. – Ты ведь скажешь мне, если у тебя будут какие-то неприятности?

– Скажу.

– Обещаешь?

– Да.

Кэрол вздохнула и на минуту прильнула ко мне.

– Я так люблю тебя, Клив. Все у нас будет хорошо. Ты не допустишь, чтобы с нами случилось что-то плохое, да?

– Конечно, – сказал я, заведомо зная, что слова мои – обман. Успокаивая жену, я лгал, потому что уже допустил такое, что сделает ее несчастной. Я понимал, что поступлю с Кэрол по-свински: я променяю ее на Еву. Если бы можно было иметь Еву, не теряя Кэрол. Ведь они мне нужны обе. Но если такое положение может устроить Еву, то Кэрол –

никогда. Вот и получалось, что я предпочту проститутку, а свою жену предам, своей женой пожертвую ради продажной женщины. Несмотря на эти мысли, я уверял Кэрол в обратном:

– Перестань болтать и спи. Я люблю тебя, все прекрасно, и тебе незачем беспокоиться.

Она поцеловала меня. И больше ни о чем не спрашивала. По ее ровному дыханию я понял, что Кэрол спит. «Будь ты проклята, Ева, – злобно думал я. – Зачем ты позвонила мне и смешала карты? Я уверен, что со временем мог бы забыть тебя. Зачем тебе понадобилось говорить мне, что ты не хочешь больше видеть меня?» Я не могу позволить ей так поступать со мной. Я увижусь с ней снова. Кэрол в понедельник поедет на студию. Подождав, я позвоню и удостоверюсь, что Кэрол на работе, потом поеду к Еве и все выясню с ней. Я заберу письмо из клуба и заставлю ее взять деньги обратно. А потом пошлю эту потаскушку ко всем чертям. Пошлю ли? Нет, я не уверен в этом.

Когда над вершинами гор забрезжил рассвет, я заснул. Ночь показалась мне бесконечной, и адская мука оттого, что мои надежды рухнули, терзала меня, как зубная боль. Завтрак был по обыкновению на веранде. Солнце было жарким, и по-прежнему перед глазами был очаровательный ландшафт, но ощущение счастья куда-то ушло. Все казалось каким-то будничным. Я был раздражен и молчалив, хоть и пытался казаться таким, как всегда.

Медленно прошли еще два дня. Я и Кэрол продолжали ездить на озеро. Плавали, говорили, слушали граммофон, читали книги. Однако теперь мы оба знали, что в наших отношениях что-то не так, но молчали. Я-то, конечно, знал, в чем дело, а Кэрол, как мне казалось, ни о чем не догадывалась. Я даже не сомневался, что она ничего не заподозрила, она просто тревожилась за меня, поэтому время от времени я ловил на себе ее удивленный взгляд, в котором была боль. А я после ночного звонка все время думал о Еве. Когда я читал, ее лицо смотрело на меня со страниц книги. Если я слушал граммофон, я слышал не музыку, а ее голос: «Мне не нужны твои проклятые деньги!» Эти слова постоянно звучали у меня в ушах. Я просыпался по ночам с бешено бьющимся сердцем и с ощущением, что я держу в своих объятиях Еву. И только придя в себя, я понимал, что это бред, что на самом деле я сплю у себя дома и обнимаю Кэрол. Как наркоман ждет очередного укола, так я жаждал Еву. Я начал считать часы, оставшиеся до той минуты, когда Кэрол сядет в машину и наконец уедет на студию. При всем том я по-прежнему любил Кэрол. Было похоже на то, что в моей телесной оболочке уместались два человека: один

страдал из-за холодного безразличия Евы, а другой с удовлетворением принимал любовь Кэрол. И с этими двумя разными людьми я не мог справиться.

Было воскресное утро. Мы сидели с Кэрол в лодке. На моей жене был красный купальник, красиво оттеняющий ее золотистую кожу и черные волосы.

– Как было бы чудесно, если бы мы всегда были так счастливы, правда, Клив?

Я сделал несколько гребков и только тогда ответил:

– Мы и будем счастливы, дорогая.

– Не знаю. Иногда мне кажется, что все изменится.

– Вздор. – Я прижал весла к бортам и уставился на ровную поверхность озера. – Почему? Что может произойти?

Немного помолчав, Кэрол сказала:

– Давай никогда не будем такими, как многие супружеские пары, которые обманывают друг друга и лгут.

– Не думай об этом, – сказал я, спрашивая себя, догадывается ли жена о том, что у меня на уме. – С нами такого никогда не случится.

Минуту или две она оставалась спокойной и, опустив руку за борт лодки, разбрызгивала воду.

– Если я надоем тебе, Клив, и ты захочешь уйти к другой, скажи мне об этом. Обещаешь? Если я услышу сама правду от тебя, я легче перенесу это испытание, чем если бы ты скрывался и обманывал меня.

– Что это на тебя нашло? – Я прижался к Кэрол и заглянул ей в глаза. – Зачем ты говоришь об этом?

Она ответила мне с улыбкой:

– Просто я хочу, чтобы ты знал это. Я думаю, что если бы мне стало известно, что ты обманываешь меня, то я ушла бы и ты никогда больше не увидел бы меня.

Я попробовал все обратить в шутку:

– Прекрасно, теперь мне ясно, как избавиться от тебя.

Кэрол кивнула:

– Да, я сама подсказала, как избавиться от меня.

Когда мы вернулись во Фри-Пойнт, на дорожке стоял большой черный «Паккард». Появление чужой машины было неожиданностью и для меня, и для Кэрол.

– Кто бы это мог быть? – спросил я у своей спутницы.

– Давай посмотрим. Как жаль, что кто-то навестил нас, когда нам осталось один-единственный день побыть вместе.

Я подъехал к дому. На веранде сидел какой-то маленький черноволосый толстяк. На столике перед ним стоял высокий стакан виски с содовой. Непрошенный визитер махнул Кэрол рукой и встал.

– Какого черта он явился сюда? – шепотом спросил я Кэрол.

Она сжала мне руку и тихо сообщила:

– Бернштейн. Сам Бернштейн из «Интернэшнл Пикчез». Интересно, зачем он прибыл?

Мы поднялись на веранду. Бернштейн ласково похлопал Кэрол по руке, потом повернулся ко мне.

– Значит, вы и есть Фарстон? – спросил он, протягивая мне вялую пухлую руку. – Счастлив познакомиться с вами, мистер Фарстон. Рад и счастлив, а я нечасто говорю такие слова авторам, не правда ли, малышка?

Кэрол заблестевшими глазами посмотрела на гостя.

– Да, Сэм. Мне ты, по крайней мере, никогда не говорил таких слов.

– Итак, у вас медовый месяц. Разве это не романтично? Вы на седьмом небе? Оба? Прекрасно. Я и сам вижу, что счастливы. Господи, как хорошо ты, крошка, выглядишь: замужество пошло тебе на пользу. Знаете, Фарстон, я следил за этой особой с тех самых пор, как она приехала в Голливуд. Ее сценарии великолепны. Просто потрясающие, но крайне сдержанны. Словно в сердце Кэрол лед. Кэрол, малышка, часто говорил я ей, тебе нужен мужчина, крупный, сильный мужчина, и тогда ты напишешь шедевр. Но она не обращала на мои слова ни малейшего внимания. – Гость потянул меня за рукав и прошептал: – Вся жалость в том, что я не тот мужчина, которого искала эта девочка. – Он рассмеялся, похлопал Кэрол по плечу и обнял ее. – Теперь она наверняка будет писать сенсационные сценарии.

Комплименты ласкали слух, но я все время задавал себе вопрос, что этому Сэму здесь нужно. Ведь не приехал же он из Голливуда, чтобы сказать мне, что рад и счастлив познакомиться со мной и что Кэрол недоставало большого, сильного мужчины.

– Давайте присядем, – сказал толстяк, подходя к столу. – И выпьем за ваше счастье. Я приехал сюда, чтобы побеседовать с вашим умным мужем, Кэрол. Мне нужно поговорить с ним об очень важных делах, иначе я не стал бы портить вам медовый месяц. Ты ведь хорошо знаешь меня, не так ли, малышка? В душе я романтик... романтический любовник, и я не стал бы портить ваш праздник, но дело срочное и не терпит отлагательств.

– Послушай, Сэм, – обратилась Кэрол к гостю, устремив на него горящие от волнения глаза. – О чем ты хочешь поговорить?

Бернштейн провел рукой по своему толстому лицу – и его маленький,

крючковатый нос стал почти прямым.

– Я прочел вашу пьесу, мистер Фарстон, и нашел ее очень хорошей.

У меня по спине пробежал холодок.

– Вы имеете в виду «Остановку во время дождя»? – спросил я, уставившись на Сэма. – Так ведь? Да, конечно, это неплохая пьеса.

Лицо гостя-романтика расплылось в улыбке.

– На основе этой пьесы можно сделать великолепный фильм. Именно об этом я и хотел поговорить с вами. Давайте вместе превратим вашу пьесу в киноленту.

Я мельком бросил взгляд на Кэрл. Она положила свою руку на мою и пожала ее.

– Я же говорила тебе, Клив. Я была уверена, что Сэму понравится твоя пьеса, – задыхаясь от волнения, проговорила моя жена.

Я посмотрел на Бернштейна.

– Вы серьезно делаете мне заявку на киносценарий?

Сэм развел руками:

– Серьезно ли мое предложение? Ну зачем бы я стал тащиться в такую даль, если бы у меня не было веских к тому причин? Правда, есть один нюанс, который надо обговорить. Он имеет для меня значение.

«Выходит, не все так гладко, как кажется», – подумал я, и мое радостное волнение сразу исчезло.

– Что вы имеете в виду?

– Скажите, что имеет против вас Голд? – Сэм наклонился вперед. – Не скрывая ничего, изложите действительную подоплеку конфликта, и тогда мы это дело уладим и начнем делать картину. Наша фирма составит с вами контракт. Все будет в порядке. Но вначале я должен примирить вас с Голдом.

– Из этого ничего не получится, – с горечью проговорил я. – Он ненавидит меня. Он любит Кэрл. Теперь вам ясно, почему он настроен против меня.

Бернштейн посмотрел на меня, потом на Кэрл и разразился хохотом.

– Смешно, – сказал он, когда отдышался. – Я понятия не имел об этом. На его месте я бы тоже возненавидел вас. – Сэм опустошил половину стакана и поднял короткий толстый палец. – Выход есть. Правда, не совсем удачный, но в конце концов, – он пожал плечами, – все уладится. Поступим следующим образом: вы напишете сценарий, я отнесу его Голду и сообщу, что снимаю фильм. Голд всегда поступает как я хочу, но прежде всего вам надо написать сценарий.

– Прежде всего я хочу, чтобы был составлен контракт.

Бернштейн нахмурился.

– Нет. Контракты заключает Голд. Но я обещаю, что договор будет подписан к тому времени, как вы закончите сценарий. Даю слово. – Гость протянул мне руку.

Я посмотрел на Кэрол.

– Все в порядке, Клив. Сэм всегда добивается своего. Если он сказал, что за контрактом дело не станет, значит, так оно и будет.

Мы с Бернштейном пожали друг другу руки.

– О'кэй, – согласился я. – Я напишу сценарий, а вы продадите его Голду. Так?

– Так, – ответил Сэм. – Я уезжаю. Я и так украл у вас слишком много минут вашего медового месяца. Но и напоследок скажу, что такая драма не может не волновать. Мы будем работать вместе, чтоб и фильм был не хуже пьесы. За контракт не переживайте: он будет составлен на очень выгодных для вас условиях. Приезжайте в понедельник ко мне на студию в десять утра. Кэрол покажет вам, где находится мой кабинет. И мы примемся за работу.

Когда гость ушел, Кэрол бросилась в мои объятия.

– Господи, как я рада! – воскликнула она. – Бернштейн сделает прекрасный фильм. Если вы будете работать вместе, результат получится отличным. Ну, разве это не чудесно? Ты доволен?

Я был испуган и встревожен. В моих ушах звенел голос Бернштейна: «Мне нравится ваша точка зрения. И нравится манера изложения. Ваша драма волнует, трогает сердце. Контракт будет составлен на очень выгодных для вас условиях». Все сказанное Сэмом относилось не ко мне. Он говорил о Джоне Коулсоне. Я же знал то, что не смогу написать сценарий.

Кэрол высвободилась из моих объятий и посмотрела на меня, в глазах ее была тревога.

– Что случилось, дорогой? – спросила жена и легонько встряхнула меня. – Почему у тебя такой унылый вид? Разве ты не рад?

– Нет слов, очень рад, – сказал я и, присев на кушетку, закурил сигарету. – Но, Кэрол, надо хорошенько все обдумать. Я никогда не писал киносценариев. Я с большим удовольствием продал бы право на экранизацию пьесы, и пусть бы Бернштейн сам искал человека, который написал бы ему сценарий. Я не уверен...

– Вздор, – сказала жена, садясь рядом со мной и взяв меня за руку. – Ты сможешь написать сценарий. Я помогу тебе. Давай начнем сейчас же. Сию минуту.

Кэрол поднялась и ушла в библиотеку быстрее, чем я успел остановить ее, и я услышал, как миссис просит Рассела приготовить на завтрак сэндвичи.

– Мистер Клив будет перерабатывать свою пьесу на киносценарий, – донеслось до меня. – Правда, Рассел, чудесно? Мы начнем работать немедленно.

Жена вернулась с копией пьесы, села за стол и начала обработку. За час с небольшим Кэрол набросала черновой вариант сценария. Мне оставалось только соглашаться с ней, потому что, набив себе руку и имея опыт в написании сценариев, Кэрол, почти не задумываясь, излагала концепцию пьесы. Я знал, что любое вмешательство с моей стороны не было бы полезным. Когда мы сделали перерыв, чтобы позавтракать сэндвичами и цыплятами и выпить фруктовый сок со льдом, жена сказала:

– Клив, ты обязательно должен сам написать этот сценарий. Если он будет удачным, твое будущее обеспечено. У тебя настоящий дар создания диалогов... ты напишешь прекрасный сценарий.

– Нет, – запротестовал я и, вскочив, стал расхаживать по комнате. – Я не смогу написать его. Я не умею писать сценарии... это же абсурд.

– Успокойся. – Кэрол протянула ко мне руку. – Ты сможешь написать его. Прислушай этот диалог... – И она начала читать отрывок из пьесы.

Я остановился, пораженный значением и силой слов. Таких слов я ни за что бы не смог написать. В них были красота, ритм и накал. И когда я слышал их, эти слова жгли мой мозг. Я чувствовал, что не выдержу этой пытки. Наступил критический момент, когда я готов был выхватить пьесу из рук Кэрол. Я сознавал, что если буду продолжать слушать чтение, то сойду с ума. Я отвлекся своими мыслями, хотя и они были все о том же, о пьесе. Каким же идиотом я был, воображая, что смогу писать, как Коулсон. Я вспомнил слова Голда: «Я часто думал над тем, как вам удалось написать такую пьесу». Было слишком опасно и рискованно приниматься за киносценарий. Если я не смогу написать его удачным, все выйдет наружу. Голд уже и так подозревает меня. Иначе зачем бы он стал говорить мне подобные слова? Если созданный мной сценарий будет слаб, всем станет ясно, что пьеса написана не мной, а кем-то другим. Бог знает, что произойдет со мной, если об этом догадаются.

– Ты слушаешь меня, дорогой? – спросила Кэрол, оторвавшись от чтения.

– Давай не будем больше сегодня работать, – сказал я, снова наливая себе сок. – На сегодня сделали достаточно. Я поговорю с Бернштейном в понедельник. Может быть, у него есть на примете кто-нибудь, кому он

поручит сценарий.

Кэрол с удивлением посмотрела на меня.

– Но, дорогой...

Я взял у нее пьесу.

– Мы не будем больше работать сегодня, – твердо заявил я и вышел на веранду, не смея встретиться со взглядом Кэрол.

Высоко в небе сияла луна, освещающая озеро, долину и горы. Но в этот момент красоты природы не коснулись моей души с той силой, с которой обычно действовали на меня. Все мое внимание было сконцентрировано на человеке, сидящем на деревянной скамье в дальнем углу сада. Лица его я разглядеть не мог: он был слишком далеко от меня. Но было что-то удивительно знакомое в его фигуре и позе. Он сидел, опустив плечи и сложив руки на коленях. Ко мне подошла Кэрол.

– Удивительно красиво, правда? – спросила она, взяв меня под руку.

– Ты видишь? – указал я на мужчину, сидящего на скамейке. – Кто этот человек? Что ему здесь нужно?

– Какой человек, Клив? – изумилась жена.

По спине у меня пробежал холодок.

– А разве вон там на скамейке не сидит кто-то? Луна так хорошо освещает его.

Кэрол резко повернулась ко мне.

– Но там никого нет, дорогой.

Я посмотрел снова. Она была права. Скамейка пустовала.

– Странно, – сказал я и от промелькнувшей догадки внезапно вздрогнул. – Наверное, это была тень, а мне показалось, что это человек.

– Ты вообразил то, чего нет на самом деле, – встревоженно произнесла Кэрол. – Уверяю тебя, там никого не было.

Я прижал ее к себе.

– Пойдем в гостиную. На террасе очень холодно.

Когда мы легли спать, я долго не мог заснуть и лежал с открытыми глазами, глядя в темноту.

Глава 15

Сэм Бернштейн снял очки в роговой оправе и широко улыбнулся мне.

– Да, – сказал он, похлопывая маленькой пухлой рукой по написанному мной и Кэрол черновику сценария. – Это как раз то, что мне нужно. Тут не все мне нравится, но можно будет чуточку подработать – и все сойдет. Для начала и это хорошо.

Сидя в низком комфортабельном кресле, я внимательно смотрел на Сэма.

– Я согласен с вами. У двух людей не может быть совершенно одинаковых мнений, поэтому я написал сценарий так, как представил его себе в качестве первого и пробного варианта с тем расчетом, что будет и второй, дополнительный и уточненный.

Бернштейн пододвинул к себе коробку с сигарами, выбрал одну, протянул коробку мне, но я покачал головой. А Сэм закурил и потер руку об руку.

– Я не ожидал, что вы так быстро сделаете любой вариант. Давайте посмотрим его внимательнее. Когда мы обо всем договоримся, вы возьмете сценарий на переделку, а потом снова дадите мне просмотреть его. А уж затем я переговорю с Р.Г.

– Едва ли вам это удастся, – уныло заметил я.

Бернштейн рассмеялся.

– Это будет на моей совести. За последние пять лет у нас с Р.Г. было много случаев, когда мы расходились во взглядах. И каждый раз в конце концов он поступал так, как я хочу. Предоставьте это мне.

– Пожалуйста, – ответил я, чувствуя, что Сэм не убедил меня. – Я предоставляю это вам, но предупреждаю, что Голд ненавидит меня до глубины души.

Снова я своими опасениями рассмешил Сэма.

– Я не виню Р.Г. Кэрол очаровательна. Вам крупно повезло, что вы женились на ней. Но даже если Голд ненавидит вас всеми фибрами души, он все равно оценит хороший сценарий. – Сэм снова похлопал по принесенным мной для прочтения листам. – А это как раз то, что надо!

Эти слова немного успокоили меня.

– Ну что ж, давайте посмотрим сценарий детальнее.

Следующий час был для меня часом, в течение которого я получил очень ценную информацию. Я узнал за шестьдесят минут столько нового о

технике написания киносценариев, сколько не узнал за все время, проведенное в Голливуде.

– Основное достоинство вашей пьесы в том, – отметил Бернштейн, закуривая вторую сигару, – что в ней достаточно исходных данных для создания первоклассного фильма без добавления новых материалов. Это очень редкий случай, мистер Фарстон. – Сэм бросил спичку. – Далее. Многие авторы возражают против того, чтобы я переделывал написанные ими сценарии. Они не понимают, что в мои обязанности входит придание их материалам нового звучания. Для того чтобы создать хороший фильм, требуются искусство и интуиция не только автора, но и режиссера. Именно поэтому мы и должны работать сообща, если намерены преуспеть. – Сэм начал собирать листы бумаги, на которых сделал свои пометки. – Вам ясно, что мне нужно? Я не слишком много требую от вас?

Я покачал головой.

– Все прекрасно, – ответил я, вполне удовлетворенный нашей совместной работой.

– Да, все прекрасно. – Бернштейн радостно улыбнулся мне. – Возьмите все это с собой и напишите второй вариант сценария. Мне кажется, что, когда вы это сделаете, нам можно будет со спокойной душой пойти к Р.Г.

Я встал.

– Очень благодарен вам, мистер Бернштейн. Я в восторге от работы с вами и надеюсь в самое ближайшее время принести второй вариант.

– Не торопитесь особенно. – Сэм проводил меня до двери.

– Кэрол, наверное, будет занята сегодня весь день? – спросил я, когда мы пожимали друг другу руки.

– Не уточнял. Вы можете это узнать у нее самой. Она в кабинете Джерри Хайамса. Вы найдете, где это?

– Конечно, – ответил я. – До свидания, мистер Бернштейн. Надеюсь, что мы скоро встретимся.

Я быстро прошел по коридору и даже не замедлил шага у кабинета Хайамса. Мне не хотелось снова встречаться с Френком Ингремом. Не стоило рисковать и входить в кабинет Хайамса: Ингрем, узнав о возвращении Кэрол, мог наверняка быть там. Я увидел в конце концов телефонную будку и остановился рядом с ней, чтобы взглянуть на часы. Было без пяти двенадцать. Если мне повезет, к телефону подойдет Ева: Марти, наверное, еще не появилась. Я вошел в будку и закрыл за собой дверь. Когда я набирал номер, сердце мое бешено билось в груди от волнения. Через некоторое время мне ответили:

– Хэлло.

Я сразу узнал ее голос.

– Ева? Как ты поживаешь?

– Доброе утро, Клив. А как ты? Что это так рано позвонил мне?

– Я разбудил тебя? – спросил я, удивляясь тому, что голос ее был таким дружелюбным.

– Нет. Я уже встала. Я пила кофе.

– Когда я увижу тебя?

– А когда ты сможешь приехать?

– Одну минутку, Ева. – Я был так поражен, что забыл об осторожности. – Ты же сказала, что не хочешь больше видеть меня.

– Тогда я действительно не хотела тебя больше видеть, – ответила Ева с характерным ей смешком.

– Я приеду сейчас же, – заявил я. – Ты просто дьявол. Я так переживал эти два дня. Я думал, ты говорила серьезно.

Она снова захихикала.

– Вот теперь ты ручной, Клив, и разговариваешь как положено. А два дня назад я действительно не хотела тебя видеть: я рассердилась. Ты ужасно обошелся со мной.

– Я согласен с тобой. Но ты хорошо проучила меня, и отныне это не повторится.

– В следующий раз я уже не прощу тебя.

– Давай встретимся и позавтракаем вместе.

– Нет. – В голосе женщины послышались резкие нотки. – Я не собираюсь покидать дом, Клив. Можешь приехать, если хочешь, и повидать меня, как и принято по моей профессии, но завтракать я с тобой не поеду.

– Нет. Ты поедешь со мной и позавтракаешь без всяких споров и лишних слов, – настаивал я.

– Клив! – В голосе Евы появилось знакомое раздражение. – Говорю тебе, я обойдусь без твоего завтрака.

– Мы поговорим об этом, когда встретимся. Через полчаса я буду у тебя.

– Нет, это слишком рано, Клив. Я не успею привести себя в порядок. Я буду готова к часу.

– Хорошо. И надень платье покрасивее.

– Я никуда не поеду с тобой.

– На этот раз в виде исключения приказывать буду я, а не ты, – рассмеялся я. – Оденься пошикарнее... – Ответа не было: Ева бросила трубку. Я посмотрел на телефон и ухмыльнулся. Прекрасно, милая, мы еще увидим, кто будет хозяином положения – ты или я.

Я подошел к стоянке, сел в машину, медленно проехал на «Крайслере» по дорожке и выехал из ворот студии. Настроение у меня было прекрасное. Я был уверен, что мне удастся справиться с Евой. Она может обрывать разговор и бросать трубку сколько ее душе угодно, чтобы удовлетворить свое тщеславие, но она пойдет со мной завтракать, даже если мне придется затащить ее в ресторан в ночной сорочке. Удачное сотрудничество с Бернштейном вселило в меня огромную веру в собственные силы. «Если я не смогу обуздать строптивую Еву, – сказал я себе, – значит, я не заслуживаю того, чтобы преуспеть в работе». Я подъехал к клубу писателей и спросил у Стиварда, есть ли для меня какая-нибудь почта. Он дал мне несколько писем, и я, подойдя к бару, заказал виски с содовой. Я сразу увидел, что письма от Евы нет. Оставив стакан на столе, я снова подошел к Стиварду и спросил, нет ли для меня еще писем.

– Нет, сэр, – сказал он.

Я был несколько обескуражен услышанным. Ведь Ева уверяла меня, что возвратила мне сорок долларов, которые я оставил ей в тот последний вечер, когда, казалось, распрощался с ней навсегда. Я подошел к телефону и позвонил ей.

– Да, – сразу ответила моя строптивица.

– Надеюсь, что я не вытащил тебя из ванной, Ева, – сказал я. – Помнишь, ты говорила, будто возвратила мне деньги?

– Я их возвратила, – резко ответила Ева.

– В клуб писателей?

– Да.

– Но их здесь нет.

– Я здесь ни при чем, – очень категорично бросила она. – Если я говорю, что отправила деньги, значит, так оно и было.

– Но, Ева, я хочу, чтобы ты оставила эти деньги себе. Я приехал в клуб забрать их и вернуть тебе. Ты уверена, что отослала их?

– Абсолютно уверена, к тому же я не возьму их обратно. Мне они не нужны. Я рассердилась на тебя и возвратила деньги. Даже если ты снова привезешь их, я не приму эти доллары от тебя.

Я задумчиво уставился на неразборчивые каракули на стене телефонной будки. С отправкой денег явно было что-то не так.

– Ты вложила какую-нибудь записку в конверт?

– Для чего? – Голос Евы был злым. – Я вложила в конверт деньги и написала адрес клуба.

Она лгала. Теперь я понял, что у нее никогда и не было намерений отсылать мне эти не заработанные ею деньги: ведь я ушел в тот вечер,

бросив ее. Ева хотела отомстить мне за уход и продемонстрировать свою власть надо мной. Ева знала, что мне будет неприятно, если она отошлет деньги, но расстаться с ними из-за алчности не могла. Поэтому расчетливая проститутка пошла на уловку, понадеявшись на то, что я поверю, что деньги мне возвращены. Это давало двойной выигрыш: деньги оставались на месте, а я был наказан. Таким образом, по Евиным расчетам, должно было получиться, что и овцы целы, и волки сыты. Поначалу так и вышло. Я из-за этих якобы отправленных мне денег мучился целых два дня. Но теперь я понял, что Ева не такая уж умная и ловкая, чтобы одурачить меня. Мое презрение к ней было равносильно победе над ней.

– Возможно, они затерялись среди почты, – насмешливо проговорил я. – Не обращай на это внимания. Я возьму их тебе.

– Мне не нужны эти деньги, Клив, – огрызнулась женщина. – Я не могу больше говорить. Переполнится ванна.

– Поговорим и о деньгах, и о многом другом при встрече, – сказал я и поторопился бросить трубку первым, но все равно опоздал.

Я вышел из телефонной будки и вернулся в бар. Очень хорошо, что я уличил Еву во лжи. Если бы женщина действительно возвратила мне деньги, она так высоко поднялась бы в моих глазах, что я не смог бы больше покровительственно относиться к ней. Теперь все было иначе. «Идиотка, – думал я, – неужели она считает меня простачком?» Я просидел довольно долго в баре, думая о Еве. Я решил сказать ей, что разгадал ее обман, и нетерпеливо поглядывал на часы, удивляясь тому, что время тянется так медленно. Впервые со дня нашей встречи я чувствовал уверенность, что могу делать с этой женщиной все что мне заблагорассудится и что теперь она у меня в руках. До сих пор я не мог справиться с ней. Настало время показать ей, у кого из нас сильнее воля. Я докажу ей, что моя воля крепче, заставив Еву поехать позавтракать со мной. И после того, как она уступит мне, порву с ней навсегда. В 12.55 я подъехал к Лаурел-Каньон-Драйв, затормозил у Евиного дома и загудел, давая знать, что я прибыл. Потом я вышел из машины, спустился по дорожке к дому, постучал в дверь, вынул сигарету и закурил. Я немного подождал и вдруг понял, что в доме царит полная тишина. Обычно, стоило мне постучать, как тут же слышались шаги Марти. Начиная нервничать, я постучал снова. Никакого отклика. Я ждал, испытывая неприятный холодок в груди. Я постучал еще несколько раз. Все напрасно. Ничего не оставалось, как сесть в «Крайслер». Я медленно поехал по улице. Отъехав подальше от дома, я вынул из пачки еще одну сигарету. Когда я прикурил ее, то заметил, что моя рука дрожит. Внезапно я вспомнил Херви Бероу,

вернее, произнесенные им о Еве слова: «Я сказал, что увезу ее, и она согласилась. Я заезжал за ней четыре раза, и каждый раз ее проклятая служанка говорила, что хозяйки нет дома. Но я знал, что она дома и что просто играет со мной в кошки-мышки». Я вцепился в руль: Ева опять издевалась надо мной. Она даже не сочла нужным прислать для объяснения со мной Марти и придумать в свое оправдание какую-нибудь ложь. Я представил, как Ева, наклонив голову, стоит в своей крошечной спальне и слушает, как я барабаню в дверь. Марти тоже участвует в этом заговоре против меня. Обе женщины обмениваются взглядами и улыбаются. «Пусть стучит сколько ему вздумается, – шепчет Ева. – Когда-нибудь это ему надоест, и он уйдет».

Я медленно поехал по Сансет-стрит. Голова моя была пустой. Я не мог сообразить, что мне такое предпринять, чтоб заставить лживую потаскушку испытать не злость и ярость, а боль и муку. Мне очень хотелось этого. Но я ничего не придумал, потому что для Евы была бы малой самая страшная из мук. Я только решил позвонить и таким способом проверить, дома ли эта лгунья. Остановившись у бакалейного магазина, я подошел к телефону и набрал ее номер. Ответа не было. Я представил себе, как она, услышав звонок, уже почти касается телефонной трубки, но отдергивает руку, предположив, что это звоню именно я. Я прислонился к стенке телефонной будки и стал ждать. Рвущий барабанные перепонки и душу непрерывный гудок затмил мой разум. В нем родилась мысль об убийстве Евы. Эта мысль захватила меня целиком и доставила мне несказанное удовольствие. Потом, ужаснувшись и не понимая, как вообще могло прийти мне такое в голову, я бросил трубку и выбежал на освещенную солнцем улицу. «Неужели я сошел с ума?» – спрашивал я себя по дороге во Фри-Пойнт. Одно дело беситься от ярости из-за вероломства проститутки, другое дело – убить ее... Как я хоть на минуту мог допустить возможность такого безумного, глупого и опасного поступка! И вместе с тем я знал, что получил бы огромное удовольствие, прикончив Еву. Таким путем, казалось мне, легче разрубить гордые узел наших отношений, чем заставить Еву полюбить меня, подчинить ее волю моей. Все равно Ева не будет никогда принадлежать мне иначе как проститутка. Я гнал от себя страшную мысль, ужасаясь ее навязчивости. Но избавиться от нее было не в моих силах. Я уже с удовольствием обдумывал детали убийства. Как-нибудь вечером, когда Евы не будет дома, я тайком проберусь в ее маленький домик и стану ждать ее возвращения. Я спрячусь в одной из комнатушек наверху и буду находиться там до тех пор, пока не услышу, что отпирается входная дверь. Я выйду из своего укрытия и посмотрю с лестничной площадки вниз,

чтобы убедиться, что Ева пришла одна. Может, перед сном она захочет принять ванну. Я проскользну снова в одну из пустых комнат и стану ждать, пока Ева не возвратится в спальню. Я уже получал огромное удовольствие от мысли, что женщина будет бродить по пустым комнатам домика, полагая, что находится в полном одиночестве, в то время как я буду прятаться наверху, ожидая подходящего момента, чтобы убить ее. Может быть, Ева придет домой такая же пьяная, как прошлый раз, когда я ушел от нее. Если она вернется пьяная, мне будет еще проще убить ее. У меня не возникнет к ней ни желания, ни жалости, особенно, если я услышу, что женщина храпит во сне, и почувствую, что от нее несет виски. Вернувшись пьяной, Ева сразу пойдет в спальню. Мне будет слышно все, что станет делать хозяйка дома. Я уже достаточно хорошо изучил ее, чтобы совершенно точно предугадать каждое ее движение. Вначале она снимет юбку. Она всегда снимает ее, как только входит в дом, потому что юбка сшита в обтяжку, и когда Ева садится, корсаж впивается в тело. Потом она подойдет к гардеробу, возьмет вешалку и аккуратно повесит пальто и юбку. Затем начнет снимать прозрачное нейлоновое белье. Возможно, в это время женщина закурит. Потом она наденет ночную сорочку и ляжет в кровать. Внимательно прислушиваясь, я точно буду знать, что делается в спальне в любую из минут по тому характерному шуму, которым сопровождается каждое человеческое движение. Последним звуком, который я услышу, будет легкий скрип кровати от веса Евиного тела. Возможно, женщина почитает перед сном, а возможно, выключит свет и станет курить в темноте. Что бы она ни делала, я буду ждать, пока моя жертва уснет.

Я готов просидеть несколько часов в маленькой, душной комнатухе, только бы разделаться с Евой. Когда она уснет, я осторожно и бесшумно, словно тень, спущусь вниз и проникну в спальню. Я разбужу Еву только тогда, когда она уже не сможет вырваться из моих рук, чтобы спастись. Я не скрипну дверью и не споткнусь: каждый мой шаг в темноте будет точным. Не потревожив сна женщины, я сяду на кровать. Если я даже не разгляжу, я по дыханию абсолютно верно определю, где лежит голова Евы. И на этом моменте закончатся все мои приготовления к убийству. Останется одно: убить. И вот тогда одной рукой я сдавлю горло спящей, а другой включу настольную лампу. А после придет минута, которая излечит все причиненные мне Евой раны. Но перед победным концом будет одно короткое мгновение, когда женщина, очнувшись ото сна, узнает меня. Мы посмотрим в глаза друг другу, и она поймет, зачем я здесь, поймет, что я пришел убить ее. Она будет смотреть на меня с беспомощным ужасом, и впервые мне удастся увидеть лицо, искаженное какими-то человеческими

эмоциями, а не деревянную маску. Передо мной будет человек, а не проститутка с обычными уловками, присущими ее профессии. Это продлится несколько секунд. Но мне и этого будет достаточно для моего торжества. Я убью Еву быстро. Чтобы она не вырвалась, я, нажав коленом на грудь, вдавлю ее тело всей своей массой в кровать. А руками я задушу Еву, сжав ее горло мертвой хваткой. Жертва не успеет ни шелохнуться, ни пикнуть: с ней будет покончено в два счета. И никто не узнает, что убийца я: Еву может убить любой из ее клиентов.

К действительности меня вернул продолжительный автомобильный сигнал. Я был так погружен в свои мысли, что не заметил, как мой «Крайслер» выехал на левую сторону дороги. Только благодаря тому, что водитель встречного «Кадилака» быстро и умело совершил объездной маневр, удалось избежать столкновения машин. Когда опасность миновала, я продолжил движение по правой стороне шоссе. После этой встряски я вел машину осторожнее и доехал до Фри-Пойнта благополучно, все еще с удовольствием обдумывая, как я расправлюсь с Евой. Было около трех часов, и я попросил Рассела принести мне на террасу сэндвичи и виски. Ожидая, пока Рассел подаст еду, я ходил взад и вперед по террасе, с бешенством вспоминая, как со мной обошлась Ева, и удивляясь тому, что она полностью завладела мной, несмотря на ее полное безразличие ко мне. То, что я в деталях разработал план убийства Евы и что испытал радость от такой расплаты, приводило меня в ужас. Несколько недель тому назад подобная мысль никогда бы не пришла мне в голову. А сегодня, когда я был так унижен, мысль об отмщении через убийство показалась мне спасительной. Я видел в этом единственную возможность восторжествовать над Евой. Нужно выбросить из головы не только планы о мести, но и причину этих страшных планов – Еву. Она ужасно относится ко мне, и никогда ее поведение не будет другим. Остается только одно: примириться со своим поражением и забыть ее. Я не смогу написать ни одной стоящей книги, пока проститутка будет оказывать на меня свое тлетворное влияние, целиком занимать мои мысли и портить мне нервы, как, например, сегодня. Надо с этим покончить.

Слуга принес и поставил на стол поднос.

– Доставь мне пишущую машинку, Рассел, – повернувшись к нему, попросил я. – Мне нужно работать.

Он расплылся в улыбке.

– Надеюсь, что дела на студии идут хорошо, сэр?

– Все в порядке, – не проявляя никакой радости, ответил я. – Будь другом, дай мне работать.

Слуга мельком посмотрел на меня. И улыбка на его лице исчезла. Он тут же отправился в библиотеку за машинкой. Я сел и начал изучать заметки Бернштейна, но не в силах был сосредоточиться: из головы не выходила Ева. Я не мог примириться с унижением, которому она меня подвергла. Именно я, а не кто-то другой стоял перед ее запертой дверью, как какой-то уличный торговец. Чем больше я об этом думал, тем взвинчивал себя все сильнее. Когда Рассел поставил рядом со мной машинку и ушел, я не смог заставить себя работать и, доев сандвичи, начал пить виски. Ева заплатит за все, думал я, наливая виски трясущейся рукой. Я найду способ рассчитаться с мерзавкой. Я залпом выпил виски и налил снова. Я повторил процедуру с наполнением стакана несколько раз, пока не почувствовал тяжести в ногах. Я понял, что опьянел. Оттолкнув стакан, я придвинул к себе машинку. «К черту Еву, – громко проговорил я. – Она не остановит меня. Никто не остановит меня». Я попытался написать для заказанного сюжета первую сцену с учетом замечаний Бернштейна, но после часа мучительного и напряженного труда выхватил лист из машинки и разорвал его на кусочки. У меня не было творческого настроения. Я ушел с террасы и стал бродить по пустым комнатам дома. Рассела в доме не было. Наверное, спрятался где-то в лесу, чтобы спокойно подремать. В доме было невыносимо одиноко, и я подумал, что совершил ужасную глупость, поселившись в таком уединенном месте. Пока Кэрол была рядом, все было прекрасно, но теперь, когда она станет работать на студии, здесь будет ужасно скучно. Как я ни старался думать о чем-либо другом, я все равно возвращался в мыслях к Еве. Я взял испытанное средство забыться – книгу, стал читать, но, пробежав глазами страниц шесть, убедился, что не имею ни малейшего представления о том, что я прочитал, и через всю комнату швырнул книгу на пол. Виски наконец-то подействовало: голова моя стала тяжелой, настроение бесшабашным. Я решительно подошел к телефону. Сейчас я выскажу этой бездушной стерве все, что думаю о ней. Если она считает, что имеет право по-свински обращаться со мной и что это сойдет ей с рук безнаказанно, она очень даже ошибается. Я поставлю ее на место. Набрав номер, я сохранял твердость духа, данное себе слово намерен был сдержать.

– Кто говорит? – спрашивал меня голос Марти.

И как только я услышал голос служанки, а не самой Евы, я отказался от попытки какого-либо разговора. Я просто молча положил трубку. Я не захотел объясняться с Евой через Марти. Я закурил сигарету и неуверенной походкой снова поплелся на веранду. «Так больше продолжаться не может, – сказал я себе в десятый, может, раз, – надо попытаться работать».

Я снова уселся за стол и принялся читать заметки Бернштейна, но, чувствуя, что не воспринимаю написанного, в отчаянии отшвырнул сценарий в сторону. В ожидании жены все остальное время я бродил по саду, курил сигарету за сигаретой и злился по той причине, что я одинок и покинут.

Кэрол вернулась к обеду. Она вылезла из своей маленькой двухцветной – кремовой с голубым – машины, бегом пересекла лужайку и бросилась ко мне. При виде жены я почувствовал облегчение. Я крепко прижал ее к себе и долго не отпускал.

– Как дела, дорогая? – улыбаясь, спросил я. – Как ты себя чувствуешь? Она вздохнула.

– Я очень устала, Клив. Мы работали без передышки. Пойдем в дом, и налей мне что-нибудь выпить. Ну, рассказывай свои новости.

Мы пошли к дому, и по дороге жена рассказала мне, как прошло совещание.

– Пока Р. Г. доволен, – сказала она. – Это будет великолепная картина. Джерри просто бесподобен, и даже Р. Г. внес на этот раз одно ценное предложение.

Я налил для Кэрол джин и выжал в стакан лимонный сок, а себе опять взял виски.

– Послушай, Клив! – внезапно воскликнула Кэ-рол. – Неужели ты один выпил почти целый графин виски? Еще утром он был полным.

Я протянул ей стакан и рассмеялся.

– Конечно, нет, – заверил я. – За кого ты меня принимаешь? За пьяницу? Я опрокинул графин и разлил половину его содержимого.

Кэрол внимательно посмотрела на меня, но, увидев, что я не отвел глаза, просияла:

– Конечно, ты не пьяница, – улынулась она. Кэрол показалась мне бледной и измученной. – Сэму понравился сценарий?

Я кивнул.

– Конечно, понравился. А почему бы и нет? Разве не ты написала его?

– Мы написали его вместе, дорогой, – ответила моя добрая Кэрол, и я почувствовал, что она встревожилась. – Надеюсь, что ты не переживаешь из-за этого? Я хочу сказать, что я не стала бы вмешиваться, если бы не...

– Не будем говорить об этом, – оборвал я жену, – я и сам знаю, что не мастак писать киносценарии, и не прочь поучиться у тебя. – Я сел рядом с женой и взял ее за руку. – Мне никак не удастся переработать его в соответствии с замечаниями Бернштейна. Знаешь, Кэрол, я все же хочу, чтобы Сэм нанял кого-то другого писать киносценарий: я все время

топчусь на одном месте. У меня ничего не получится.

– Дай мне сигарету и расскажи о требованиях Бернштейна.

Я прикурил для Кэрол сигарету, потом передал в подробностях разговор с Бернштейном. Внимательно слушая, по временам одобрительно кивая темноволосой головкой, Кэрол со знанием дела вникала в замысел будущей киноленты.

– Сэм просто великолепен, – заявила Кэрол, когда я закончил. – Так будет значительно лучше. Ты обязательно должен переработать сценарий, Клив. Я знаю, что ты сможешь это сделать, да ты и сам понимаешь, насколько это важно для тебя.

– Тебе хорошо говорить, Кэрол, – с горечью возразил я, но пойми, я в жизни не написал ни единого киносценария. Я потратил все утро, а результата нет.

Кэрол испытующе и удивленно смотрела на меня.

– Может быть, завтра все будет иначе, – с надежной сказала она. – Сэм думает, что тебе не потребуется много времени, чтобы переработать вариант набело. Дело в том, что нужно поскорее приступить к студийному этапу работы над новым киносценарием.

Я раздраженно вскочил на ноги.

– Не знаю. Нельзя же заставить человека, когда ему не пишется.

Кэрол подошла и обняла меня.

– Не нервничай, Клив. Все будет хорошо, вот увидишь.

– К черту все дела. Сейчас надену халат и весь вечер буду отдыхать. У тебя есть что читать?

– Я должна еще поработать, – ответила жена. – Кое-что исправить, изменить в сюжете.

– Не можешь же ты отдавать работе не только день, но и ночь, – возразил я, раздраженный тем, что даже вечером Кэрол была способна трудиться. – Отдохни. Это пойдет тебе на пользу.

Жена подтолкнула меня к двери.

– Не искушай, Клив, отдыхом. Он мне необходим, но и дело срочное. Посиди пока на террасе один. Посмотри, как здесь красиво. Как только я разберусь со своими бумагами, я сразу приду к тебе.

– Ничего не поделаешь, если ты не можешь оставить работу на завтра. – Я пошел в спальню, снял пиджак и надел халат. Потом вернулся на террасу и сел.

Солнце садилось, золотя вершины гор, видневшиеся на фоне ярко-голубого неба. На террасе было тихо, тепло и спокойно, но ум мой не знал покоя. Я глядел без прежнего восхищения на горы. Красота их меня не

радовала. Я перевел взгляд на сад. И вдруг снова увидел, что на скамейке сидит какой-то человек. Плечи его опущены, руки зажаты между колен. И тут я узнал его – и словно чья-то ледяная рука сжала мое сердце. Джон Коулсон! Но он умер почти три года назад! Я видел его лежащим в гробу и видел, как потом обтянутый черным крепом гроб с мертвым телом драматурга унесли четверо пожилых мужчин в черном. И все же он сидел в саду, повернувшись ко мне спиной, неподвижный, как человек, погруженный в глубокое раздумье. Я вскочил, подбежал к перилам веранды и стал до боли в глазах всматриваться в того, кто показался мне Джоном. Когда я пригляделся более внимательно, фигура человека, сидящего на скамейке, превратилась в тень, отбрасываемую кустом роз, освещенным последним лучом заходящего солнца. Я долго стоял, вцепившись в перила, чувствуя, как мое сердце бешено бьется и как от ужаса я обливаюсь холодным потом. «Неужели я схожу с ума? – спрашивал я себя. – Что это? Обман зрения, или Коулсон действительно пришел обратно из царства мертвых на землю?» Наконец я нашел в себе силы и, дотащившись до стула, сел. Наверное, я слишком много выпил, решил я. Никогда за все те годы, что я считался автором пьесы умершего драматурга, я не воскрешал в своем сознании ни единой детали своего прошлого. Но теперешняя моя работа над пьесой Коулсона, попытки имитировать написанные им диалоги, углубить его мысли привели к тому, что моя память, разбуженная этими внешними раздражителями, так живо восстановила образ, что достаточно было игры света и тени, чтобы мне показалось, что я вижу давно перешедшего в мир иной Джона. Я попытался убедить себя, что это – единственная причина моих галлюцинаций, и все же сердце мое трепетало от ужаса. Темнело. Я продолжал сидеть на террасе, думая о Коулсоне. Я знал, что поступаю беспринципно, превращая его пьесу в киносценарий, но я слишком далеко зашел, чтобы остановиться. Я не должен был красть пьесу. Но не случись этого – я не стал бы известным писателем и не сидел бы на террасе шикарной виллы в одном из самых очаровательных уголков Калифорнии. Я никогда бы не встретил Кэрол. Я перевел дыхание – нечего греха таить, – я никогда бы не узнал Евы.

– Что ты тут делаешь в темноте? – спросила Кэрол, выходя на террасу. – Видно, не представляешь, сколько часов ты сидишь здесь, дорогой. Уже первый час.

Я вздрогнул от голоса, вернувшего меня к настоящему.

– Я думал, – ответил я и встал, почувствовав боль в затекших ногах и озноб. – Я даже не представлял, что так много времени. Ты кончила?

Жена обняла меня за шею и поцеловала.

– Не сердись, дорогой, – прошептала она мне на ухо. – Я набросала для тебя черновик нового сценария. Теперь тебе останется только подправить его и отвезти Бернштейну. Сценарий получился очень удачным. Ты не сердись?

Я посмотрел на нее и позавидовал ей. То, что мне вообще не удалось, дается ей так легко.

– Но, Кэрол, ты не должна работать за нас двоих. Это же абсурд. Так дойдет до того, что я буду у тебя на содержании.

– Не сердись, – умоляла она, – ведь я только обобщила твои мысли и замечания Сэма. Даже стенографистка с успехом могла бы выполнить эту работу. Завтра ты все отшлифуешь и отдашь Сэму. Потом Р. Г. просмотрит сценарий, уверена, одобрит его, и тогда тебе действительно придется взяться за работу. Поцелуй меня и не хмурься. – Я поцеловал жену. – Пойдем спать, – сказала она. – Завтра я должна встать очень рано.

– Я сейчас приду, – ответил я, чувствуя, что меня одолевает хандра. – Иди. Я сейчас.

Кэрол пошла в спальню. Я вернулся на террасу и снова посмотрел на освещенную луной скамейку. Она была пуста, я закрыл окна и отправился спать.

Глава 16

В последующие четыре дня я окончательно убедился в том, что совершил ужасную ошибку, оставшись жить во Фри-Пойнте. Я отрезал себя от общества и развлечений, меня мучили скука и одиночество. Очарованный тишиной и покоем этого места, я вначале наивно надеялся, что именно этот прекрасный уголок Земли нашей вдохновит меня на создание романа. Но, когда пришло время приняться за работу, я обнаружил, что вдохновения как не бывало и что прелестное местечко – просто глухомань. Я с трудом заставил себя написать переработанный второй вариант сценария. Кэрол выполнила всю необходимую работу, и единственное, что мне оставалось сделать, – просто перепечатать сценарий. Мне ничего не надо было переправлять или добавлять, и все же потребовалась вся моя воля, чтобы заставить себя сесть за машинку. Несколько раз я порывался позвонить машинистке, вызвать ее и попросить допечатать сценарий. Но в конце концов я все же напечатал его сам и вручил Бернштейну. Я с нетерпением ждал ответа от Голда. Я решил, если он согласится принять сценарий, просить поручить остальную работу над ним кому-нибудь другому. Я никогда не осмелюсь дать дополнительный диалог, необходимый для постановки фильма. У меня не было ни малейшей надежды, что я смогу имитировать блестящие остроумием диалоги Джона Коулсона. Если я представлю написанный мной диалог, такой пронзительный человек, как Голд, сразу же поймет, что не я автор пьесы. Мне не хотелось думать о своем финансовом положении, но дела обстояли так, что тревога за завтрашний день возникала сама собой: от моего капитала почти ничего не осталось. Доходов не было, а долги росли, с каждой неделей становилось все больше и больше. Я ни словом не обмолвился об этом с Кэрол, так как знал, что она тут же вмешается и настаит на том, чтобы расплатиться за меня. Она прекрасно зарабатывала на киностудии, мало тратила на домашние расходы и на туалеты и всю основную сумму вносила в банк. И все же, каковы бы ни были мои недостатки, я твердо решил, что не приму от жены ни доллара.

Пока Кэрол находилась на киностудии, мой день тянулся бесконечно долго. Несколько часов ежедневно я проводил, запершись в библиотеке, и, когда одиночество становилось невыносимым, уходил в лес и бродил там, охваченный тяжелой депрессией. Я постоянно думал о Еве и о Джоне Коулсоне. Каждый раз, когда я пытался ввести в сценарий дополнительные

диалоги, у меня появлялось такое чувство, что Джон Коулсон сидит рядом и иронически улыбается, наблюдая за моими безуспешными и неумелыми попытками сделать это. Я понимал, что мои ощущения – чистейшей воды абсурд, что я один в комнате и больше никого, но присутствие умершего драматурга было настолько осязаемо, что я цепенел, оглядывался по сторонам, не мог заставить себя сосредоточиться. И еще я целых три дня боролся с желанием позвонить Еве, но на четвертый день, как только Кэрол уехала на студию, я не устоял, уступил своему непреодолимому искушению. Рассела дома не было: заболел один его дальний родственник, и слуга на несколько дней уехал к нему. Я допил кофе, который сам сварил себе и Кэрол, и сидел, прислушиваясь к отдаленному шуму машины, на которой жена уехала в Голливуд. Внезапно я вскочил, словно кто-то подтолкнул меня, отбросил газету. В эту минуту ничто не могло меня остановить, ничто не могло помешать сделать то, чем я жил все эти дни. Я звонил ей. Ева тут же подошла к телефону. Когда я услышал ее голос, кровь горячей волной разлилась по моим жилам, сердце учащенно забилося.

– Как ты поживаешь, Ева?

– Привет, незнакомец, – радостно ответила она. – Где это ты пропадал?

Я не поверил своим ушам: неужели это в самом деле Ева? У нее был такой счастливый голос, что я почувствовал, что в ее жизни произошло какое-то важное и радостное событие. Но, как ни странно, ее приветливость взволновала меня, и где-то в подсознании застряло промелькнувшее: это неспроста.

– Может быть, ты меня с кем-то путаешь? – с издевкой спросил я. – Я – Клив. Тот человек, которого ты не впускаешь в дом, когда он стучит в твою дверь.

Ева рассмеялась. Видите ли, ей было весело. Я вцепился в трубку с такой силой, что пальцы мои побелели.

– Мне кажется, Ева, что ты сыграла со мной дурную шутку. Я тогда заказал завтрак. Ты по крайней мере могла бы впустить меня и извиниться.

– А я не хотела завтракать с тобой. Я не позволю ни одному мужчине командовать мной и приказывать мне делать то, что я не хочу. Надеюсь, ты получил хороший урок.

Я заскрипел зубами от злости.

– Это уже не первый урок, который ты преподносишь мне.

Ева снова смеялась.

– А ты, как я вижу, не принимаешь их к сведению.

– По крайней мере, я пытаюсь усваивать их и не повторять прежних ошибок.

– Я еще никогда не встречала человека, от которого было бы так трудно избавиться.

– Значит, ты хочешь отделаться от меня?

– Ты что, только теперь понял это?

Я взорвался.

– Скоро тебе это удастся, но ты еще пожалеешь об этом, – злобно прошипел я.

– Поступай как тебе угодно, – прозвучало в ответ, но без обычного безразличия в голосе.

Это была какая-то новая, неизвестная мне Ева, и мое любопытство пересилила ярость.

– Что с тобой? Может быть, ты получила наследство?

– Нет.

Я ждал какого-то объяснения, но женщина молчала.

– Я приеду к тебе, Ева, – сказал я.

– Сегодня я не могу встретиться с тобой.

– Послушай, Ева, не упрямясь, я хочу видеть тебя.

– Можешь не приезжать, меня не будет дома. Запомни, если ты все равно явишься, меня дома не застанешь.

– Куда ты едешь?

– Не твое дело.

Кровь бросилась мне в лицо.

– Когда я увижу тебя?

– Не знаю. Если захочешь выяснить, буду ли я для тебя свободна, позвони через несколько дней.

Я все понял.

– Приезжает Джек? – задал я вопрос, в ответе на который я уже не сомневался.

– Да. Ты удовлетворен?

Я почувствовал ревность, но решил не выдать себя ничем.

– Я очень рад за тебя, – солгал я. – Значит, ты переезжаешь к себе, в свое семейное гнездышко?

– Да, – голос Евы прозвучал немного резко.

– Надолго?

– Не знаю. Не задавай так много вопросов. Джек не успел сообщить, сколько пробудет здесь.

– Ты ждешь его сегодня?

– Я вчера получила телеграмму.

– Ты не забыла, что я хочу встретиться с Джеком?

Помолчав, Ева ответила:

– Нет, не забыла.

– Ты познакомишь нас в этот его приезд?

– Нет.

– А когда же?

– Когда-нибудь, надо подумать.

– Значит, ты намерена бросить всех своих приятелей? Как же они будут обходиться без тебя?

– Не знаю и не интересуюсь. Подождут, пока я освобожусь.

Ее безразличие, как всегда, больно задело меня.

– Желаю приятно провести время. Через несколько дней я позвоню тебе.

– Хорошо. До свидания. – Ева повесила трубку.

Каждый раз, когда мы виделись или я звонил Еве, я снова и снова убеждался, что я для нее пустое место. И все же я не мог забыть ее. Я знал, что никогда не настанет такой день, когда я почувствую, что я что-то значу для нее, и все же продолжал преследовать ее. Я решил поехать на киностудию и узнать у Бернштейна, есть ли у него какие-нибудь новости для меня. Иначе я просто сошел бы с ума, оставаясь на вилле один и предаваясь мыслям о том, как Ева встретится с мужем.

Приняв ванну, я вывел «Крайслер» из гаража, медленно спустился с горы и поехал через Сан-Бернардино в Голливуд. Настроение у меня было отвратительное: мне предстояло провести в полном одиночестве весь день и вечер. К двенадцати часам я подъехал к киностудии. Когда я остановился перед зданием, где помещалось правление, по ступенькам сбежала Кэрол.

– Здравствуй, дорогой, – сказала она и, встав на подножку, поцеловала меня. – А я только что звонила тебе.

Я видел, что жена хочет что-то мне сообщить.

– Какая-нибудь неприятность?

– Я должна огорчить тебя. Мы отправляемся в Долину Смерти, и я вернусь только завтра утром. Джерри настаивает, чтобы мы на себе испытали и сами почувствовали, какая там гнетущая атмосфера. Джерри, Френк и я немедленно улетаем.

– Ты не будешь ночевать дома? – переспросил я.

– Я не смогу, дорогой. Жаль, что нет Рассела. Он присмотрел бы за тобой. Что ты будешь делать?

Я тщетно пытался скрыть разочарование.

– Я и сам могу позаботиться о себе. Не беспокойся обо мне. Кроме того, у меня много работы.

– Я очень не хотела бы оставлять тебя одного, – встревоженно проговорила жена. – Может быть, ты останешься в городе, а еще лучше, поедem с нами.

Я вспомнил об Ингреме и покачал головой.

– Я вернусь во Фри-Пойнт. Не волнуйся, все будет прекрасно.

– Поедем с нами, – умоляющим тоном попросила Кэрол. – Будет так интересно!

– Говорю тебе, не нервничай, – немного раздраженно сказал я. – Все будет в порядке. Желая тебе отличного полета. Значит, мы увидимся только завтра вечером?

– Жаль, что мне надо ехать. Я очень волнуюсь, что тебе одному во Фри-Пойнте будет скучно. Ты уверен, что не останешься в городе?

– Я же не ребенок, Кэрол, – резко проговорил я. – Я могу сам побеспокоиться о себе. Я должен идти. Я хочу поговорить с Бернштейном.

Увидев в конце длинной, обсаженной кустарниками аллеи Хайамса и Ингрема, я хотел поскорее уйти, чтобы не встречаться с ними.

– Желая тебе приятного времяпрепровождения. – Я поцеловал жену. – До свидания, благословляю тебя.

Я торопливо направился к зданию киностудии. Кэрол с тревогой смотрела мне вслед.

Я прошел длинным коридором студии и остановился перед дверью кабинета Сэма Бернштейна. Настроение у меня было прескверное. Если бы только Ева была свободна, я уговорил бы ее бросить все дела и вместе отдохнуть и повеселиться. Я мог бы провести с ней ночь. Теперь мне остается только одно: изнывать в одиночестве целые сутки, если только Бернштейн не поручит мне какой-нибудь работы.

– Проходите, – сказала секретарша, как только я назвал свое имя. – Мистер Бернштейн разыскивал вас.

Я оживился. Это уже кое-что!

– Здравствуйте, – сказал я, входя в кабинет.

Бернштейн вскочил на ноги.

– Я только что звонил вам. Все улажено. Р. Г. согласен. Может быть заключен контракт на сто тысяч долларов. Поздравляю.

Потеряв дар речи, я уставился на Сэма.

– Я так и думал, что это удивит вас, – ухмыльнулся он. – Но разве я не сказал вам, что уговорю Голда? Я знаю его как свои пять пальцев и предвижу, как он поступит в том или ином случае. – Сэм вынул из письменного стола проект контракта. – Мы обо всем договорились. Я всегда могу настоять на своем. Вот, убедитесь сами.

Я дрожащей рукой взял контракт и начал читать его. А когда я увидел обязательное условие, стоящее отдельным параграфом договора, что только на мне лежит ответственность за диалоги киносценария, в сердце закрался холод.

– Но здесь сказано, что именно я должен обработать все диалоги, – заикаясь, проговорил я.

– Конечно, – расплылся в улыбке Бернштейн. – Кэрол сама внесла такое предложение, и, когда я сказал об этом Р. Г., он поставил этот пункт в контракт, сказав, что самым интересным в фильме будет ваш блестящий диалог. Именно так выразился Голд, и я с ним вполне согласен.

Я вяло опустил на стул. Голд знал, что делает, включая этот пункт в договор. Неудивительно, что он согласился заплатить за сценарий сто тысяч долларов. Он прекрасно знает, что я не смогу выполнить его условия. Я не способен написать диалоги.

– Вас это не радует? – удивленно посмотрев на меня, проговорил Бернштейн. – Что-нибудь не так? Вы хорошо себя чувствуете? Может быть, вы нездоровы?

– Я чувствую себя прекрасно, – глухо вымолвил я. – Это для меня большая неожиданность.

Бернштейн сразу оживился.

– Да, я вас понимаю. Вы не предполагали, что контракт будет заключен на такую солидную сумму. Но пьеса великолепна, и фильм должен быть удачным. Хотите выпить?

Пока Бернштейн смешивал виски с содовой, я мучительно искал какой-нибудь выход. Но его не было. Голд загнал меня в угол. Предложенный мне Сэмом стакан виски я выпил залпом.

Следующие два часа я провел как во сне. Я бесцельно разъезжал по городу на машине, думая о злой шутке, которую сыграл со мной Голд, и о том, какой я должен придумать предлог для Кэрол, чтобы отказаться и разорвать контракт. Вместе с тем я должен был каким-то образом заработать деньги. И тут я вспомнил корабль под названием «Лаки Страйк». Когда я впервые приехал в Голливуд, я был молод и азартен. Я часто играл в карты на кораблях, стоящих на приколе на побережье Калифорнийского залива. Всего насчитывалось около дюжины таких кораблей, владельцам которых удавалось избегать преследования полиции только потому, что их корабли маячили на расстоянии трех миль от города. Одним из таких кораблей и был «Лаки Страйк». Я посещал его довольно часто. Он был одним из самых хорошо оборудованных всеми новейшими игорными средствами кораблей, и раз или два мне удавалось выигрывать

значительные суммы. Надо снова попытаться счастья. То ли потому, что я верил в свою фортуна, то ли от нечего делать я обрадовался возможности отвлечься и заработать деньги и, подъехав к клубу писателей, обменял чек на тысячу долларов. Я выпил, съел несколько сэндвичей и оставался в клубе до конца дня, просматривая иллюстрации в газетах и думая о Голде. Потом я заказал легкий ужин в клубе и в девять с небольшим поехал к заливу Санта-Моника. Я въехал на стоянку и в течение нескольких минут, сидя в «Крайслере», разглядывал залив. В трех милях от берега я увидел залитый огнями «Лаки Страйк». К нему то и дело приставали лодки-такси. Я вышел из «Крайслера» и направился к лодочной станции. Дул сильный ветер, разнося аппетитный запах вяленой на солнце соленой рыбы, к которому примешивался запах бензина. Подбрасываемый волнами, под ногами качался пирс. Требовалось добрых десять минут, чтобы лодка подплыла к кораблю. Она качалась на волнах и кренилась, но это меня мало тревожило. Кроме меня, в лодке находились еще пять пассажиров. Четверо из них были великолепно одеты и казались весьма обеспеченными бизнесменами среднего возраста, пятой была высокая рыжеволосая девушка, с нежной и мягкой кожей, тронутой легким загаром. Ее тело, затянутое в плотно облегающее желтое платье, тоже казалось очень мягким. Привлекала взор роскошная фигура и чувственные губы. А вот громкий и немного истерический смех делал пассажирку несколько вульгарной.

Я сел напротив нее, обратил внимание на ноги, которые, на мой вкус, имели неплохую форму, за исключением небольшого недостатка: от колен они были слишком полными. Спутником девушки был седой мужчина с крючковатым носом. Громкий смех рыжеволосой, по-видимому, досаждал мужчине изрядно. Я посмотрел на девушку, она – на меня. Наверное, она поняла, о чем я думал, потому что смех ее замер и она одернула платье, которое было слишком узким и коротким. Она опустила руки на колени и ни разу больше не взглянула на меня. До «Лаки Страйк» оставалось около 250 футов. Он казался огромным по сравнению с нашей уютной лодочкой. Рыженькая девушка после нескольких безуспешных попыток все же с трудом поднялась на борт корабля. Ветер сильно раскачивал веревочную лестницу, и рыженькая визжала от страха. Я заметил, что ее спутника это окончательно разозлило. На палубе было много народу, и я потерял незнакомку в толпе. Мне стало грустно. Девушка чем-то напомнила мне горящую во мраке свечу. Я смешался с безликой массой посетителей корабля, где не встречалось ни одного знакомого лица. Мне ужасно захотелось выпить, и я направился в бар. Он был переполнен, но бармен

знал меня и тут же передал мне через головы других двойное виски. Не надеясь получить второй стакан, я пошел в салон, где шла игра в кости. Я протиснулся сквозь толпу и подошел к столику в центре зала. Чтобы пробраться туда, я всю работал локтями. Толпа была настроена весьма благодушно и пропустила меня.

Зеленые кубики катились по зеленому полю стола, ударялись друг о друга и отскакивали. Один остановился. На нем было пять белых точек. Проскочив почти до самой середины стола, замер второй. Верхним у него открылось число шесть. По знаку крупье выигравший собрал со стола деньги. Кости взял высокий мужчина, зажав их в белой толстой руке.

– Ставлю двадцать долларов, – сказал он и положил на стол деньги.

Тот, кто выиграл предыдущую ставку, отказался испытывать свое дальнейшее везение.

– Пусть повезет кому-то другому, а я пойду подкреплюсь. – Выбывший поднялся и ушел, а я сел на освободившееся место.

Пять минут я следил за игрой, потом кости перешли ко мне. Я положил на стол сорок долларов и выиграл четыре раза подряд, потом была неудача, и я передал кости другому. И тут рядом с моим стулом я увидел рыжеволосую девушку. Она прижалась ко мне бедром. Не глядя на нее, я принял проявленное ко мне внимание с благодарностью и сам делал все для того, чтобы между мной и девицей не существовало расстояния. Кости снова перешли ко мне. Я положил сотню и выиграл. И следующие две игры оказались удачными, но потом был проигрыш.

– Вы слишком тесно прижимаетесь ко мне, – выпалила неожиданно рыженькая.

Я вытер платком вспотевший лоб и поискал глазами ее спутника. Он сидел за столом напротив и не мог слышать слов девушки.

– Неужели вам нравится эта старая развалина? – спросил я.

– А вам какое дело?

Я бросал кости и не сразу ответил. Только после проделанного хода, который был результативным, я на выпад девушки против меня произнес:

– Мне это безразлично.

– Я приношу вам счастье, – заявила она. – Рыжие всегда приносят счастье.

Может, это было правдой, потому что я и еще три раза подряд выиграл.

Следующим моим удачным броском была семерка. Я подождал, пока мне выплатят деньги, и передал кости игроку, сидящему рядом, так как решил больше не испытывать судьбу.

– Поедемте куда-нибудь вместе, – предложил я рыжей, распахивая

деньги по карманам. – Вы бывали здесь раньше?

– Я везде бывала, – ответила она, пробиваясь сквозь толпу.

Мужчины смотрели на девушку с вождением. Я понимал их. Я оглянулся на мужчину с крючковатым носом, но тип, чью женщину я уводил с собой, был занят игрой. Выбравшись из толпы, я присоединился к рыженькой. Мы вышли на палубу, заполненную людьми, и стали подниматься по железной лестнице. Я не видел девушку, но ощущал запах ее духов и, следуя за этим ароматом, поднимался вверх по ступенькам. Толпа внезапно куда-то пропала – и остались только мы: я и соблазнявшая меня девушка. Я стоял, опершись о перила спиной. Спутница прижалась ко мне.

– Как только я увидела вас... – прошептала она.

– Так бывает, – сказал я и обнял ее.

Она была полной и мягкой. Мои пальцы впились в ее спину.

– Поцелуй меня, – попросила девушка и, просунув руки мне под пальто, сцепила их в кольцо.

Минуту мы стояли не двигаясь. Потом рыжая вырвалась.

– Здесь нечем дышать. Пошли на воздух.

Внезапно я почувствовал ненависть к ней. Никого в жизни я еще не ненавидел так люто. Я обнял девушку снова, но она оттолкнула меня, оказавшись на удивление очень сильной. Я никогда бы не подумал этого.

– Не сжимай меня так крепко, – захихикала она. – Полегче.

Мне хотелось ударить ее по лживым губам, которые то просили о ласке, то запрещали ее. Но я всего лишь молча сделал шаг назад. Не знаю, заметила ли она мое состояние, но девица стояла с невозмутимым видом и поправляла волосы.

– Давай вернемся обратно, – предложила рыжая.

– Хорошо.

Сама же не сдвинулась с места, словно чего-то выжидая.

– Он, наверное, ищет меня.

– Думаю, что да.

Я понял: она набивала себе цену.

Рыжая притронулась пальцами к губам.

– Ты стер мне кожу.

Меня это нисколько не тронуло.

Девица засмеялась, она явно хотела опять завоевать мое расположение.

– Посмотри, какая луна, – сказала она, обернувшись ко мне.

– Ты ждала, когда луна появится из-за туч, чтоб известить меня о

таким важным событии?

Девушка протянула мне руку. Этого было достаточно, чтобы рыжая опять оказалась в моих объятиях.

– Ты не думай, что я вешаюсь на шею первому встречному, – словно извиняясь, проговорила она.

Я одновременно и ненавидел, и жалел ее, эту подвернувшуюся мне случайно женщину.

– Меня интересует настоящее, а не прошлое, – успокоил я ее.

Она укусила меня за губу. И в это время внизу, на палубе, прозвучал смех. Я узнал этот смех – и тут же оттолкнул рыжую. Только Ева могла смеяться так.

– Что это с тобой? – удивленно спросила рыжеволосая искусительница. Она не знала, что для меня раздался еще более соблазнительный зов.

Я стоял и прислушивался. Ева засмеялась снова. Я нагнулся через перила и посмотрел вниз. Подо мной была целая толпа, но Евы я не увидел.

– Эй, послушай, – раздраженно крикнула рыжая.

– Иди к черту, – огрызнулся я.

Она замахнулась на меня, но я перехватил ее руку. Рука была слабой и безвольной. Девушка завизжала от боли. Я обозвал рыжую проституткой и ушел. Спустившись на палубу, я стал искать Еву и не без труда смог найти ее. Ярко освещенная светом, она стояла в дверях зала, где играли в рулетку. Рядом был высокий, с резкими чертами лица мужчина, в прекрасно сшитом смокинге. Я знал, кто этот мужчина. Он тот, кому я завидовал больше всех на свете. И он, входя в зал, поддерживал за локоть ту, которая отказывала мне в счастье быть всегда с ней вместе, пренебрегла моей любовью. И не мое присутствие делало Еву особенно притягательной. Она просто светилась от радости и именно потому, что рядом с ней был ее Джек.

Глава 17

Я не хотел, чтобы Ева первой заметила меня. По крайней мере в ту минуту не хотел и боялся, чтоб толпа случайно не столкнула нас. Но и задержаться в дверях не было возможности: люди, стоящие за моей спиной, проталкивали меня в зал, который был битком набит народом. Стоя у двери, я не видел столиков – мой взгляд скользил поверх голов людей и цеплялся только за лампы под абажурами. Я стал осторожно пробираться вперед, пока не добрался до первого столика. Здесь я оглянулся кругом, но Евы нигде не было. Я решил пробиваться дальше. Желающие играть и зеваки у столиков стояли слишком тесно, и я должен был ждать, пока кто-нибудь не отойдет. Крупье призвал:

– Делайте ставки, господа.

Толпа бросилась к ближнему от меня столику, таща меня за собой.

Через минуту крупье известил:

– Ставки сделаны.

Только когда толпа отхлынула, я смог отойти от столика, к которому был плотно прижат посетителями, и продолжить путь по залу. Но даже и теперь передвижение было затруднено. Локтями пробивая себе дорогу, я то и дело извинялся, но все равно заметил несколько косых взглядов, брошенных в мою сторону. Думаю, минут десять понадобилось, чтоб пробраться к следующему столику. Он оказался моей конечной целью. Ева стояла за спиной Джека Херста, которому каким-то чудом удалось найти место за столиком.

– Господа, начинайте игру!

Ева наклонилась вперед и что-то прошептала на ухо Херсту. Ее глаза горели. Она была почти красива. Он нетерпеливо покачал головой, но на Еву не взглянул даже. Он ставил на черные. Пока он ожидал своей игры, я с интересом рассматривал Джека. Он был высокий, широкоплечий и мускулистый. У него были глубоко посаженные глаза и прямой нос. Как таковая, четко обозначенная верхняя губа отсутствовала: настолько она была незаметной и вытянутой. И весь рот представлял собой сплошную тонкую линию, словно его отчертили под линейку. Смокинг сидел прекрасно, рубашка была подобрана с большим вкусом. На вид Джеку было лет сорок. Так вот он какой этот парень, которого любит Ева. Я понимал ее. Какова бы ни была его внешность, но в нем чувствовался мужчина. Мне не оставалось ничего другого, как с болью признать, что

Джек – ее собственность. Ева не сводила с мужа глаз и следила за каждым его движением. Она была очень возбуждена. Меня охватила ревность. Если бы внешность Херста разочаровала меня, я не стал бы так переживать. Я сравнивал его с собой. Сравнение было явно не в мою пользу. Он выглядел значительно лучше, интереснее меня, был прекрасно сложен и физически сильнее меня. И держался Джек с видом человека, который всегда добивается своего. Колесо остановилось, и Ева наклонилась вперед. Херст сидел, выпрямившись, устремив глаза на колесо, холодный и бесстрастный. Крупье выплатил деньги и улыбнулся Херсту, но тот даже не посмотрел на услужливого банкомета. Я стал медленно продвигаться к месту, куда меня тянуло как магнитом. Это было довольно трудно. И Херст выиграл еще несколько раз, прежде чем я встал за спиной Евы, толкнув под локоть толстую старуху, которая мне мешала. Я чувствовал аромат волос Евы. Мне ужасно хотелось прикоснуться к ней, но я сдержался.

– Удвой ставку, – прошептала она Херсту.

– Не мешай, – огрызнулся он.

Я протянул руку и поставил триста долларов на красное. Ева обернулась – и мы посмотрели в глаза друг другу.

– Привет, – сказал я.

Лицо ее приняло деревянное выражение. Она отвернулась. «Шлюха, – подумал я. – Ты еще заплатишься за это». Мой выбор поля был удачным.

– Пусть остаются на месте, – попросил я. – Идет?

Крупье кивнул. Херст проиграл пятьдесят долларов и положил на стол новую порцию жетонов. Снова выиграло красное. Херст потерял все жетоны. Он через плечо с усмешкой глянул на меня. Я усмехнулся в ответ. Я мог себе это позволить. Новая игра, и снова Херст теряет жетоны. Он проиграл около двухсот долларов. А на красном накопилось около восьмисот долларов. Крупье вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул. Херст готов был снова выложить жетоны, но Ева остановила его:

– Сегодня тебе не везет. Давай уйдем. – Она казалась расстроенной.

– Замолчи, – бросил он.

По-видимому, он привык приказывать ей. И просьба Евы на него не возымела никакого действия. Джек сделал очередной ход, поставив на черное поле. И на этот раз удача была на моей стороне: на красном полотне рулетки. У столика столпился народ. К тому времени на игровом поле лежала целая куча денег. Но Херст на этот раз уже не выставлял жетонов. Я бросил их на красное. Колесо завертелось. Шарик из слоновой кости остановился на красном поле на цифре 36, потом медленно пополз к черному полю и замер на цифре 13. Крупье сгреб все мои жетоны,

посмотрел на меня и укоризненно покачал головой. Я попытался улыбнуться в ответ, но мне это не удалось. Все уставились на меня, ожидая, решусь ли я сделать новую ставку, но я не рискнул. Внезапно я почувствовал, что в зале нечем дышать. С болью в сердце я отсчитал 1500 новеньких, шуршащих в пальцах долларов. Херст снова начал играть и выиграл. Казалось, что ему повезло только потому, что я потерпел фиаско. Я пропустил две игры, потом поставил на черное двести долларов. Выиграло красное. «Прекрасно, – подумал я, – тогда я поставлю на него. Какой я идиот, что сразу не поставил на красное!» Я проиграл еще четырехста долларов. Наклонившись вперед, чтобы сделать очередную ставку, я коснулся Евиного бедра. Меня бросило в дрожь, словно я прикоснулся к оголенному электропроводу. Ева отпрянула в сторону. Полученный разряд доставил мне удовольствие, как и то, что я мог стоять рядом с Евой и наблюдать за тем, как человек, которого она любит, теряет деньги. Я поставил пятьсот долларов на красное. Херст тоже сделал ход. Выиграло красное, и Херст проиграл. Так продолжалось пятнадцать минут. Иногда я выходил из игры. Дважды я порывался собрать жетоны со стола, но почему-то не делал этого, что-то останавливало меня. Красное поле выпадало одиннадцать раз. Зеваки затаили дыхание.

– Ставлю на красное, – объявил я.

На столе лежали жетоны на сумму 5200 долларов.

Крупье сказал:

– Ставок нет. – И остановил колесо.

Завязался спор. Какой-то маленький человечек со шрамом на щеке начал кричать, что крупье не имеет права прекращать игру. Крупье покачал головой и стал призывать всех к порядку. Внезапно Херст крикнул:

– Вертите это проклятое колесо!

Голос его прорезал наступившую тишину, словно звук бича. Крупье прошептал что-то высокому худому мужчине, который, расталкивая всех, подошел к столу. Херст крикнул:

– Тони, прикажите продолжать игру!

Тот, кого Джек назвал Тони, бросил взгляд на жетоны, взглянул на Херста, потом на меня и, повернувшись к крупье, крикнул:

– Какого черта вы ждете?

Крупье пожал плечами и пробормотал:

– Ставки сделаны, господа.

Зеваки прильнули к столу, затаив дыхание и вперив глаза на колесо рулетки. Я нашел и сжал руку Евы. Она даже не посмотрела на меня, но руки не вырвала. Это прикосновение принесло мне огромное облегчение.

Но от волнения я не избавился. От близости Евы оно возросло, стало более сильным, чем если бы я следил только за одним вращением колеса фортуны. А равнодушный шарик все бежал и бежал и, казалось, никогда не остановится. Вот он уже почти замер на красном и вдруг в самую последнюю минуту, словно его толкнула чья-то невидимая рука, скатился на черное. Толпа разом выдохнула, как будто свалила со своих плеч тяжелую ношу.

– Почему ты не вышел из игры, слабовольный идиот! – прошептала Ева и выдернула руку.

Херст обернулся, взгляд его сначала задержался на Еве, а потом остановился и на мне. Зеваки тоже не отрывали от меня глаз. Я стоял, чувствуя, что у меня подгибаются колени. За одну минуту я проиграл десять тысяч долларов.

– Каково ваше самочувствие? – осведомился, скалясь и глядя мне в лицо, человек по имени Тони.

Я взял себя в руки.

– Хорошо, – ответил я и, не взглянув на Еву, расталкивая зевак, прошел к бару.

Там было пусто: все были заняты игрой. Пить начнут позже и будут пить всю ночь напролет, до самого рассвета. Одни будут пить от радости, другие – от горя. Я посмотрел на часы. Было десять часов десять минут. Я заказал двойное шотландское виски и приказал бармену оставить бутылку на столе. Я решил напиться вдребезги. Следующие тридцать минут я только то и делал, что вливал в себя стакан за стаканом. Потом я увидел, что в бар вошла Ева. Она была одна. К этому времени я уже прилично наакался. Я встал, чтобы подойти к ней, но она вошла в туалет. Через несколько минут вышла оттуда вместе с рыжей. Женщины прошли совсем близко, не обратив на меня внимания.

Рыжая сказала:

– Как он мне нравится! Он похож на моряка, я обожаю мужчин с тонкими губами.

Ева захихикала.

– Рыжие не в его вкусе, – отпарировала она, и лицо ее оживилось.

– Ради такого мужчины я даже согласна перекраситься, – заявила рыжая и рассмеялась. Ее визгливый смех взвинтил мне нервы.

Я заметил, что женщины прошли в зал для игры в рулетку. Я расплатился за виски, подобрал со стойки бара сдачу, сунул ее бармену и пошел за женщинами. Я обошел абсолютно все залы клуба, но дамочки как в воду канули. Не встретился мне и Херст. Я продолжал поиски на нижней

палубе, где, несмотря на очень холодный ветер, стояло несколько парочек. И здесь ни Евы, ни рыжей, ни Джека не было. Я поднялся на верхнюю палубу и увидел там рыжую.

– Привет, – сказала она.

Я подошел к ней.

– Вы отыскиали своего друга?

– Нет. Он ушел, и я снова решила посмотреть на луну.

Я уставился на ту, с которой опять меня свела судьба. Может быть, эта женщина не такая уж плохая. Я вспомнил свое ощущение, когда мои пальцы впились в ее спину. Я вплотную подошел к рыжей.

– Как вы поедете обратно?

– Лодкой, как же еще... А вы решили, что я отправлюсь вплавь?

Мы оба рассмеялись. Я был навеселе, и поэтому все забавляло меня, даже то, что я проиграл десять тысяч долларов. Я прижал рыжеволосую к борту. Она не сопротивлялась.

– Вы на меня не сердитесь, что я хотела ударить вас? Извините меня!

– Это в моем вкусе. – Я притянул ее к себе.

Она позволила мне ее обнимать и целовать. Я укусил ее за губу.

– Неужели это все, на что вы способны? – спросила рыжая, оттолкнув меня.

– Я могу водить машину, умею заводить граммофон. Я получил прекрасное образование. Кто была та черненькая, с которой вы разговаривали?

– Ева Марлоу? Она проститутка.

– Да? Значит, ты тоже...

Она захихикала:

– Я отдаюсь только друзьям.

– Откуда ты ее знаешь?

– Кого?

– Еву Марлоу.

– А откуда вам известно, что я ее знаю?

– Ты только что призналась в этом.

– Неужели?

– Послушай, не будем уточнять. Я все и так понял. Поедем куда-нибудь выпить.

– Хорошо. А куда?

– У меня машина. Уйдем с этого проклятого корабля.

– Я не свободна.

– Но ты же сказала, что твой друг отбыл в гордом одиночестве.

Девушка захихикала.

– Вы должны заплатить мне.

Я усмехнулся.

– Конечно, я заплачу тебе.

Я вытащил пачку денег и сосчитал их. Там было 1500 долларов. Я дал рыжей сорок.

– Этого мало!

– Помолчи. Это задаток. Я доплачу.

Она обняла меня, но я оттолкнул ее.

– Пойдем, – нетерпеливо проговорил я.

Мы подплыли на лодке к пирсу и подошли к стоянке.

– Вот это машина! – с восхищением проговорила рыжая, увидев «Крайслер».

Я уселся за руль, девушка устроилась рядом. Все складывалось просто чудесно: сияла красивая, холодная луна, я был пьян, мне был обеспечен вечер вдвоем – и от всего этого я почувствовал себя в эти минуты превосходно.

– Ваша жена не следит за вами? – внезапно спросила рыженькая.

Я уставился на нее.

– Что ты болтаешь? Кто тебе сказал, что у меня есть жена?

Девушка засмеялась, но ответила вполне серьезно:

– За вами весь вечер следил один парень. Вы разве не заметили его? Я подумала, что ваша жена хочет развестись с вами.

– Какой парень? – крикнул я.

– Вон он. Ждет, когда мы поедем.

Я увидел маленького человечка с большими ногами, который стоял рядом со старым «Фордом». Руки мужчины были засунуты в карманы, во рту дымилась сигарета. Казалось, этот тип слонялся здесь от нечего делать.

– Откуда тебе известно, что он интересуется именно мной?

– Он следит за вами с той самой минуты, как вы поднялись на корабль. Теперь он ждет, когда вы тронетесь, и поедет за вами на своей развалюхе. Можете мне верить. У меня поразительный нюх на сыщиков. Я чую их за милю.

Я вспомнил, что сказал мне Голд, когда мы виделись в последний раз: «Если Кэрол будет несчастна из-за вас, вы пожалеете об этом. Это я обещаю вам, мистер Фарстон». Значит, получивший отставку поклонник Кэрол нанял сыщика, чтобы следить за мной.

– Я сейчас разделаюсь с этим слюнтяем, – прошипел я, побелев от ярости. – Подожди, я сейчас вернусь.

Я направился к «Форду». Увидев меня, владелец его выпрямился и вынул руки из карманов. Я стоял перед ним и с высоты своего роста смотрел на него. Это был круглолицый, добродушный человечек, на маленьком носу которого покоились очки без оправы.

– Добрый вечер, – сказал я.

– Добрый вечер, – ответил он и сделал шаг назад.

– Мистер Голд нанял вас следить за мной?

Сыщик что-то крикнул, но я оборвал его:

– Молчи. Голд сам сказал мне об этом.

– Если он сам сказал вам, зачем тогда вы спрашиваете меня?

Я улыбнулся.

– Я не люблю, когда за мной следят. Советую вам снять очки.

Мужчина забеспокоился и стал оглядываться по сторонам. Но улица была пустынна, и поблизости ни одной живой души. Я протянул руку, сорвал с него очки, бросил их на землю и растоптал. Стекла превратились в пыль.

– Я ничего не вижу, – заорал маленький человечек.

– Очень сожалею, – сказал я и, схватив его за шиворот, ударил кулаком по лицу.

Я уже довольно ловко натренировался вышибать зубы. Этому мозгляку-сыщику, как и Ингрему, я выломал протез с одного удара. Бедолага едва не подавился своими искусственными зубами и пытался выплюнуть изо рта их обломки, но я, схватив маленькие ручки сыщика и зажав их, словно клещами, в своих, стал бить его головой об стену, отчего свалилась на землю шляпа сыщика. Тогда я схватил неудачника за оттопыренные уши и, пользуясь ими, как ручками, продолжал колотить его головой об стену. Колени его подогнулись, и он начал оседать, но я еще несколько раз, для порядка, стукнул его тем же способом.

– Может быть, в следующий раз у тебя пропадет охота следить за мной! – крикнул я, встряхивая незадачливого сыщика. – Если я увижу тебя снова, я размозжу твою дурацкую голову.

От пинка, которым я наградил мужчину напоследок, он потерял равновесие, растянулся на асфальте. Поднялся человечек с трудом и, шатаясь, как пьяный, натыкаясь на кусты, бросился бежать прочь.

Я вернулся к «Крайслеру». Рыжая высунулась из окна.

– Вот это да! – воскликнула она, когда я опустился на сиденье. – Ты был просто великолепен: огромный, сильный, красивый дикарь.

– Хватит болтать, – оборвал я ее и поехал по направлению к Голливуду.

Несмотря на то что я еще не протрезвел, я все же принял меры

предосторожности, чтобы никто не увидел меня с этой потаскушкой. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, кто она такая. Я никогда бы не связался с ней, но она знала Еву, и я надеялся расспросить рыжую про Еву подробнее.

По пути к Голливуду мы зашли в несколько баров. Я делал все, чтобы девица развязала язык, но она переводила разговор на другие темы. И я поддерживал их, потому что мне не хотелось, чтобы проститутка почувствовала, что я интересуюсь Евой. Рыжая все время трещала о себе, а она меня ни капельки не занимала. «Пусть выговорится», – думал я, не слушая ее и то и дело подливая в стакан. Я ждал, что когда она опьянеет, то я смогу начать свои расспросы о Еве, не вызывая у рыжей подозрений. Бары, в которые мы заходили, были переполнены. То я терял рыжую из вида, то она – меня. Я никак не мог улучшить момента, чтобы заставить ее разговориться о Еве.

– Мне надоела эта толкотня, – сказал я, наклоняясь к уху девицы и поддерживая за локоть. – Надо найти какое-нибудь этакое местечко для двоих. От непрерывного шума баров у меня трещит голова.

– Если мы поедem в укромный уголок, это обойдется тебе в копеечку, – ответила рыжая, опершись маленьким курносым носом о край стакана. – Ты заплатишь за это кучу денег!

– Хватит говорить о деньгах. Если послушать тебя, так можно подумать, что самое главное в жизни – это деньги.

Рыжая всей тяжестью своего тела навалилась на меня.

– Так оно и есть, – сказала она. – Меня интересуют только они, доллары, но об этом я обычно помалкиваю. Говорить о таком считается неприличным, не так ли?

Я посмотрел на нее. Она уже опьянела. Если она выпьет еще, она будет нести всякую чушь, а потом забудет, о чем говорила. Я купил рыжей два двойных виски, и, пока она пила его, мне в голову пришла великолепная идея. Я отвезу потаскушку во Фри-Пойнт. Таким образом я убью двух зайцев: заставлю ее рассказать мне о Еве и весело проведу время. Не могу же я всю ночь проторчать один во Фри-Пойнте?! Да и к чему это? Зачем Кэрол и Рассел бросили меня одного? Почему никого из них не тревожит, не скучно ли мне? Мне давно уже в голову не приходили удачные мысли. А эта показалась весьма оригинальной. Я очень радовался, что наконец-то нашел выход. Я отвезу эту рыжую каланчу с мягким телом во Фри-Пойнт. Мы сядем на террасе и будем наблюдать за луной, серебрящей горы и озера, и всю ночь напролет будем говорить о Еве. Время пролетит незаметно, а потом вернется Кэрол. Я предложил рыжей поехать

ко мне. Она снова налегла на меня всем телом.

– Хорошо, но помни, это обойдется тебе в копейку, а задаток я хочу получить сейчас.

Чтобы девица замолчала, я сунул ей в руку сорок долларов и стал проталкивать через толпу к выходу. На небе ярко светила луна, освещающая улицу.

– Ты должен сполна расплатиться со мной, – заявила рыжая, падая на сиденье, – иначе какой же мне расчет в пьяном виде ехать к черту на рога только для того, чтобы полюбоваться луной. Заруби себе на носу: ты должен рассчитаться полностью.

Я сказал, чтобы она была спокойна на этот счет. Она ответила, что ей волноваться нечего, беспокоиться надо мне, а не ей, потому что я должен дать ей деньги, а не она мне. Она заявила, что, несмотря на то, что она одна-одинешенька на всем белом свете, она ведет себя со мной как настоящая леди и надеется на мою щедрость. По словам рыжей, она нахватала много долгов и была бы очень мне благодарна, если бы я помог ей оплатить их. Вскоре она заснула и проснулась только тогда, когда я подъехал к гаражу во Фри-Пойнте. Она вылезла из машины и, зевая во весь рот, поплелась за мной по тропинке, ведущей к дому. Пройдя немного, женщина оступилась, ухватилась за мою руку, чтобы не упасть, и, бурча что-то себе под нос, поплелась дальше. Когда мы подошли к дому, прохладный горный ветер немного отрезвил мою ночную гостью, она оживилась и начала с интересом оглядываться по сторонам.

– Вот это да! Здесь так элегантно! Черт возьми, я путаю слова. Не обращай внимания!

Я сказал, что так и сделал, и, войдя в прихожую, зажег свет. Рыжая выглядела на редкость нелепо среди обилия книг, дорогих картин и прекрасной мебели. Женщина напоминала безвкусно и грубо расписанную вазу на фоне антиквариата.

– Вот мы и приехали, – сказал я. – Иди на террасу и любуйся луной.

Но девица стала бродить по прихожей, разглядывая с огромным интересом каждый предмет, словно не веря своим глазам и удивляясь всему.

– Сколько же все это стоит? Сколько же сюда угрохано денег! – пробормотала она. – Я никогда еще не видела такой роскоши. Потрясающе!

Рыжая была так поражена увиденным и так явно завидовала, что я решил дать ей время прийти в себя и привыкнуть к окружающей обстановке и только потом начать разговор. Пока дамочка ходила по комнатам, я взял большой миксер и смешал напитки. Даже когда я подал ей

стакан, она, не выпуская его из рук, продолжала рассматривать книги, проводила рукой по мебели, ощупывала безделушки. Я сел и стал наблюдать за гостьей. Я обнаружил, что только одно привлекательно в ней – это рыжие густые волосы. Если бы не они, она была бы самой обыкновенной перезрелой проституткой. Ее облегающее фигуру желтое платье теперь, когда я разглядел его при ярком свете, оказалось дешевым и в пятнах. Оно прилипло к ее огромному, возбуждающему чувственность телу, как мокрый купальник. На ней были туфли со стоптанными каблукми, и на левом чулке от колена до щиколотки была спущена петля.

– Что ты на меня так уставился? – огрызнулась женщина, внезапно повернувшись ко мне лицом.

– Ты мне нравишься, – ответил я.

Она подошла и плюхнулась на кушетку рядом со мной. Обняв меня за шею своими мягкими, полными руками, рыжая попробовала укусить меня за ухо. Я оттолкнул ее. Она, заморгав глазами, посмотрела на меня.

– Что это ты?

– Пойдем на террасу, – сказал я и снова почувствовал отвращение к продажной девице. Я хотел только одного: пусть она поскорее расскажет мне о Еве и убегает ко всем чертям.

– А мне и здесь хорошо, – заявила потаскушка, откидываясь на подушку. Ее рыжие волосы сверкали и выделялись ярким пятном на белом велюре подушки.

– Выпей, – сказал я и налил в стакан раздражавшей меня гостью половину содержимого миксера.

Расплескав виски по ковру, женщина залпом проглотила спиртное. Потом она стала колотить себя кулаками в грудь и выдыхать воздух.

– Ух! – воскликнула рыжая. – Виски ударило мне в ноги.

– Так и должно быть. – Я поднялся, чтобы снова наполнить миксер.

– Ты знаешь, до тебя ни один парень не приводил меня к себе домой, – призналась профессионалка, вытянувшись во весь рост на кушетке. – Зачем тебе это?

– Не пытайся понять, что мне самому не до конца ясно: есть такие вещи, которые понять невозможно.

Женщина самодовольно захихикала.

– Могу поспорить, что твоя жена сойдет с ума от злости.

– Замолчи, шлюшка!

– Если бы я была твоей женой и увидела, что ты приводишь домой женщин, я бы взбесилась, – невозмутимо продолжала рыжая. – Ни один приличный человек так себя не ведет.

– Можешь думать обо мне что хочешь, – сказал я и, подойдя к ней, отодвинул ее ноги в сторону, чтобы присесть на край кушетки. – Может быть, ты права, но я очень одинок. Жена бросила меня одного. Это тоже не очень-то мило с ее стороны, правда?

Рыжая немного призадумалась, и в прозвучавшем потом ее ответе был свой резон:

– Ты прав, жена никогда не должна бросать мужа одного. Я никогда бы не ушла и не оставила своего мужчину одного, если он пробыл со мной достаточно долго для того, чтобы я могла считать его своим.

– Бьюсь об заклад, что Ева Марлоу никогда не оставляет своего мужа одного, – словно невзначай проговорил я.

Рыжую мое заявление рассмешило.

– Эта птичка давным-давно упорхнула от него.

– Ничего подобного. Она и сегодня вечером была с ним.

– С кем? Не болтай вздора! Тот, с кем Ева была в клубе, вовсе не муж ей.

– Нет, муж.

– Ничего-то ты не знаешь!

– Не спорь. Я знаю Еву лучше, чем ты. Говорю тебе, что это ее муж.

– Как ты можешь утверждать, что знаешь Еву, если тебе неизвестно, кто ее муж. А я знакома с ней много лет. И мне лучше судить, кто ей муж, а кто нет, – отчеканила рыжая. – Она была замужем за Чарли Гибсом. Семь лет тому назад она ушла от него. Единственный недостаток этого бедняги в том, что он беден. Ева никогда не водится с ним, но она наезжает к нему, когда ей нужно на ком-нибудь сорвать злость. Если бы ты только слышал, как Ева умеет ругаться. – Рыжая откинула голову и стала смеяться так, что на глазах у нее выступили слезы. Она стряхнула их рукавом. – Я не раз слышала, как Ева отчитывала бедного Чарли. Даже у меня от стыда уши краснели. И вместо того чтобы врезать ей по зубам, Гибс всегда только смотрел на свою бывшую жену и молчал.

– Расскажи мне о ней.

– А чего рассказывать? Она проститутка, вот и все. Зачем тебе знать об этой проститутке?

– Расскажи. Она заинтересовала меня.

– И не подумаю.

– Сообщи все, что тебе известно, и я дам тебе за это сто долларов.

Лицо женщины просветлело.

– Это стоит дороже, – неуверенно проговорила она.

– Больше я не дам. – Я вынул из бумажника стодолларовую бумажку и

помахал ею перед носом рыжей. – Говори!

Она хотела вырвать у меня деньги, но я отдернул руку.

– Я дам эти деньги только после того, как ты расскажешь мне все, что знаешь о Еве. Вот, смотри, я кладу деньги здесь, чтобы они были у тебя на виду, и обещаю: они будут твоими.

Снова улегшись на кушетке, рыжая смотрела на деньги с такой неприкрытой жадностью, что мне стало противно.

– А что ты хочешь знать?

– Все.

Она начала рассказ и до самого его конца не сводила горящих алчностью глаз с денег, которые я, опасаясь подвоха, придерживал рукой.

Глава 18

Незачем повторять вам историю жизни Евы. Рыжая, горя желанием заработать свои сто долларов, смешивала фантазию с действительностью, и я должен был задавать бесчисленные вопросы об одном и том же, чтобы наконец выявить все детали, которые вместе с тем, что я знал сам, позволили бы мне создать полную картину жизни Евы. Суммировать все полученные мною сведения я смог только после того, как рыжая заснула, предварительно спрятав деньги в чулок. Тогда я и отправился на террасу поразмыслить над услышанным. Связать слова рыжей оказалось не так-то просто, я ломал голову над ними, как над кроссвордом: сопоставлял сказанное ею с тем, что когда-то рассказывала о себе мне сама Ева или на что только намекала, что пыталась скрыть от меня или отрицала. Я, конечно, знал, что ключом непонятого отношения Евы ко мне было то, что она страдала комплексом неполноценности, но до сих пор мне была неясна природа этого мучения. Только теперь, когда я узнал, что Ева была незаконнорожденной и что ей с детства постоянно грубо напоминали об этом, я начал понимать то, что ранее вызвало у меня недоумение. Если ребенку известно, что он незаконнорожденный, и если родители постоянно твердят ему, что он им не нужен, это наносит непоправимый вред неокрепшей детской психике. Когда ребенок узнает, что он не такой, как все остальные дети, это является для него таким страшным ударом, след которого остается на всю жизнь, особенно если этот ребенок впечатлительный и легкоранимый. Его друзья – маленькие дикари – молниеносно воспринимают услышанные от взрослых слова и начинают жестоко преследовать несчастного. У Евы было тяжелое, безрадостное детство. Родители не любили ее, сверстники издевались. Девочка замкнулась в себе и жила в каком-то фантастическом мире, созданном ее воображением, подобно многим другим детям, которые не по их вине появляются на свет незаконными. У девочки был сильный характер и бешеный темперамент, и именно поэтому она превратилась в своевольное, подозрительное и злое маленькое животное. Ее родители (будучи женатым, отец Евы прижил ее со своей любовницей) не могли сладить с ребенком. Приемная мать ненавидела ее, так как девочка была постоянным напоминанием неверности мужа. Пока Ева была маленькой, мачеха избивала ее и держала по несколько часов взаперти в темной комнате. Потом девочка подросла. В двенадцать лет Еву отослали в монастырскую

школу, где мать-настоятельница, считая, что в строптивую девочку вселились бесы, нещадно избивала ее, применяя даже плетку, пытаясь таким методом сделать воспитанницу безвольной и покорной. Но мать-настоятельница была не только садисткой, но и плохим психологом: она не понимала и не видела, что подобное обращение только ожесточало Еву, в то время как доброе слово могло бы в корне изменить ее характер. Когда Еве исполнилось шестнадцать лет, она сбежала из монастыря и нанялась на работу в один из нью-йоркских ресторанов. Следующие несколько лет жизни Евы я не смог восстановить: не располагал сведениями, как они были ею прожиты. О чем я далее имею информацию, так это о бруклинском периоде Евы, ее работе уборщицей в одном из отелей. И последние четыре года этого отрезка жизни были самыми трудными. Еве опостылело работать уборщицей, и, когда появился Чарли Гибс и сделал ей предложение, она, не колеблясь ни минуты, вышла за него замуж. Гибс был добрейшим парнем, лишенным всякого тщеславия. Он работал водителем грузовика и не имел ни малейшего представления о той, на ком женился. Ужасный характер Евы и ее беспорядочность нанесли его сердцу ужасную рану. Самой же Еве надоело быть домашней хозяйкой, и после целого ряда кошмарных сцен, воспоминания о которых преследовали Чарли даже много лет спустя, несостоявшаяся супруга собрала свои пожитки и вернулась в бруклинский отель. Незадолго до этого она стала любовницей процветающего бизнесмена, который снял для нее крохотную квартирку и навещал всякий раз, как ему приходилось приезжать в Бруклин. Но вскоре он пожалел о том, что сделал такой неудачный выбор. Ева была своенравна слишком, чтобы принадлежать всецело пожилому человеку, уверенному в том, что он все еще привлекателен физически. Характер у нее стал совершенно невыносимым, и любая мелочь настолько выводила ее из себя, что она бросала на пол и била все, что попадалось женщине под горячую руку. В конце концов бизнесмену надоели бесконечные скандалы и раздражительность Евы, и он, откупившись деньгами, избавился от нее. Так как у нее не было ни друзей, ни прочих связей и к тому же ни малейшего представления об этике, Ева опускалась все ниже и ниже. Проституция стала противоядием против ее комплекса неполноценности: пока мужчины навещали ее, Ева, по-видимому, чувствовала, что она не такая уж скучная и глупая, какой считали ее. Она все еще делала вид, что хочет поступить работать, но с течением времени все больше и больше попадала в зависимость от мужчин, которые давали ей средства к существованию. Завершилось все тем, что Ева сняла маленький домик на Лаурел-Каньон-Драйв и стала профессиональной проституткой.

Совершенно очевидно, что, несмотря на то, что избиения в монастырской школе ожесточили ее сердце, жизнь в этом закрытом заведении все же оставила свой след и облагородила бывшую воспитанницу. Ведь Ева пребывала и, насколько мне было известно, все еще живет в двух различных мирах: жизнью, к которой понуждает ее профессия, и воображаемой жизнью порядочной женщины. Вспомнив наши разговоры, когда мы вместе проводили уик-энд, я понял только теперь, когда узнал правду, как умно эта падшая женщина преподнесла мне свою историю, чтобы казаться в моих глазах не такой, какими бывают обычные уличные потаскухи. И Ева добилась своего. Я принял за чистую правду рассказ о порядочном муже и настоящем доме. Узнав всю подноготную, я все равно с трудом верил, что образованный, занимающий высокое положение в обществе муж был не мифом. В действительности мужем оказался нищий водитель, которого Ева своим характером приводила в ужас. Ее дома в Лос-Анджелесе, о котором она поведала мне с такой гордостью, вообще не существовало, дом тоже был мифом. Я вспомнил брезгливое выражение лица женщины, когда она говорила о своем домике на Лаурел-Каньон-Драйв: «Не думаешь же ты, что это мой дом? Здесь я просто назначаю свои деловые встречи. Я хотела бы поехать с тобой сегодня в мой настоящий дом, но потом решила, что лучше этого не делать». Теперь я знал, что второго дома вообще не существовало. Еве очень бы хотелось иметь его. Это означало бы, что она женщина обеспеченная.

Желая произвести на меня нужное впечатление, она солгала, что у нее есть дом. Джек Херст, которого она выдавала за своего мужа, не был горным инженером. Он был профессиональным игроком и зарабатывал на жизнь благодаря умелой и умной игре в карты. Он и Ева познакомились на вечеринке, и их с первого взгляда потянуло друг к другу. Эта встреча произошла через год или два после того, как Ева поселилась на Лаурел-Каньон-Драйв. Херст был женат на женщине, которая устала от его азартной игры в карты, от того, что он был садистом по натуре и помыкал ею. За несколько месяцев до того, как Херст встретил Еву, жена ушла от него. Он даже не пытался начать сложный и длительный процесс развода с женой. Впрочем, даже если бы он и развелся с ней, он никогда бы не женился на Еве. Надо быть очень уверенным в себе, чтобы решиться жениться на проститутке. Ева физически привлекала Джека, он поддерживал с ней отношения в течение длительного времени, но у него не было намерения жениться на ней. Даже теперь я не могу понять, почему Херст так долго оставался любовником Евы. Вероятнее всего, дело заключалось в самой женщине. Он, безусловно, был садистом. Я

чувствовал, что он вел себя именно так, как она рассказывала мне: когда Ева подвернула ногу, он действительно бросил свою любовницу сидеть на тротуаре и заставил ее на следующее утро, когда она еще не могла наступить на ногу, ухаживать за ним и принести ему в кровать кофе. Так мог поступить только садист. Рыжая не только подтвердила этот случай, но рассказала о многих других скотских выходках Джека по отношению к Еве. Очевидно было и другое: чем хуже он обращался с Евой, тем сильнее она любила его. Ничто на свете не заставило бы ее бросить Джека. Она была его рабыней. Трудно поверить, но это было на самом деле так. Ева, несмотря на свой сильный характер и своенравность, была мазохисткой. Видно, только Херст смог пробудить в ней проклятое наследие ее искалеченного детства. Может быть, именно этим и объясняется то, что он продолжал поддерживать с ней отношения. Без сомнения, Ева мечтала выйти за него замуж. Но Херст не начинал бракоразводного процесса, и Ева, видя это, пыталась сорвать зло на Чарли Гибсе, звонила, приезжала к нему, обвиняя его во всех своих жизненных неудачах. Гибс боялся Еву, не знал, как угомонить ее, и после каждого очередного скандала надеялся на то, что встречается с ней в последний раз. Обычно у любой проститутки всегда есть любовник, которому она отдает всю свою попорченную другими мужчинами любовь и на которого изливает все свои сантименты. Этот мужчина становится для нее единственным человеком на земле, смыслом ее жизни. Этот мужчина прекрасно знает, что проститутка вынуждена вести одинокую жизнь, что никто не любит ее по-настоящему и что вместе с тем в глубине души она такая же женщина, как и все остальные. Она наделена всеми естественными инстинктами и поэтому, как и всякая другая женщина, жаждет любви и с распростертыми объятиями примет того, кто согреет ее душу ласковым словом и кто будет относиться к ней по-человечески. Обычно, как только мужчина почувствует, что проститутка полюбила его, он начинает обирать ее, отнимая у нее все ее заработки. А она, такая расчетливая и безразличная к другим клиентам, начинает содержать этого мужчину, даже если после первых счастливых дней их близости он станет обращаться с ней как грубое животное. Чисто психологическая потребность в человеке, который даст какое-то жалкое подобие семьи, сознание того, что этот человек принадлежит только ей, заставит продажную женщину снести все; она все простит этому человеку и будет отдавать ему все свои деньги до тех пор, пока он сам ее не бросит. Еве в некотором смысле повезло. Она нашла мужчину независимого, который редко просил у нее денег. Правда, бывали дни, когда Херст проигрывался в пух и прах в карты и обращался к ней за помощью, но это

случалось довольно редко. Пожалуй, никто, кроме Херста, не смог бы справиться с такой, как Ева. Она была выжата, как лимон, и лишена всяких чувств, если не считать ее привязанности к Херсту. Десять лет она зарабатывала на жизнь проституцией. Она великолепно изучила мужчин: все их уловки, увертки и их слабости. Такое существование убило в ней все ее женские инстинкты, как мышьяк убивает нервы. Оно убило свойственную женщинам потребность любить. Я думаю, Ева не любила даже Херста. Ее влекло к нему только потому, что он был единственным мужчиной, которому она подчинялась, который сломал ее волю. Но, вероятно, она иногда от всей души ненавидела его. Удивительно только одно: та кошмарная жизнь, которую она вела, не оставила следов на ее лице, хотя, несомненно, нанесла вред ее психике. Впереди у Евы не было ничего хорошего, поэтому естественно, что она пыталась жить в каком-то иллюзорном мире. Ей нравилось думать, что она жена человека, у которого есть хорошая профессия, что у нее есть свой дом в Лос-Анджелесе, что каждый понедельник она приходит в банк, чтобы положить туда очередную сумму своих сбережений, что, когда там накопится достаточно большая сумма, они заживут с Херстом в свое удовольствие. Эти иллюзии облегчали ее жизнь и приглушали чувство собственной неполноценности. У меня не было возможности проверить, лгала ли Ева другим о том, что она замужем и что у нее есть дом. Скорее всего да. Уик-энд, который мы провели вместе, был уик-эндом лжи. Ева лгала настолько правдоподобно, что я ни на минуту не усомнился в том, что она говорит неправду. Самой удачной ложью было то, что проститутка перечислила множество самых шикарных ресторанов, в которые она якобы не могла пойти со мной из-за того, что друзья ее мужа могли бы рассказать, что видели ее в сопровождении незнакомого мужчины. Совершенно достоверно прозвучало для меня и сообщение о наличии второго дома. Ведь внешне Ева выглядела так, что ей вполне мог соответствовать обеспеченный и добропорядочный образ жизни. Даже тогда, когда я узнал правду, домик на Лаурел-Каньон-Драйв показался мне слишком жалким, чтобы поверить в то, что Ева действительно всегда жила в нем и что у нее не было другого прибежища. Я снова вижу, как она поворачивается ко мне и говорит: «Я миссис Паулина Херст». Когда она говорила эти слова, глаза ее горели гордостью. Второй, не менее удачной ложью был рассказ Евы о том, как она получила небольшое наследство и стала проституткой только потому, чтобы ее «муж» не сердился и не узнал, что она все полученные по завещанию деньги проиграла в карты. Да, это была весьма целенаправленная ложь, так как она ставила Еву на ту же социальную ступеньку, которую занимал в

обществе и я.

Я сидел на террасе, поставив перед собой бутылку шотландского виски. Бледная, как лицо мертвеца, луна освещала горы каким-то призрачным светом. Теперь, когда я так много узнал о Еве, я мог отчетливо представить себе ее противоречивый характер. Она была лгуньей и пьяницей. На нее ни в чем нельзя было положиться. Она говорила одно, а делала другое. Она использовала мужчин так же утилитарно, как я свою машину: пока она на ходу, я пользуюсь ею, а если я ее разобью, то заменю на другую. Ева возбуждала у мужчин самые низменные чувства и приводила своих клиентов к деградации. В глубине души эта продажная женщина их всех ненавидела и презирала. Когда они раздражали ее, она, не стесняясь, выговаривала им все, что думала о них. Она ругала их самыми грязными словами. Да, характер у нее был ужасный. Это была эгоистка до мозга костей. Она делала только то, что было ей по душе и доставляло удовольствие. От природы Ева получила два дара: умение одеваться и способность превращать мужчин в животных, возбуждая самое худшее, что таилось в них. Были ли у нее какие-либо достоинства? Несомненно. Она была честна. Она никогда бы не украла у клиента деньги. Если бы ей понадобились деньги, она совершенно откровенно сказала бы об этом и не прибегала бы к краже. Ева не была лишена чувства юмора. У нее был приятный, мелодичный на слух смех. Она и физически привлекала мужчин, хотя нельзя было Еву назвать красивой. Когда она была в настроении, то являлась забавной собеседницей, и с ней было не скучно, но когда ее настроение менялось и она злилась, то могла вывести человека из себя и издергать ему все нервы. Она, безусловно, была человеком настроения, женщиной, нервы которой были на пределе. Ее любовь и верность Херсту свидетельствовали в ее пользу. Эта привязанность была единственной постоянной чертой в ее переменчивом характере. Ева не была двуличной, как большинство женщин ее профессии. Мне было тяжело признаться, но лживая проститутка никогда не фальшивила со мной и не притворялась, что заинтересована во мне, чтобы выманить у меня побольше денег. Она всегда подчеркивала, что для нее существует только один-единственный человек на свете – ее Джек, и я должен винить только себя самого в том, что продолжал, не имея ни малейшего отклика с ее стороны, настаивать, чтобы мы встречались. Ева так удачно придумала историю своей жизни и так умело лгала мне, что я вначале даже не поверил рыжей. Ева упорно твердила, что Джек Херст ничего не знает о существовании домика на Лаурел-Каньон-Драйв и о том, каким способом она зарабатывает деньги. Я вспомнил ее слова: «Если он узнает, он убьет меня. Но когда-нибудь ему

все станет известно. Мои грехи выдадут меня – и тогда мне останется только одно: искать защиты у тебя». Неужели Ева лгала, когда говорила мне это? Теперь было проще простого вывести ее на чистую воду. Стоило мне только позвонить на Лаурел-Каньон-Драйв и услышать знакомый голос.

Я снова налил в стакан виски, выпил его и посмотрел на часы на руке – двенадцать пятнадцать ночи. Я встал. Несмотря на то что я шатался, голова была ясной. Я прошел в кабинет, включил свет и открыл окна. Я совершенно забыл о рыжей, которая спала в гостиной. Все мысли мои были заняты тем, как разоблачить Еву. Я сел за стол и набрал ее номер. Звонок трезвонил, а к телефону никто не подходил. Я уже готов был повесить трубку, думая о том, что рыжая наврала мне и что Евы там нет, когда услышал ее голос. Значит, все правда. Мне не следовало бы разговаривать, но я не мог сдержаться и не сказать Еве, что ей не удастся больше обманывать меня и водить за нос.

– Я разбудил тебя? – спросил я.

– Слушай, Клив, неужели ты не можешь оставить меня в покое хотя бы на пять минут? – хриплым голосом, с трудом произнося слова, проговорила Ева.

– Ты напилась? – осведомился я.

Она захихикала.

– Пьяная в дугу. Я сегодня вылакала целое море виски.

– Мне очень понравился твой муж.

– Это не ново. Он всем нравится.

– Он у тебя?

– Бросай трубку, Клив. Я не могу разговаривать с тобой.

– Он у тебя?

– ... Конечно.

Я думал, что Ева ответит отрицательно, но она была пьяна и медленно соображала. Слова вылетали у нее быстрее, чем она успевала обдумывать их.

– А я думал, что он не знает о существовании твоего домика, – сказал я.

Наступила пауза. Я не мог сдержать иронической улыбки. Как бы мне хотелось увидеть в эту минуту выражение лица этой неисправимой лгуньи. Но, по-видимому, она поняла, что проговорилась.

– Я была такая пьяная, что привезла его сюда, не подумав о последствиях, – наконец-то нашлась она. – Он просто взбесился. Боюсь, что теперь между нами все кончено.

Я едва сдержался, чтобы не расхохотаться.

– Не может быть, Ева, – сказал я, пытаюсь придать своему голосу сочувственный тон. – Что же ты теперь будешь делать?

– Сама не знаю, – она вымолвила эти слова очень жалобно. Она не хотела убедить меня, что встревожена создавшейся ситуацией, но желаемого эффекта Еве достичь не удалось. – До свидания, Клив. У меня ужасно болит голова, и я очень расстроена. Я не могу говорить с тобой.

– Он надолго приехал?

– Нет... не думаю... после того, что произошло... Завтра он уедет.

– Значит, теперь ему все известно? – ринулся я в бой, лишая ее возможности опомниться и придумать новую ложь.

– Я бросаю трубку. Я не могу разговаривать. Он зовет меня. – Голос Евы звучал резко.

Я представил, как Ева, произнося последние слова, сдвинула брови и как две морщинки перерезали ее переносицу и придали лицу нахмуренное выражение. В трубке раздались короткие гудки. Разговор был окончен, и я удостоверился, что рыжая не соврала. Ева была разоблачена. И все же, несмотря на то, что я узнал правду и разрушилась иллюзия, которой себя окружала Ева, я не почувствовал ни малейшего удовлетворения. Я испытывал стыд: как легко ей оказалось одурачить меня и спрятаться за таким непрочным барьером, как муж и собственный дом.

– А я везде ищу тебя, – крикнула рыжая, появляясь на пороге.

Я резко обернулся. О присутствии во Фри-Пойнте этой шлюхи я совсем забыл. Она, шатаясь, стояла в дверях. Волосы ее были распущены, лицо покраснелось от виски и покрылось пятнами. Я с удивлением и неприязнью разглядывал женщину. Настроение у меня сразу испортилось. Я вскочил на ноги, полный решимости немедленно отделаться от нее.

– Сейчас я отвезу тебя домой. Едем.

Рыжая уставилась на меня.

– Что это с тобой? Ты сошел с ума? Я спать хочу. Иди к чертовой матери. Никуда я не поеду. Я устала. Ты же сам сказал, что хочешь, чтобы я осталась ночевать. Я не тронусь с места, – решительно проговорила она.

Теперь, когда я узнал от рыжей все, что мне было нужно, я не мог дожидаться, когда она выкатится отсюда. Меня тошнило от одного ее вида. Она права, наверное, я действительно сошел с ума, если притащил в свой дом потаскушку.

– Я никуда не поеду, – упрямо проговорила она и сбросила с ног туфли.

– Не будь сукой. Я же сказал, что сделал ужасную глупость, что привез тебя домой! – выкрикнул я, охваченный злобой и беспокойством.

Рыжая оскалила зубы.

– Тебе следовало подумать об этом раньше. – Рот ее растянулся в зевоте, обнажив золотые протезы. – Я не хочу уезжать. И не смей трогать меня. Если ты только прикоснешься ко мне, я дам сдачи. Я не боюсь тебя.

Рыжая словно догадалась, что мне захотелось вцепиться ей в мягкое, жирное горло.

– Что с тобой происходит? – Проститутка подозрительно посмотрела на меня. – Ты уже раздумал развлекаться? Почему ты ни с того ни с сего разозлился?

Я в упор посмотрел на нее.

– У меня испортилось настроение, и мне не до развлечений, – медленно и отчетливо проговорил я. – Выбирай сама. Или ты спокойно согласишься, чтобы я отвез тебя домой, или я вышвырну тебя вон.

Мы долго смотрели друг на друга, потом она пожала плечами.

– Хорошо, – выдавила из себя рыжая и обругала меня грязными словами. – Дай мне что-нибудь выпить. И я уеду.

Я пошел на террасу за бутылкой виски. В глубине сада на деревянной скамейке сидел Джон Коулсон. Я стал наблюдать за ним, и словно на мой взгляд он вдруг обернулся. Я увидел его освещенное луной лицо. Джон смотрел на меня, и рот его был растянут улыбкой. Я налил в стакан виски, выпил и сказал молчаливому посетителю:

– Над чем ты смеешься? У тебя нет причины для веселья, хотя ты и полагаешь, что она есть. Не воображай, что следует смеяться надо мной, это ты смешон, потому что даже не знаешь, что ты самая натуральная немая клуша.

Я вошел в кабинет, остановился и огляделся по сторонам. Рыжей в комнате не было. Видно, виски помутило мой разум, потому что я, тупо уставившись в пространство, несколько минут спрашивал себя, привозил я сюда рыжую или нет. Может быть, этого вообще не было. В результате мучительного рассуждения я окончательно пришел к выводу, что не встречался с ней. Наверное, она приснилась мне. Я медленно, полный достоинства, прошел в прихожую и крикнул:

– Есть кто-нибудь в доме? Отзовитесь!

Я прислушался и уловил какой-то отдаленный шум: по горной дороге поднимался автомобиль.

– Значит, в доме точно никого нет! – заорал я для самого себя и направился в кабинет. Сев за стол, я снова налил себе в стакан виски. – Господи! – сказал я. – Я совсем пьяный. И вообразил, что привез в дом к Кэрол рыжую девку. Как здорово, что этого не было. Допустить обратное

мне было даже страшно. Хорошо, что в доме только я один, а в саду на скамейке – только Джон Коулсон.

Я обхватил руками голову и попробовал сосредоточиться. Где-то, не помню где, я встретил рыжую проститутку. Да, совершенно точно, я видел ее. Она имела какое-то отношение к пароходу, к игре в рулетку. Я сунул руку в карман и вытащил пачку денег. Значит, я действительно был на корабле и играл. Я попытался сосчитать деньги, но запутался и в конце концов бросил их на стол.

– К черту, – выругался я и поднялся.

Я пытался уловить промелькнувшую у меня в голове мысль о Еве, но мне это не удалось: кто-то будто нарочно путал мои чувства и сознание. Кто сказал мне, что Ева не жена Херста? У меня было какое-то неясное воспоминание о том, что о Еве мне рассказала рыжая, но раз рыжей здесь нет, значит, все это мне приснилось. Да, я видел это во сне. Может быть, когда я проснусь, обнаружится, что Кэрол не жена мне, что я хороший писатель, что я никогда не встречал Еву и что в саду на скамейке нет Джона Коулсона, который скалит мне зубы. Я вышел в прихожую. Там горел свет и чувствовался резкий запах духов. Значит, какая-то женщина все же побывала здесь. И она употребляет дешевые духи с сильным запахом. Я принялся. Кэрол никогда не купила бы таких духов. Мне стало не по себе. По пути к кушетке я наткнулся на стол и опрокинул его. Хрустальная пепельница и большая ваза с маками упали на ковер. Не обращая внимания на учиненный мною беспорядок, я подошел к кушетке. Кто-то полежал и на ней. Подушки смяты, тот же запах духов щекочет ноздри.

– Где ты? – крикнул я. – Я знаю, что ты прячешься где-то. – Я выскочил в коридор и закричал снова: – Выходи оттуда! Выходи!

Я ждал, но в доме было тихо. И тут я понял, где она прячется. Видимо, я набрался, как свинья, если забыл о спальне. Она в нашей с Кэрол спальне. Кровь бросилась мне в голову. Подбежав к спальне, я повернул ручку двери. Она не открылась.

– Выходи! – заорал я, изо всех сил колотя в дверь. – Ты слышишь? Выходи!

– Убирайся вон! – грубо донеслось из-за закрытой двери. – Я хочу спать.

– Я убью тебя, если ты не выйдешь оттуда, – в отчаянии и злобе крикнул я.

– Я хочу спать, – заявила рыжая. – Я не выйду отсюда, кто бы меня ни звал: ты или какой другой пьяный идиот.

Я продолжал бить в дверь, пока у меня не заболели руки. Потом мне

пришла в голову удачная мысль.

– Я дам тебе пятьсот долларов, если ты уедешь домой, – предложил я рыжей, прижавшись головой к двери.

– А не врешь? – Я услышал, как женщина соскочила с кровати.

– Не вру.

– Засунь их под дверь, иначе я не поверю тебе.

Я побежал в кабинет и схватил пачку банкнот. Я даже не потрудился сосчитать их. Я отдам ей все, лишь бы только эта стерва выкатилась отсюда.

– Вот, – сказал я, подбегая к спальне и пытаюсь просунуть деньги в узкую полоску между дверью и ковром.

Торопясь поскорее завладеть долларами, рыжая распахнула дверь настежь. Я в ужасе попятился назад. Эта тварь натянула на свое огромное тело пижаму Кэрол и накинула на пышные плечи ее горностаевое манто. Деньги вывалились у меня из рук. Я стоял как в столбняке, не в силах пошевелиться или вымолвить слово. Рыжая наклонилась и стала быстро подбирать деньги. Торопясь поскорее собрать их, она тяжело упала на колени. Тонкий шелк пижамы порвался – и колени высунулись наружу. Это рассмешило рыжую.

– Ну и тощая же сука твоя женушка, – со смехом выдохнула проститутка, продолжая подбирать рассыпанные по коврау деньги.

Что-то заставило меня обернуться. В дверях стояла Кэрол и наблюдала за нами. Ее глаза, наполненные отвращением, зияли двумя огромными провалами на фоне обескровленной, застывшей в ужасе маски лица. Рыжая подняла голову и посмотрела на Кэрол, а потом на меня. Кэрол судорожно сглотнула воздух.

– Что тебе здесь понадобилось? – окрысилась, вскочив на ноги, рыжая. Она выпрямилась во весь рост и пыталась прикрыть горностаевым манто свои тяжелые груди. – Мы с дружкой заняты. Ты что, не видишь?

Никогда в жизни я не забуду, как тогда посмотрела на меня Кэрол. Я сделал шаг по направлению к ней, но она резко повернулась и побежала по коридору. Входная дверь с шумом захлопнулась. Я бросился за Кэрол. Открывая дверь, я услышал, как отъехала машина, и, выбежав из дома, увидел, что сигнальные огни скрылись за поворотом дороги. Я побежал за машиной.

– Кэрол, вернись! – кричал я. – Вернись... не бросай меня, Кэрол!.. Вернись!

Машина неслась по шоссе. Мои попытки догнать ее были тщетными: слишком быстро увеличивалось между нами расстояние. Задыхаясь, я

остановился посередине шоссе, ведущего в Сан-Бернардино. Всего одну милю дорога была прямой, затем там, где на долину наступали горы, делала крутой поворот. Рубинами горели сигнальные огни машины. Кэрол вела ее на полной скорости... Машина удалялась от меня очень быстро... слишком быстро. Я знал дорогу лучше Кэрол и снова бросился вперед, крича вслед мчавшейся вместе с дорогим мне человеком машине к неизбежному и непоправимому:

– Кэрол! Ты слишком быстро едешь. Послушай, Кэрол, любимая! Не гони машину. Ты не сможешь сделать поворот... снизь скорость!!! Ты не сможешь сделать...

Даже с такого далекого расстояния я отчетливо различил визг шин. Я понял, что Кэрол резко нажала на тормоз, когда прямо перед ней внезапно выступила из ночного мрака темная масса горы. Я увидел, как задние сигнальные огни метнулись влево, услышал, как с горы посыпались камни и как забуксовали колеса. Я остановился и упал на колени. Звук шин был похож на отчаянный и пронзительно тонкий крик. Машина явно потеряла управление, потому что в следующий момент она врезалась в белые выступы скал. По самому сердцу резанули меня скрежет и лязг металла, когда машина, зависнув на мгновение в воздухе, со страшным грохотом покатила вниз, в долину.

Глава 19

С самого начала и до самого конца виновата только она. Если бы не она, Кэрол была бы жива. Я пешком дошел до Лаурел-Каньон-Драйв. Подойдя к ее дому, я заметил, что в окнах нет света. Я постоял немного и снова двинулся вперед. Где-то вдалеке часы пробили полночь. Возможно, виновница всего уже спит, а может быть, ее вообще нет дома или она в комнате, окна которой выходят во двор. Надо разведать все обстоятельно. Я оглянулся. Улица была пустынна, если не считать Джона Коулсона, который притаился у дерева в стороне от дороги и, склонив голову набок, засунув руки в карманы, наблюдал за мной. Странное у меня отношение к Джону Коулсону! Вначале его присутствие пугало меня, но потом я настолько привык видеть его поблизости, что даже тосковал, когда он не появлялся. Я, конечно, понимал, что он существует только в моем воображении, но, несмотря на то, что, кроме меня, его никто не мог видеть, для меня он был фигурой вполне реальной. Я чувствовал, что отныне он всегда будет где-то рядом, потому что он – олицетворение моей нечистой совести. Но сегодня мне было некогда рассуждать о Джоне Коулсоне. У меня было дельце поважнее. Я стоял у дома Евы и внимательно оглядывался по сторонам. Ни единой души. Издалека доносился шум проезжающих мимо машин. Я толкнул калитку и направился по тропинке к дому. Обходя дом, я наткнулся ногой на прислоненные к стене бутылки и опрокинул их. Одна из них покатила по земле и разбилась. Я замер и прислушался. Кругом царилась кромешная тьма. Убедившись, что все спокойно, я осторожно подкрался к окну. Оно было полуоткрыто. Я толкнул его рукой и снова прислушался. В доме было тихо. Наклонившись вперед, я зажег спичку и заглянул в окно. Это была кухня. Как правильно я сделал, осветив ее спичкой: как раз под окном стоял таз с грязной фаянсовой посудой. Я бросил спичку и влез на подоконник. Потом я зажег новую спичку и, перескочив через таз, спрыгнул на пол. Я почувствовал слабый запах несвежей пищи и аромат Евиных духов. Меня охватила холодная ненависть к этому дому, его запахам, его хозяйке. Подойдя к двери, я открыл ее, вышел в коридор и прислушался. Все тихо. Я был уверен, что в доме никого нет, и все же решил соблюдать осторожность. Я ощупью прокрался к спальне. Дверь была открыта. Затаив дыхание, я остановился в дверях. Я стоял долго, пока не убедился, что в спальне никого нет. Потом я вошел и включил свет. Без Евы комната казалась

особенно пустой. Кровать была не убрана. Шторы задернуты. Знакомый мне голубой халат и розовая ночная сорочка валялись на кровати. В воздухе витал аромат духов. Я ходил по комнате, чувствуя, как ноги утопают в пушистом белом ковре, лежащем перед трюмо, и трогал пальцами стеклянных животных на комод. Я ощупывал щетки для расчесывания волос и нюхал стоящие на трюмо флаконы духов. Над кроватью висела большая фотография мужчины, склонившегося над столом. Я взял ее. На меня смотрел Джек Херст. Это был хороший портрет, и я несколько минут внимательно рассматривал его. Затем в приступе ярости я едва не запустил им в стену, но вовремя остановился: когда хозяйка войдет в комнату, она сразу же заметит это. Я аккуратно повесил портрет на прежнее место, подумав о том, как воспримет Херст известие о смерти Евы. «Расстроится ли он? Скорее всего полиция решит, что это он прикончил свою любовницу», – злорадно подумал я.

Часы на камине мирно тикали. Двенадцать пятнадцать ночи. Теперь та, которую я поджидаю, может вернуться с минуты на минуту. Я сидел в чужой спальне на кровати, потеряв ощущение времени. Взяв халат Евы, я уткнулся в него лицом и стал вдыхать аромат ее духов и едва ощутимый запах тела. И я вспомнил, как впервые увидел ее в этом халате. Она сидела перед камином во Фри-Пойнте. Я очень ясно представил себе эту картину, пробудившую во мне множество горьких воспоминаний. Сколько событий произошло с того рокового дня! И как невозможно поверить тому, что с тех пор, как на моих глазах погибла Кэрол, прошло только пять суток.

Два с лишним часа я потратил на то, чтобы спуститься к ней с горы. Как только я увидел груды металла, которая осталась от автомобиля, я понял, что Кэрол мертва. Смерть наступила мгновенно. Маленькое, хрупкое тело моей Кэрол было вдавлено машиной в скалу. И я не мог вытащить ее оттуда. Я сел рядом и стал поддерживать голову Кэрол, чувствуя, как вся она остывает и становится все холоднее и холоднее. Я сидел до тех пор, пока не пришли люди и не увели меня прочь. После гибели жены все потеряло смысл. Даже Голд перестал что-либо значить для меня. Он отомстил мне. Но мне было это совершенно безразлично так же, как и то, что он обчистил меня до нитки. Как я и предполагал, он знал, что пьеса «Остановка во время дождя» написана не мной. Каким-то образом он выяснил, что автором ее был Джон Коулсон, и сообщил об этом в клуб писателей. Однажды утром ко мне оттуда явился маленький человечек с крахмальным воротничком, заявив, что если я уплачу все полученные мною гонорары, то до суда дело не дойдет. Я почти не слушал говорившего. Когда же он протянул мне бумагу, в которой была изложена просьба

директору банка выплатить агентству Джона Коулсона 75 тысяч долларов, я ни минуты не колеблясь подписал этот документ. Денег у меня, естественно, не было, и все мое имущество было конфисковано. Я потерял все, что нажил за это время: «Крайслер», книги, обстановку и одежду. Но даже оставив меня нищим, они не успокоились и продолжали требовать денег. Напрасно они наседали. У меня не было ни гроша. Мне было все равно, даже когда какими-то людьми уносились вещи Кэрол. Я не расстраивался из-за этого, ведь мне не требовалось хранить какую-нибудь ее вещь на память: я и без того помнил любимую мной женщину. Она жила во мне такой, какой видел ее в последний раз: хрупкая фигурка, вдавленная в скалу, изо рта по подбородку течет ярко-красная струйка крови. Этого я никогда не смогу забыть. Мне кажется, что я легче перенес бы смерть Кэрол, если бы успел сказать ей, что рыжая была мне абсолютно безразлична. Но я слишком поздно спустился с этой проклятой горы, и Кэрол умерла, думая, что высокая, откормленная шлюха заняла ее место во время такого короткого отсутствия ее самой. Это сводило меня с ума. Как жаль, что я не успел сказать своей жене, что она была единственной женщиной, с которой я был по-настоящему счастлив. Если бы только она поверила мне, я, возможно, не пришел бы в этот маленький, грязный домишко, чтобы совершить убийство.

Все это произошло из-за Евы. Моя жизнь потеряла смысл. А Ева? Неужели и теперь она будет жить как ни в чем не бывало? В течение пяти дней, которые прошли со дня смерти Кэрол, я только и делал, что проклинал Еву, и решил, что успокоюсь только тогда, когда убью ее. Только это может удовлетворить меня. И этот момент неотвратимо приближался. Ева могла прийти с минуты на минуту. Я положил халат на кровать, встал и оглядел комнату. В этой комнате все началось и все окончится. Я был спокоен. Я покараю Еву. Другого выхода у меня нет. Я подошел к двери, выключил свет и ощупью поднялся по лестнице. В это время зазвонил телефон. Неожиданный звонок так напугал меня, что я резко обернулся и упал бы с лестницы, если бы не ухватился за перила. Интересно, кто это так поздно звонил? Телефон не умолкал целую минуту. Прекратился трезвон так же внезапно, как и начался. Но он взвинул мне нервы, и я, спотыкаясь, вошел в комнату рядом с ванной. Ноги шаркали по голому полу. Внезапно из-за туч вышла луна, и ее лучи, проникнув через незашторенные окна, ярко осветили комнату. В ней не было никакой обстановки. Из окна были видны улица, сад и узкая тропинка, ведущая к дому. Я высунулся из окна и выглянул на улицу. Джон Коулсон все еще был там. Он подошел совсем близко к дому и смотрел на меня. Я понаблюдал за

безмолвным драматургом несколько минут и отвернулся. Меня мучила жажда. Я хотел курить, но знал, что, если я закурю, Ева сразу же, как только войдет в комнату, почувствует запах табака. А я ничем не должен выдать того, что я в доме и пришел убить. Интересно, что испытывают убийцы перед тем, как совершить преступление? То же, что и я? Я думал, что буду нервничать, волноваться и бояться, но ничего этого не ощущал. Меня переполняли только хладнокровная злоба и огромное желание сжать руками горло Евы. Время шло. Я терял терпение. Интересно, где она? А что, если она вернется вместе с женщиной? Как я раньше не подумал об этом. Вполне возможно, что она придет не одна. В таком случае все мои планы рухнут. Внезапно к моей ноге прикоснулось что-то мягкое и теплое. Я с криком отскочил от окна. Меня так сильно напугал большой черный с белыми лапами и шеей кот. Он посмотрел на меня, и глаза его засветились зеленым огнем. Я побледнел от страха. Сердце бешено забилося. Когда наконец нервы немного успокоились, я наклонился, чтобы погладить кота, но он отпрянул в сторону и выскочил из комнаты через открытую дверь. Противная дрожь не унималась, что было совсем некстати. Закрывая дверь, я услышал шум приближающегося автомобиля. Я прижался к стене и выглянул в окно. Джон Коулсон ушел. Без него дорога казалась пустынной. К дому подъехало такси. Шофер, просунув в окно руку, открыл дверцу. Ева долго не выходила из машины. Я, вглядываясь и стараясь понять, что задерживает Еву, разглядел ее ноги, которые еще совсем недавно сводили меня с ума. Женщина была одна. Она вылезла из машины и стала копаться в сумочке, чтобы расплатиться за такси. Получив деньги, шофер, не поблагодарив и не простившись, захлопнул дверцу и уехал, даже не взглянув на доставленную домой пассажирку.

Она шла по тропинке. Я не сводил с женщины глаз. Она шла усталой походкой, опустив плечи, крепко зажав под мышкой сумку. Еще несколько минут – и мы останемся с Евой наедине. Страх прошел. Руки были сухими и перестали дрожать. Я подошел к двери, приоткрыл ее и услышал, как хозяйка заперла входную дверь и вошла в прихожую. Подкравшись к лестнице, я осторожно заглянул через перила и мельком увидел, как Ева прошла в спальню. Я стоял, затаив дыхание, вцепившись в перила лестницы. Все было именно так, как я не раз представлял себе. Я чувствовал прилив сил от сознания того, что в доме только я и моя жертва и что она у меня в руках. Ей не спастись. Я услышал, как она чиркнула спичкой. Наверное, закурила сигарету. Потом я услышал, как женщина зевнула и тяжело застонала, но я не испытал при этом ни малейшей жалости к ней, а только нарастающую в душе злобу и непреодолимое

желание впиться намеченной жертве в горло руками и душить, пока не хрустнут шейные позвонки. Ева ходила по комнате, раздеваясь на ходу. В доме было так тихо, что я различал каждое движение: вот Ева сняла пальто, юбку, блузку. Отперла шкаф, вешает одежду на вешалку. Потом вышла из спальни и вошла в кухню. Сверху я отчетливо видел, как Ева ходила там. Уставшая женщина казалась очень хрупкой и одинокой. Ее голова была аккуратно причесана. Голубой халат плотно запахнут. Из кухни послышался звон посуды, потом Ева вышла оттуда, держа в руках поднос с чашкой кофе. Я догадался, что женщина поднимается вверх. Поэтому я пошел в пустую комнату и закрыл дверь. Через несколько секунд я услышал, как хозяйка дома ступает по лестнице, причем очень медленно. На площадке Ева споткнулась и выругалась. Я понял, что она пьяна. Я слышал, как она нетвердой походкой ходит по ванной, потом оттуда донесся шум льющейся воды. Пробыла в ванной Ева довольно долго. Когда она снова спустилась вниз, я оставил свое убежище и приблизился к лестнице. Я свесился через перила и увидел, как женщина, присев на корточки, гладила кошку быстрыми и легкими движениями руки.

– Бедная старушка Самми! – нежно говорила Ева. – Неужели ты подумала, что я бросила тебя?

Кошка крутилась около своей хозяйки и урчала от удовольствия. Я смотрел на Евины хрупкие руки, ласкающие животное, и слушал такие человеческие слова, обращенные к кошке. Обычно разговаривают с животными только очень одинокие люди. Ева же беседовала с бессловесной Божьей тварью так, словно перед ней была и не кошка вовсе, а незащитное человеческое существо. Внезапно кошка перестала урчать и посмотрела на меня. Хвост ее распушился, и она зафыркала. Я долго смотрел в ее желтые глаза, а потом отошел от перил, испугавшись, что кошка своим злобным урчанием выдаст меня.

– Что с тобой, глупенькая? – спросила Ева. – Ты увидела, как там пробежала мышка?

У меня похолодели руки.

– Пойдем, моя красавица! Я не могу больше играть с тобой. Нет, ты не будешь подниматься вверх. Я отнесу тебя. Я так устала, Самми, я ужасно, ужасно устала.

Я снова посмотрел вниз. Ева взяла кошку на руки и вошла в спальню. Я вынул платок, вытер лицо и руки, занял место на площадке и снова весь обратился в слух. Ева разговаривала с кошкой. Слов я уже не различал. Странно было слушать в пустом доме одинокий голос, которому никто не отвечал. Потом заскрипела кровать, и я понял, что женщина легла спать. Я

сел на ступеньку и закурил. Через пятнадцать минут свет в спальне погас. Выждать эти минуты оказалось невероятно трудно. Единственное, что нарушало тишину в доме, было мое собственное дыхание и нежное бормотание Евы, предназначенное кошке. Сидя на лестнице, я вспомнил тот первый уик-энд, который я и Ева провели вместе. Какое это было чудесное время. Тогда я еще не знал, какая она лгунья. Я думал, что она стала доверять мне, и я радовался, что она со мной. Это воспоминание я сохраню до конца жизни. Я сжал кулаки. Если бы эта падшая женщина была хоть чуть-чуть добрее ко мне, ничего бы не случилось и я не сидел бы здесь на лестнице. Я хотел проститутке стать другом, а она лишила меня самого дорогого: жены, дома, работы. Мои мысли были прерваны тем, что в это время погас свет. Я вскочил на ноги, но, с трудом поборов свое нетерпение, снова сел на ступеньку. Надо подождать еще немного. Одно лишнее движение, и все сорвется, а я потратил так много времени, чтобы наступили именно эти минуты. Теперь уже недолго, Ева уснет – и пробьет мой час. Но в темноте раздались какие-то новые звуки. Женщина плакала. Мне неприятно было слышать ее плач. Это было так неожиданно, что я сжал зубы и сердце мое похолодело. Так могла плакать только женщина, которая потеряла все на свете, которая отчаянно одинока и несчастна. Лежа в темноте, Ева рыдала, не делая ни малейшей попытки взять себя в руки. Да, она была по-настоящему несчастна. Хоть напоследок, но встретился лицом к лицу с Евой без ее обычной лживости, без застывшего выражения лица, без профессиональных уловок. Это была Ева, которую я хотел узнать, настоящая Ева, какой она бывала наедине сама с собой. Приоткрылась дверь крепости, и я мог заглянуть внутрь, чтоб понять, какова Ева на самом деле. Я увидел самую обычную проститутку, отдохавшую от своей тяжелой, ненавистной работы. Долгое время я сидел в темноте и слушал отчаянные женские рыдания. С не меньшей болью в голосе прозвучал и Евин крик:

– Будь все проклято, все трижды проклято!

И она стала исступленно бить кулаками в стену, словно не в силах вынести своего несчастья. Наконец женщина успокоилась. Потом в наступившей тишине послышался слабый храп. Слышать эти звуки мне было так же тяжело, как недавние рыдания. Холодное, злобное спокойствие снова вернулось ко мне. Я встал и размял пальцы. «Теперь, – подумал я, – тебе уже недолго ждать, скоро я избавлю и себя, и эту женщину от всех несчастий. Я так давно жду этой минуты».

Спускаясь вниз, я снова вспомнил о Кэррол, о Голде и обо всех остальных. Если бы они увидели меня сейчас, они бы пришли в ужас. Я

улыбнулся в темноте. Даже Френк Ингрэм не мог бы придумать подобной ситуации. Просто фантастично, что женщина, подобная Еве, настолько завладела мной, что я – известный писатель – решился пойти на убийство. В конце концов полиция найдет меня: Марти наверняка расскажет ей обо мне. Голд тоже расскажет. Если полицейские схватят меня, я во всем признаюсь. Какой смысл лгать? Все началось со лжи, но я не намерен продолжать ее и не стану изворачиваться. Суд признает меня виновным. Я представил себе выражение лица судьи, когда он, выслушав мрачные подробности, зачитает обвинительный приговор и произнесет заключительную речь. Она прозвучат так: «За преднамеренное убийство вам, Клив Фарстон, в качестве наказания избрана казнь. Вы будете переданы шерифом округа Лос-Анджелес начальнику государственной тюрьмы для приведения приговора в исполнение и будете казнены способом, предусмотренным законами Калифорнии. Да будет с вами милость Божья!» Милость Божья не для меня. Бог отрекся от такого, как я.

Подойдя к двери спальни, я остановился и прислушался. Ева ворочалась во сне, стонала и бормотала что-то неразборчивое. Я прокрался в комнату, на цыпочках приблизился к кровати и старался по дыханию определить, где находится Евина голова. Осторожно протянув руку, я нащупал стеганое одеяло и присел на край кровати. Она слегка скрипнула под моим весом, но Ева от этого не проснулась. Во сне ее укрытое одеялом тело вздрагивало и дергалось. От нее пахло виски. Сердце мое стучало как молот. Так же на ощупь я отыскал выключатель. Держа его дрожащими пальцами, я стал искать горло Евы. На какое-то мгновение моя рука повисла в воздухе, потом медленно опустилась и коснулась волос спящей. Значит, ее горло находится совсем близко от моей руки. Я набрал в легкие воздуха, стиснул зубы и включил свет. Ева лежала передо мной. Рука моя была в нескольких дюймах от ее горла, но я мог только сидеть и смотреть на ту, которую только что хотел задушить. Меня словно парализовало. Ева казалась мне маленькой и беспомощной. Она лежала на спине. Рот был открыт, лицо дергалось. Выглядела Ева совсем юной и несчастной. Глаза были обведены черными кругами. Моя рука безвольно опустилась. Я почувствовал, что вся моя злоба к виновнице моих страданий прошла. Глядя на нее, я вдруг понял, что ум мой был помрачен каким-то сумасшествием, если я решился убить ее. Ко мне вернулся разум. И я обрадовался, что не смогу осуществить задуманное. Горло у меня пересохло, когда я осознал, насколько близок был к совершению тяжкого греха. Мне захотелось обнять Еву и почувствовать, как она прижимается ко мне. Мне хотелось сказать, что я буду заботиться о ней, что отныне она

всегда будет счастлива. Я посмотрел на нее, увидел ее худенькое личико с острым подбородком и понял, что я люблю этот подбородок и эти две морщинки на переносице. Если бы только моя мучительница всегда выглядела так, как сейчас: беспомощной, нуждающейся в защите, со спокойным лицом, на котором словно чудом разгладились морщины. Но я был уверен: стоило только открыть Еве глаза, как я снова прочту в них жесткость и эгоизм. Как бы мне хотелось поверить в то, что любимая мной женщина не будет больше лгать мне, напиваться пьяной и грубо обращаться со мной. Я знал: это невозможно. Она никогда не переменится... Кошка доверчиво потерлась о мою руку. Я погладил животное и впервые с тех пор, как умерла Кэрл, почувствовал себя спокойным и удовлетворенным. Сидя на кровати рядом с Евой и поглаживая кошку, которая, мурлыкая, тыкалась мордочкой в мою руку, я осознал, что желание отомстить у меня прошло.

Внезапно Ева открыла глаза. Она уставилась на меня. Во взгляде ее полыхали удивление, ненависть и страх. Она замерла и затаила дыхание. Казалось, мы целую вечность смотрели друг на друга.

– Все в порядке, Ева, – сказал я, взяв ее за руку. Никогда бы не поверил, что живое существо способно на такую молниеносную реакцию. Ева в одно мгновение соскочила с кровати, схватила халат и подбежала к двери. Я же не успел сделать ни единого движения, чтоб остановить Еву. В полутемной комнате глаза ее сверкали, как угли. Женщина с ужасом наблюдала за мной.

– Извини, что я напугал тебя, – сказал я, почувствовав, как меня охватывает паника. – Послушай, Ева, я действительно сожалею, что напугал тебя...

Губы ее беззвучно шевелились. Она еще не опомнилась ото сна и не протрезвела. Наверное, именно поэтому она так испугалась, и инстинкт самосохранения заставил ее с такой молниеносной быстротой соскочить с кровати. И все же, когда я смотрел на парализованную страхом женщину, я боялся ее гораздо больше, чем она меня.

– Все в порядке, Ева, – ласково проговорил я. – Это я, Клив. Я не обижу тебя.

Она прохрипела:

– Чего ты хочешь?

– Я проходил мимо и захотел увидеть тебя, – ответил я. – Иди сядь. Все в порядке, не бойся!

Ее глаза оживились. Она облизала пересохшие губы, и голос ее, когда она заговорила, стал звучнее.

– Как ты попал сюда?

– Я увидел, что окно открыто, – сказал я и, пытаясь превратить все в шутку, добавил: – И мне так захотелось увидеть тебя, что я не удержался и проник в дом. Мне и в голову не пришло, что ты испугаешься.

Она стояла у двери. Глаза ее сверкали, ноздри побелели.

– Ты хочешь сказать, что влез в дом, как вор?

– Я понимаю, что не должен был этого делать, но... понимаешь, мне ужасно захотелось увидеть тебя.

У нее перехватило дыхание от злобы.

– Убирайся! – закричала она, настезь открывая дверь. – Убирайся вон, ублюдок!

От мерзких слов я содрогнулся, как от удара.

– Успокойся, Ева! – умолял я. – Не сердись на меня. Так не может больше продолжаться. Я хочу, чтобы ты уехала со мной. Я сделаю для тебя все на свете. Только не сердись!

Она шагнула ко мне. Лицо ее исказила неистовая ярость.

– Сумасшедший идиот! – прошипела она. На губах у Евы выступила пена.

Я зажал уши руками. Ее припадок ужаснул меня. Я почувствовал тошноту. Женщина подскочила ко мне. Глаза ее горели на бледном как мел лице. Она была страшна в своей слепой ненависти. Ева бросала мне в лицо жестокие, унижительные ругательства.

– Неужели ты думаешь, что я буду тратить время на такого подонка, как ты? – крикнула она. – Убирайся и не смей являться сюда. Убирайся. Ты увиваешься вокруг меня, как назойливая муха, мне опротивело глядеть на тебя. Толстокожее животное, ты даже не хочешь понять, что здесь ты лишний. Неужели ты воображаешь, что я нуждаюсь в твоих проклятых двадцатидолларовых подачках? Убирайся, не смей попадаться мне на глаза: я не хочу больше видеть твою мерзкую рожу!

Внезапно мой страх пропал. Я задохнулся от ярости и желания обругать и избить разъяренную тварь. Я вскочил на ноги.

– Шлюха, я не позволю тебе оскорблять меня! – заорал я.

Стараясь перекрычать меня, она завопила:

– Я знаю, какую игру ты затеял. Ты гораздо хуже любого из подонков, с которыми я спала. Ты решил пользоваться мной бесплатно! Ты хочешь, чтобы я уехала с тобой! Ты, Фарстон, дешевка! У меня же есть поклонники не чета тебе. Они богаты, у них в карманах долларов столько, что тебе и не снилось. Эти богачи не прочь жениться на мне. Но мне никто не нужен: ни они, ни ты! Мне опостытели мужчины! Я знаю все их грязные мыслишки и

все их уловки. Меня не найдут в канаве вместе с одним из вас. Я знаю, что ты хочешь, но ты не получишь этого от меня!

Мы стояли и смотрели друг на друга. Единственным звуком, который нарушил эту внезапно наступившую тишину, было урчание кошки. Я готов был наброситься на Еву и убить. Меня охватила холодная ярость и решимость покончить с ней.

– Я убью тебя, – прошептал я. – Я буду колотить тебя об стену башкой, пока не размозжу ее. Тебе больше не удастся издеваться над мужчинами и мучить их. Я прикончу тебя!

Ева выпятила губы и плюнула мне в лицо. Она не двинулась с места, когда я вплотную подошел к ней. Только глаза горели бешенством, а маленькие руки сжались в кулаки. Я только протянул руку, чтоб схватить Еву, как ее пальцы впилась мне в лицо. Она вцепилась в меня, как кошка, и не вырвала мне глаза только потому, что я резко откинул голову. Евины ногти вонзились мне в нос и щеки. От ярости и боли я ослеп. Я поднял руку, чтобы ударить обидчицу, но она отскочила в сторону, и мой кулак, минуя цель, с размаху врезался в стену. Я заорал от боли и бессильной злобы. Ева, воспользовавшись моментом, выбежала из комнаты и бросилась на кухню, где стоял телефон, но не успела попросить о помощи: я загородил проход своим телом и отрезал Еве путь к отступлению. Я смотрел на нее, чувствуя, как кровь из глубоких царапин заливает мне лицо. Женщина прижалась к стене, сложив руки за спиной и следя за мной блестящими глазами. Опять я не увидел ни тени страха на ее лице, когда бросился на нее. Я только собирался изловчиться нанести удар Еве, а она, опередив меня, хлестнула по моему лицу зажатой в руке собачьей плетью. Я попытался завладеть орудием Евы, но она снова ударила меня. Удар пришелся по плечу и ожег кожу, словно к ней прикоснулось раскаленное докрасна железо. Я закричал и стал осыпать разбушевавшуюся проститутку ругательствами. Я попытался поймать плетку, но она, просвистев по воздуху, опустилась на мою голову. Ева с быстротой ящерицы метнулась в сторону, обернулась и снова ударила меня плеткой по лицу. Я покачнулся. Женщина подбежала ко мне. Зубы ее обнажились в оскале, глаза полыхали злорадным огнем. Эта садистка стала размеренно и методично хлестать меня плеткой по голове, по спине и по шее. Одурев от боли, я кинулся к двери, чтобы выскочить вон, но мой палач настиг меня. Мне негде было скрыться от свистящей в воздухе плетки, которая снова и снова врезалась в кожу, оставляя на ней горящие огнем красно-белые вздувшиеся шрамы. Я споткнулся о стул. В это время хлыст впился мне в глаз. Закричав от нестерпимой боли, я упал на колени. Когда женщина в

ярости хлестала меня по незащищенной голове, послышался слабый стук в дверь. Плеть замерла в воздухе – и неистовая, безумная атака прекратилась. Я растянулся на полу, кровь ударяла в уши, тело горело и саднило. Где-то далеко в темноте слышались неясные голоса. Потом кто-то схватил меня за шиворот и поставил на ноги. Едва не заплакав от боли, я рванулся вперед. Передо мной стоял Херви Бероу. Его пропахшее виски дыхание было мне отвратительным.

– Пауки в банке! – смеясь, воскликнул ночной визитер. – Ты едва не прикончила его, малышка!

– Вышвырни его вон! – закричала Ева.

– С величайшим удовольствием, – злорадно улыбнулся Бероу и, вцепившись в мою рубашку на груди, притянул меня к себе. – Ты помнишь меня? – Его грубое лицо почти касалось моего. – Я тоже не забыл тебя. Вставай! Сейчас ты отправишься на прогулочку.

Он вытолкнул меня в коридор. У двери я попытался вырваться, но Бероу держал меня железной хваткой. Минуту или две мы боролись. Когда он вытолкнул меня из дома, я обернулся и заметил Еву. Она стояла в освещенной прихожей и, не отрываясь, смотрела на меня. Женщина плотно запахнула халатик, сложила руки на плоской груди и устремила на меня широко раскрытый взгляд. Лицо Евы опять приобрело выражение застывшей маски, губы были плотно сжаты. Когда наши глаза встретились, профессиональная шлюха откинула назад голову. Это был высокомерный жест триумфа. Потом Бероу вытолкнул меня на улицу, и больше я уже не видел Еву. Но я ее запомнил такой, какой она была в последний момент нашего безмолвного прощания.

– Теперь, Дон-Жуан, – сказал Херви, обнажив в улыбке желтые зубы, – ты уже наверняка забудешь дорогу в этот дом.

Мой давнишний враг сжал руку в кулак и с силой ударил меня по лицу. Я упал в сточную канаву. Удар оглушил меня, и у меня не было сил, чтобы подняться. Ночной клиент Евы наклонился ко мне.

– Наконец-то я рассчитался с тобой, – сказал он. – Впрочем, не совсем, я кое-что еще должен тебе. – И он бросил в канаву две банкноты в сто и десять долларов. Они упали рядом со мной. Бероу спустился по тропинке и вошел в дом. Входная дверь с шумом захлопнулась за ним. Когда я протянул руку к деньгам, Джон Коулсон разразился смехом.

Глава 20

Эта история никогда не кончится. Бросьте в пруд камень, и он тут же исчезнет под водой. Но это не конец: на поверхности пруда появятся круги, которые будут расходиться все шире и шире от того места, куда угодил камень, пока вся водная гладь не начнет слегка колебаться. Пройдет много времени, прежде чем поверхность пруда успокоится.

Я сижу перед своей пишущей машинкой в жалкой комнатухе и смотрю из окна на необъятный простор Тихого океана. Рассел терпеливо ожидает, когда я приступлю к дневной работе, но сегодня я не спешу присоединяться к нему. У нас есть лодка, и за последний год мы отвезли на крохотные островки, расположенные в Тихом океане, сотни туристов. Я работаю веслами, а Рассел сидит на носу лодки и рассказывает туристам о пиратах, которые много лет назад грабили эти острова. Рассел очень нравится туристам, а туристы – Расселу. Лично я не выношу глупых, любопытных лиц и резких голосов, которыми задаются всякие нелепые вопросы. К счастью, я должен все время грести и мне некогда общаться с пассажирами. Зарабатываем мы мало, но на жизнь хватает. Рассел очень прижимист и умудряется даже скопить достаточно денег, чтобы мы могли прокормиться в «мертвый» сезон.

Никто никогда не слышал обо мне в этом городишке. Мое имя ничего не говорит и туристам, но, возможно, если эту книгу когда-нибудь опубликуют и на обложке появится мое имя, они вспомнят меня. Как ни странно, мне нравится быть ничем. Вначале я переживал из-за этого, но время шло, и мне все меньше и меньше хотелось возвращаться к прежней работе и приниматься за роман или пьесу. Тем более что деньги мне здесь ни к чему: в этом захолустье я все равно не могу позволить себе того, что допускал, будучи известным писателем. Теперь я освободился от всех своих шикарных привычек и только иногда грущу о вещах, которые могут себе позволить люди обеспеченные. Я пришел к выводу, что счастлив именно оттого, что я никто. Теперь я гораздо счастливее, чем тогда, когда был знаменитостью.

Не знаю, как бы я жил без Рассела. Всем, что у меня есть, я обязан ему. Именно он нашел меня, полубезумного, в канаве рядом с домом Евы. Я был на грани отчаяния, и, если бы мой преданный слуга не появился в самый критический момент моей жизни, я покончил бы жизнь самоубийством. Именно Рассел купил лодку с мотором в сто лошадиных сил. Он купил ее

на собственные сбережения. Я был против того, чтобы он приобретал ее, но, если бы этого не случилось, мы умерли бы с голоду. Когда я понял, что наши дела плохи, я смирился и перестал возражать против покупки лодки. Вначале я вообще считал, что это бредовая идея, но Рассел все тщательно продумал. Он сказал, что жизнь на воздухе быстро поставит меня на ноги, к тому же ему и самому по душе жизнь на природе. Тогда мне было совершенно безразлично, что со мной будет, мне просто хотелось предостеречь Рассела от напрасной траты денег, потому что я не верил, что его надежды на то, что мы сможем зарабатывать благодаря этой лодке, оправдаются. Но он только поднял свои кустистые брови, что означало: поживем – увидим! Однако, когда мы поехали в порт, чтобы осмотреть лодку, я горячо взялся за дело. Несмотря на то что Рассел заплатил за суденышко из своего собственного кармана, он сумел убедить меня, что мы заплатили за него поровну. Хотя мы больше не были хозяином и слугой, казалось справедливым, что я взял на себя обязанности капитана, а он – помощника. У нас был только один неприятный момент перед тем, как мы распределяли наши роли. Это произошло, когда мы решили дать название нашей лодке. Я тут же предложил именовать ее «Ева», мотивируя тем, что туристы легче запомнят это слово по ассоциации с библейской Евой – прародительницей всех бед. Но Рассел и слышать не хотел об этом. Никогда бы не подумал, что он такой упрямый. Вначале я пытался уговорить его, а потом разозлился и сказал, что он волен поступать как ему заблагорассудится. Когда на следующее утро я приехал на пристань, корму лодки украшала выписанная красной краской, буквами высотой в два дюйма надпись: «Кэрол». Я долго стоял и смотрел на дорогое для меня имя, а потом ушел по пустынному побережью в конец плотины и взирал, успокаиваясь, на безбрежные просторы Тихого океана. Приблизительно через час ко мне подсел Рассел, и я сказал ему, что он поступил правильно, назвав лодку в честь Кэрол. Он промолчал, но с тех пор мы отлично ладили друг с другом.

Так я живу теперь. Сказать трудно, сколько времени я буду вести подобный образ жизни. Не знаю, завоюет моя книга успех или нет. Если бы она удалась, я смог бы вернуться в Голливуд. Правда, я уверен, что теперь, когда нет Кэрол, Голливуд примет меня недружелюбно. Хотелось бы другого отношения, но я его не заслужил. Смогу ли я вообще вернуться туда и встретиться лицом к лицу с теми, кого я когда-то знал, я сомневаюсь. Смерть Кэрол очень подействовала на меня. Только теперь я понял, как много она значила для меня. Так часто бывает в жизни: цену самому дорогому узнаешь только тогда, когда потеряешь его. Странно, но, потеряв

Кэрол, я обрел веру в себя и чувствую, что спокойно могу встретить будущее. Влияние, которое оказала Кэрол на мое мировоззрение, настолько сильно, что теперь я на все буду смотреть ее глазами и каждый раз, принимая важное решение, буду думать, как поступила бы она в данной ситуации.

Я не видел Еву почти два года, но все еще помню о ней. Совсем недавно мне вдруг захотелось узнать, как она поживает. Я не собирался возобновлять наше знакомство, нет. Я просто хотел удовлетворить свое любопытство, чтобы иметь представление, как она провела эти два года. Маленький домик на Лаурел-Каньон-Драйв был брошен. На окнах не было занавесок, сад был запущен, обстановка, к которой я так привык, куда-то исчезла. Соседям в домике рядом было неизвестно, куда уехала Ева. Женщина, которая открыла мне дверь, посмотрела на меня и улыбнулась покровительственной, понимающей улыбкой.

– Упорхнула среди ночи, – пояснила женщина, – и вовремя: ее замучили кредиторы. Нет, мне неизвестно, куда она уехала. Мне это безразлично. Хорошо, что избавились. Если бы мне сказали, что ее разыскивает полиция, я бы не удивилась. Так или иначе, она здесь больше не живет. Нам такие здесь не нужны, благодарим покорно!

Сейчас у меня нет никакой возможности разыскать Еву... Жаль. Я хотел бы на расстоянии от нее следить за тем, как складывается ее жизнь. Произошли или нет перемены в характере, в роде занятий. Мне это интересно. Бросила ли она свою профессию? Вернулась ли к Чарли Гибсу? Или продолжает продавать себя, пока не превратится в старую, распухшую от вина ведьму, тщетно пытающуюся затащить в свою конуру какого-нибудь клиента? Не знаю, может быть, нам суждено еще когда-нибудь встретиться снова. Хотя едва ли. Если у Евы неприятности с полицией, она наверняка изменила имя и не посещает тех мест, где бывала когда-то.

Совсем недавно я перечел вольтеровского «Кандида» и нашел там несколько строк, которые можно отнести не только к Еве и ее будущему, но и к будущему всего того легиона женщин, которые зарабатывают на жизнь профессией, занимающей особое место в нашем современном обществе. Слова женщины древнейшего ремесла меня тронули:

«Я была вынуждена торговать собой. Вы, мужчины, находите, что это приятно, а мы, несчастные существа, считаем это самым ужасным из всех страданий. О сэр, если бы вы только знали, что это значит, когда ты вынуждена ложиться в кровать с первым попавшимся: с

торговцем, монахом, членом государственного совета, рыбаком или аббатом, – что значит быть во власти их вожделий и причуд, что значит быть ограбленной одним из любовников и лишиться всего того, что получено от других, что значит находиться в вечном страхе перед представителями правосудия, что значит постоянно думать о той ужасной перспективе, которая ожидает в старости, гадая о том, где ты кончишь свои дни: на больничной койке или на навозной куче. Если бы вы могли это понять и имели чуткое сердце, вы пришли бы к выводу, что я – самое несчастное существо из всех, кто живет и дышит на земле».

Повторяю, мне неизвестна дальнейшая судьба Евы. Я только уверен, что судьба Евы – в ее собственных руках. Хорошо, что у нее есть воля. Надеюсь, что настанет время, когда она так же, как и я, всерьез задумается над своим будущим. Мне бы хотелось быть поближе к ней, когда это случится. Я часто задумываюсь над тем, почему мне не удалось заслужить ее доверия. Теперь я понимаю, что ждал от нее слишком многого, надеюсь, что она полюбит меня. Это было невозможно, но, по крайней мере, она могла бы доверять мне. Я всегда считал, что, если мужчина захочет завоевать сердце женщины, он завоюет его. Но, по-видимому, Ева была не такой, как все. А возможно, я был слишком нетерпелив или слишком быстро сдал свои позиции. Не знаю. Задача завоевать Еву была действительно сложной не только потому, что Ева заранее предвидела все ходы в игре, но и потому, что женщина инстинктивно угадывает такие нюансы, которые заставляют ее сердце любить или ненавидеть того или иного мужчину. А может быть, все объясняется гораздо проще: я был слишком груб и бестактен с нею. Прошло уже два года, и теперь, когда я пытаюсь разобраться в наших с ней отношениях, я прихожу к выводу, что, несмотря на то, что Ева принесла мне много боли и горечи, я все же не жалею, что встретился с нею. Тот уик-энд, который мы провели вместе, дал мне такое полное физическое удовлетворение, которое редко кто из мужчин испытал в жизни, и уверен, что оно было взаимно. Моя ошибка состояла в том, что после нашего уик-энда я продолжал поддерживать отношения с Евой, в то время как я должен был сразу же прекратить их.

Да, у меня есть опыт прошлого, которым я духовно обогатился, но у меня должно быть и будущее, которое мне нужно строить самому и заново. Я кончаю: Рассел нетерпеливо поглядывает на мое окно. Я вижу, как

сверкают на солнце часы, которые он держит в руке. «Кэрол» готова к отплытию и полностью укомплектована туристами. Они ждут меня.

Содержание

[Джеймс Хэдли Чейз Ева](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)